





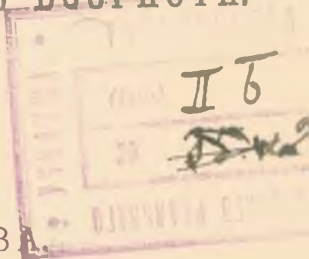


*Joseph L. ...*

# ДОСТОЕВСКІЙ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ  
А. В. КРУГЛОВА.



*Ср. Кат. А. В.*

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ,  
портретомъ *Ф. М. Достоевскаго* и снимками съ его дома и  
школы его имени.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.  
1897.

Zakład Filologii Rosyjskiej  
WYŻSZEJ SZKOŁY NAUCZYCIELSKIEJ  
w Kielcach, ul. Leśna 16

4272



98989

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

Можно было бы обойтись безъ предисловія, если-бы не мысль, что люди, привыкшіе думать по шаблонамъ, замѣтятъ навѣрное: „Достоевскій—не для дѣтей“. Это даже кто-то высказалъ въ печати, когда вышелъ въ свѣтъ сборникъ „Русскимъ дѣтямъ“, составленный проф. О. Θ. Миллеромъ. Конечно, цѣликомъ, весь—Достоевскій не для дѣтей. Но вѣдь нѣтъ ни одного писателя, котораго цѣликомъ можно было-бы взять для бібліотеки юныхъ читателей. Не даромъ-же существуетъ особая дѣтская литература. Но она много-бы потеряла, если-бы изъ нея исключить все то, что можно взять у лучшихъ художниковъ слова. Нельзя допустить, чтобы дѣти были незнакомы съ произведеніями великаго писателя до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи прочесть его цѣликомъ. Зачѣмъ лишать юнаго читателя самаго драгоцѣннаго въ области художественнаго творчества, —возможности знакомиться съ жизнію въ изображеніяхъ лучшихъ мастеровъ словеснаго искусства! Необходимо только, чтобы знакомство это не вредило вѣрному представленію о великихъ художникахъ. Можно показывать, не всѣ картины, но должно все остаться въ оригиналѣ, чтобы сохранилось мастерство, страдающее отъ всякой передѣлки.

Мнѣ замѣтятъ: но отъ этого мрачная картина не

сдѣляется свѣтлою. Во первыхъ, несомнѣнно смягчится впечатлѣніе, когда отвинется самое рѣзкое, часто рѣзкое лишь по своей совокупности. Во вторыхъ, у каждаго писателя, а слѣдовательно и у Достоевскаго — не всѣ картины мрачны. Въ третьихъ, надо еще выяснитъ вопросъ: какъ понимать слово „мрачно“, не говоря уже о томъ, что не слѣдуетъ юнаго читателя держать исключительно на однихъ свѣтлыхъ явленіяхъ жизни, равно какъ и рисовать эту жизнь исключительно мрачными красками. Разумѣется, нельзя знакомить дѣтей только съ Достоевскимъ. Но выборъ широкъ, и Достоевскій лишь одинъ изъ числа русскихъ классиковъ. Его краски ярки, картины вѣрны и нельзя пропускать ихъ. Я стою за то (и говорю по опыту), что „мрачность“ Достоевскаго не опасна, а напротивъ благотворна, что онъ многими страницами понятенъ для дѣтей старшаго возраста (лѣтъ отъ 12), конечно, болѣе или менѣе развитыхъ. Читая Достоевскаго, дѣти рѣдко будутъ смѣяться (а иногда будутъ все же), но развѣ каждая книга должна возбуждать смѣхъ? Смѣхъ полезенъ, но не мѣшаетъ порою ребенку и поплакать тѣми хорошими, святыми слезами, которыя благотворны для души, какъ весенній, теплый дождь для поля. Не эти слезы дѣлаютъ дѣтей нервными, о, повѣрьте—не эти! Есть, конечно, больныя нервныя дѣти, невыносящія ничего печальнаго. Но это уже *больныя*. Быть можетъ, оттого они и такія, что жизнь жестока и полна отцами и матерями, не умѣющими плакать *хорошими слезами*, а склонными къ дурной слезливости. У Достоевскаго, какъ великаго художника, нѣтъ фальши въ изображеніи жизни и человѣка, голосъ писателя звучитъ властно, краски — ярки. Горя въ жизни не мало, дѣти его видятъ, испытываютъ, — какъ же вы это скроете отъ нихъ? Пусть они все осмыслятъ, поймутъ и *прочувствуютъ* съ помощью того, кто любилъ всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“. На книгу капнутъ слезы, но не слезы от-



чаянія, злобы, а сочувствія, состраданія и любви. Эти слезы не отравяют сердца, а задѣвнютъ лучшія струны души, заставятъ сильнѣе любить. Кто заставляетъ любить, тотъ несомнѣнно полезенъ для дѣтей. Не надо безцѣльной мрачности, ея у Достоевскаго нѣтъ. Возьмите исторію Илюши: она печальна. Но Боже мой! сколько здѣсь свѣта и тепла, той любви, которая животворной струей пробѣжитъ по дѣтскимъ сердцамъ. А что производитъ такое дѣйствіе, то не мрачно въ смыслѣ — отравляющемъ. Нельзя считать идеаломъ ребенка съ деревяннымъ отношеніемъ къ жизни. Если ребенку показывать только одно свѣтлое, то можно дать ложное понятіе о жизни, не подготовить его къ ней, не научить понимать чужое горе, а воспитать сухого эгоиста, слѣдовательно и *труса* въ житейской битвѣ. Да и какъ ни устраняйте всё темное изъ книги, его не устраните вовсе изъ жизни. Я согласенъ, что *безпрерывная скорбь* можетъ придавить человѣка. Поэтому я и говорю: надо, чтобы чтеніе Достоевскаго чередовалось съ чтеніемъ другихъ писателей.

Настоящій сборникъ открывается коротенькимъ воспоминаніемъ „Мужикъ Марей“. Это — умилительная картинка, сжатая, яркая. Симпатичный Марей обрисованъ нѣсколькими штрихами полно. Въ наброскѣ: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ — есть печальное, но набросокъ наводитъ на серьезныя думы, которыя только полезны. „Столѣтняя“ — жизненная сценка, чуждая мрачности, необыкновенно обаятельная по своей простотѣ и трезвой наивности старушки. „Оома Даниловъ“ — только замѣтка, по которую было бы преступно выкинуть изъ дѣтской книги, особенно въ наше время. Достоевскій зналъ, что онъ дѣлаетъ, когда остановилъ на газетномъ извѣстіи вниманіе подписчиковъ „Дневника писателя“. Я понимаю, почему эту замѣтку взялъ и О. Θ. Миллеръ. Я ее нарочно помѣстилъ въ началѣ книги, сейчасъ же за „Мареемъ“ и „Столѣтней“. Замѣтка не

только останавливаетъ мысль ребенка на вопросѣ, легкомысленно игнорируемомъ многими, но и освѣщаетъ прекрасно душу простого человѣка—грубаго, невѣжественнаго, склоннаго въ большому грѣху, но и способнаго поступить такъ, „какъ мы, господа, врядъ-ли поступили бы“. Необходимо въ должномъ свѣтѣ показать маленькому читателю „геройство“ Оомы. „Честнаго вора“ ни за что бы не взяли боящіеся отрицательныхъ типовъ въ дѣтской литературѣ. Но я не боюсь тѣхъ отрицательныхъ типовъ и картинъ, которые учатъ дѣтей положительному добру, учатъ понимать несчастнаго ближняго. Къ тому же здѣсь есть и положительный типъ. Я читалъ рассказъ въ семьѣ, гдѣ было четверо слушателей (старшему 15 л.). Они поняли мысль автора \*). Оба отрывка изъ романа „Подростокъ“ несмѣнно благотворны въ воспитательномъ отношеніи. Первый особенно задѣнетъ за живое дѣтское сердце. Второй доступенъ болѣе взрослымъ дѣтямъ, которые поймутъ мученія купца. Но горе мальчика—прекрасно прочувствовала даже 11 лѣтняя дѣвочка,—читавшая рассказъ при мнѣ вслухъ.

Изъ „Бѣдныхъ людей“ я взялъ отрывокъ—рассказъ Вареньки о своемъ дѣтствѣ. Здѣсь все печально по внѣшности, но за то и все говоритъ сердцу. Прекрасно очерчены Варя, студентъ Покровскій, его отецъ и нѣсколькими штрихами Анна Федоровна. Юный читатель будетъ трепетно переживать всѣ волненія „героевъ“, главнымъ образомъ Вари. Сцена покупки подарка для Покровскаго и слѣдующія—читались въ школѣ при гробовомъ молчаніи всѣхъ дѣтей—(20-ти). Они были рады за Варю, нашедшую Пушкина на толкучкѣ,—это видно было на ихъ лицахъ. Отецъ Покровскаго у нѣкоторыхъ возбудилъ любовный дружескій смѣхъ. Но его поняли. Одна дѣвочка воскликнула: „ахъ, его то особ-

\*) Этотъ рассказъ войдетъ въ слѣдующій томъ.

ливо жаль мнѣ!“ Смерть Покровскаго и его похороны сильно подѣйствовали на слушателей. Многіе плакали (особенно дѣвочки). Но этихъ слезъ бояться нечего, если воспитаніе ведется разумно. Такія слезы дѣти видятъ и въ жизни.

„Записки изъ мертваго дома“—въ томъ видѣ, какъ онѣ представлены юнымъ читателямъ\*), совсѣмъ не производятъ впечатлѣнія подавляющаго, отчаянно-безотраднaго, хотя отъ нихъ и вѣетъ печалью. Въ печальныхъ картинахъ—не мало и свѣтлыхъ точекъ, если не ограничиваться одной внѣшностью. Таковы фигуры Аллея, Нурры, картины праздника, театральныя представленія, очерки животныхъ. Чувствуется *человѣчность* тамъ, гдѣ ее нельзя было-бы и ожидать. О пользѣ знакомства съ арестантскимъ бытомъ нечего и упоминать—это понятно само собою.

Я хотѣлъ сначала изъ „Нечки Незвановой“ взять только повѣсть о ея жизни въ домѣ князя. Но вдумавшись въ содержаніе первой части, я рѣшился взять и рассказъ о мытарствахъ отчима Неты, о ея жизни въ родной семьѣ. Это необходимо для уясненія дальнѣйшаго содержанія и для выясненія характера Нечки. Кромѣ того Ефимовъ интересенъ самъ по себѣ, какъ типичный представитель русскихъ неудачныхъ артистическихкихъ натуръ, погибающихъ благодаря своимъ свойствамъ. На многихъ страницахъ (напр. послѣ концерта) письмо Достоевскаго достигаетъ изумительнаго совершенства. Ефимовъ стоитъ передъ читателемъ, какъ живой, и каждое его дѣйствіе, движеніе души объясняется съ тѣмъ умѣньемъ, какое можно встрѣтить только у гениальныхъ художниковъ. И дѣти понимаютъ писателя. Здѣсь я долженъ сказать, что я производилъ постоянныя повѣрки на дѣтяхъ и просилъ о томъ же знакомыхъ, имѣющихъ дѣло съ дѣтьми. Рассказъ о Ефимовѣ былъ

\*) Войдутъ во 2-й томъ.

прочитанъ на одномъ вечерѣ, среди дѣтей. Изъ 14 человекъ (три дѣв. одиннадцать мальчиковъ) только одной дѣвочкѣ 12 лѣтъ этотъ рассказъ не понравился и не былъ ею понятъ. Правда, я самъ читалъ, и нѣсколько направлялъ мысль юныхъ слушателей. Что же мѣшаетъ взрослымъ взять на себя роль руководителя? Мѣшаетъ многимъ лѣнь и желаніе развлекаться самимъ. Но что можетъ дать больше наслажденія, какъ не бесѣда съ дѣтьми, мысль которыхъ уже затронута книгой?

Всѣ сцены изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ я смѣло называю свѣтлыми и отрадными, несмотря на ихъ печальное содержаніе, на скорбь, проникающую многія страницы. Кроткій обликъ Алеши, величавый образъ праведника Зосимы, его воспоминанія, поученія, исторія Илюши—все это залито такимъ внутреннимъ свѣтомъ, полно такого благотворнаго тепла, что странно и поднимать рѣчь объ удручающемъ впечатлѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто прочувствуетъ исторію Илюши, никогда въ жизни не явится „убійцей“ другого Илюши. Можно видѣть горе — и доставлять горе другимъ. Но кто пойметъ страданіе ближняго и чье сердце прожгутъ чужія страданія, чужія слезы, тотъ не будетъ въ силахъ самъ бросать въ міръ — горе и слезы.

И вотъ такимъ образомъ, „писатель не для дѣтей“ даетъ дѣтямъ не мало и все это драгоцѣнно. Я сдѣлалъ выборки, соединяя иногда въ одно, взятое изъ разныхъ мѣстъ произведенія, но я не измѣнилъ ни одного штриха великаго писателя, не посягнулъ на передѣлки, считая всякія искаженія преступной дерзостью. Я *не все* могъ взять у Достоевскаго \*), но *все взятое* — принадлежитъ ему, представлено *въ его словѣ*, изображено *его кистью*. И я увѣренъ, что юные читатели по этимъ отрывкамъ полюбятъ покойнаго писателя и, *доразвившись до пони-*

\*) Въ письмѣ къ Н. Л. Озмидову, Достоевскій говоритъ: мои сочиненія, не думаю, чтобы всѣ пригодились ей (дочери Озмидова). Изъ письма отъ 18 авг. 1880 г.

*манія ея всею*, захотятъ прочесть его сочиненія цѣликомъ, чтобы насладиться картинами во всей ихъ полнотѣ и шири.

Это предисловіе я пишу не для тѣхъ, кому предназначается сборникъ, а для ихъ родителей, воспитателей, для всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ, что „Достоевскій не для дѣтей“. Этимъ послѣднимъ я предлагаю начать чтеніе сборника прямо съ составленнаго мною маленькаго біографическаго очерка, чтобы ознакомиться немного съ жизнью и личностью Федора Михайловича Достоевскаго. Полное знакомство съ нимъ и его дѣятельностью, конечно, возможно будетъ для моихъ читателей тогда, когда *весь Достоевскій* сдѣлается имъ доступенъ.

---



## Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

---

Вы не можете не знать этого имени, если и не читали ничего изъ сочиненій Достоевскаго. Его знаетъ вся образованная Россія. Его сочиненія есть въ каждой захолустной библіотекѣ. Не только книги его, но и его портретъ вы видѣли, можетъ быть, въ кабинетѣ отца, брата, знакомаго. Передъ вами сборникъ, составленный изъ его сочиненій. Васъ, разумѣется, заинтересуетъ и личность автора и его жизнь. Познакомиться *вполнѣ* съ его личностью и жизнью можно только послѣ *полнаго* знакомства съ его сочиненіями. Но пока еще вамъ это недоступно, и если другъ покойнаго писателя говоритъ, что у него „не хватаетъ смѣлости“ назвать свой очеркъ жизни Достоевскаго— „настоящимъ“ жизнеописаніемъ, то я и подавно не назову такъ мои наброски. Я хочу только кое-что разсказать вамъ объ умершемъ писателѣ, сообщить нѣкоторыя черты изъ его жизни, коснуться нѣсколькихъ моментовъ жизни и дѣятельности, чтобы хотя сколько-нибудь освѣтить духовный образъ того, чьи строки взволнуютъ ваше сердце и вызовутъ въ вашемъ умѣ тѣ или другія думы. А потомъ, будетъ время—вы прочтете всѣ сочиненія Достоевскаго, прочтете не однажды, а много разъ и познакомитесь всесторонне съ его личностью и жизнью, богатою внутреннимъ содержаніемъ...

А теперь — странички из этой большой и занимательной биографии.

По рождению Достоевскій — москвичъ. Онъ родился 30-го октября 1821 года, во флигелѣ Маріинской больницы, въ которой отецъ Федора Михайловича, Михаилъ Андреевичъ Достоевскій — служилъ врачомъ. Самымъ раннимъ воспоминаніемъ Ф. М. было то, какъ однажды няня принесла его, трех-лѣтняго, въ гостиную, заставила стать на колѣни передъ образомъ и прочесть молитву на сонъ грядущій: „Все упованіе, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ Своимъ“. Это воспоминаніе врѣзалось въ его память, онъ твердилъ молитву всю жизнь и читалъ ее, благословляя отходящихъ ко сну своихъ дѣтей.

Ф. М. получилъ воспитаніе, по его собственнымъ словамъ, строгое. Михаилъ Андреевичъ любилъ своихъ дѣтей (у Ф. М. было нѣсколько братьевъ и сестеръ; старшій братъ, Михаилъ — также нѣсколько извѣстенъ въ литературѣ), охотно разговаривалъ съ ними обо всемъ, что могло развивать ихъ, давалъ имъ свободу высказывать свои мысли, но вообще былъ строгъ, и нянѣ приходилось нерѣдко скрывать отъ него провинности дѣтей. Про Ф. М. отецъ говорилъ: „это — настоящій огонь“. Дѣйствительно, онъ былъ очень рѣзвъ, горячъ въ разговорахъ. Начитавшись о жизни дикихъ, маленькій Достоевскій (начавшій учиться грамотѣ на пятомъ году) любилъ играть въ „дикіе“. Игра состояла въ томъ, по словамъ младшаго брата — Андрея, что, выбравъ глухое мѣсто въ роцѣ, они устраивали шалашъ и дѣлали его главнымъ мѣстопребываніемъ дикихъ племенъ.

Раздѣвшись, они расписывали себѣ тѣло красками, на манеръ татуировки; дѣлали себѣ головныя и поясныя украшенія изъ листьевъ и выкрашенныхъ гусиныхъ перьевъ, и вооружившись самодѣльными луками, производили воображаемые набѣги. Ф. М. былъ предводителемъ племени. „Разъ помню, рассказываетъ младшій



братъ—въ отличную сухую погоду матушка, желая продлить наше удовольствіе, велѣла отнести обѣдъ „диварямъ“ на воздухъ, въ особой посудѣ и поставить кушанья подъ кустомъ. Мы поѣли безъ ножей и вилокъ, какъ подобаеть дикимъ. Но когда мы захотѣли и ночь провести въ „дикомъ состояніи“, намъ этого не позволили“.

Кромѣ этой игры, Ѳ. М. любилъ еще игру въ Робинзона. Все это относится къ пребыванію въ имѣніи, которое состояло изъ двухъ небольшихъ деревенекъ, купленныхъ Мих. Андр. въ 1831 году. Въ городѣ, конечно, не было такого раздолья, и дѣти съ охотой ѣхали въ деревню. Они любили бѣгать по полямъ, глядѣть, какъ работаютъ крестьяне, разговаривать съ ними. Маленькій Ѳеда пользовался особеннымъ расположеніемъ поселянъ. Онъ коротко сблизился съ ними. То попросить водить лошадь съ бороной, то погоняетъ лошадь, идущую въ сохѣ, а то вступить въ бесѣду съ мужиками. Но самымъ большимъ удовольствіемъ для него было исполнить какое-нибудь порученіе, оказать услугу. Однажды какая-то крестьянка, вышедшая въ поле жать, принесла съ собою и ребенка, котораго не на кого было оставить дома. Какъ-то нечаянно она пролила жбанъ съ водою. Маленькій Достоевскій съ радостью побѣждалъ въ деревню, за полторы версты, и принесъ жбанъ воды. Онъ еще тогда полюбилъ бѣдный народъ, который и платилъ ему за его любовь любовью. Настоящій сборникъ отрывается небольшимъ рассказомъ, въ которомъ Достоевскій вспоминаетъ одно свое дѣтское приключеніе въ деревнѣ. Этотъ рассказъ прекрасно рисуетъ отношенія мужика Маря въ барченку.

До покупки имѣнія, родители Ѳ. М. ежегодно лѣтомъ ѣздили въ Троице-Сергіевскую Лавру. Въ Лаврѣ они проживали нѣсколько дней, посѣщая всѣ церковныя службы. Быть можетъ, въ эти ранніе годы, Ѳ. М. былъ уже захваченъ повзрѣй церковныхъ пѣсенъ, и въ

его умиленную дѣтскую душу запала та искра вѣры, которая въ послѣдствіи горѣла въ немъ яркимъ пламенемъ, учила терпѣнію и любви, сдѣлала его истиннымъ русскимъ человѣкомъ и дѣятельнымъ сыномъ православной церкви. Зосимы рѣдки, но они встрѣчаются, и, быть можетъ, слово каеого-нибудь Зосимы прожгло тогда дѣтское сердце. Живучи эти дѣтскія воспоминанія, и ничто не можетъ совсѣмъ убить ихъ и вырвать изъ памяти. Первою книгою для чтенія у Ѳ. М. была Священная Исторія Ветхаго и Новаго Заветъа. Когда Ѳ. М., уже взрослому, удалось найти эту книгу, онъ съ восторгомъ объявилъ о находѣ брату. Большое вліяніе имѣлъ на мальчика дьяконъ, преподававшій Заб. Божій. Этотъ человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, рассказами изъ Свящ. Исторіи не только увлекалъ дѣтей и взрослыхъ, но и умилялъ сердца. Когда вы будете въ настоящемъ сборникѣ читать о старцѣ Зосимѣ—вы поймете, почему изъ подъ пера Достоевскаго вылились такія горячія, чудныя строки о Священной Исторіи.

Прежде чѣмъ поступить въ пансіонъ съ гимназическимъ курсомъ, Ѳ. М. и его братья учились дома, потомъ у нѣкаго Драшусова, къ которому ѣздили ежедневно. Преподаваніе латинскаго языка взялъ на себя самъ Михайль Андреевичъ, занимавшійся съ сыновьями по вечерамъ. Мальчики боялись этихъ уроковъ, такъ какъ отецъ былъ строгъ, взыскателенъ и вспыльчивъ. Впрочемъ, онъ никогда не наказывалъ дѣтей, и вся гроза ограничивалась крикомъ: назоветь сыновей лѣптями и бросить заниматься. Но это уже для дѣтей было наказаніемъ. Мих. Андр. не допускалъ розогъ и поэтому не отдалъ мальчиковъ въ гимназію, а помѣстилъ въ частный пансіонъ Чермака, который обращался съ дѣтьми, какъ родной отецъ, входилъ во всѣ ихъ мельчайшія нужды. Онъ обѣдалъ всегда за однимъ столомъ съ воспитанниками.

На воскресенья и праздники Достоевскіе пріѣзжали домой и дѣлились съ родителями своими впечатлѣніями, передавая все, что казалось имъ интереснымъ. Мальчики всегда отзывались съ восторгомъ объ учителѣ русскаго языка, прекрасно читавшемъ свой предметъ и имѣвшемъ большое вліяніе на учениковъ. Между дѣтьми и родителями откровенность была полная. Мих. Андр. не любилъ дѣлать наставленій дѣтямъ; при разказахъ о шалостяхъ, случавшихся въ пансіонѣ, отецъ только приговаривалъ: „ишь, шалунъ... ишь, разбойникъ!“, но ни разу не сказалъ: „смотрите, не поступайте такъ и вы!“ Этимъ онъ хотѣлъ показать, что и ожидать не можетъ отъ нихъ ничего подобнаго. Послѣ обѣда дѣти садились за чтеніе. Ѳ. М. и его братья читали много и чаще всего въ кругу родителей. Иногда сами родители читали вслухъ. Ѳ. М. любилъ болѣе всего описанія путешествій и историческія сочиненія. Онъ прочелъ Вальтеръ-Скотта, Нарѣжнаго. Исторія Россіи Карамзина была его настольною книгою. Въ обожаніи Пушкина сходились оба брата; они знали наизусть много стихотвореній великаго поэта. Мих. Мих. уже тогда самъ пописывалъ стихи.

1837 годъ—былъ тяжелымъ годомъ для Достоевскихъ. Они лишились матери, скончавшейся 27 февраля. Мих. Андр. поставилъ памятникъ на могилѣ жены и предоставилъ старшимъ сыновьямъ сдѣлать надпись на памятникѣ. Они оба рѣшили, что надо обозначить только имя, фамилію, день рожденія и смерти. На заднюю сторону памятника выбрали надпись изъ Карамзина: „Повойся, милый прахъ, до радостнаго утра!“ Въ этотъ же годъ умеръ Пушкинъ. Насколько любилъ его Ѳ. М. видно изъ того, что онъ говорилъ брату: „если бы у насъ не было семейнаго траура, я просилъ бы у отца позволенія носить трауръ по Пушкинѣ“.

Вскорѣ послѣ смерти матери, Ѳ. М. былъ отвезенъ съ братомъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ Инже-

нерное училище, а братъ найденный почему-то больнымъ (хотя онъ былъ вѣдѣнъ Ѳ. М.) отправился въ Ревель и поступилъ тамъ въ инженерную команду. Инженерное училище въ то время очень замѣтно выдѣлялось среди другихъ учебныхъ заведеній. Оно теперь гордится такими своими учениками, какъ Тотлебенъ, Кауфманъ, Радецкій, Сѣменовъ, Григоровичъ, Трутовскій, Достоевскій. Въ училищѣ Ѳ. М., занимаясь ревностно науками, продолжалъ много читать, знакомиться съ Гомеромъ, Шиллеромъ, Бальзакомъ. О времени пребыванія Ѳ. М. въ училищѣ довольно любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ заведеніи, нынѣ генераль-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Онъ рассказываетъ о дружбѣ Достоевскаго съ нѣкимъ Бережецкимъ, о томъ, что оба они избѣгали игръ, не посѣщали танцкласса, отдавая свободное время чтенію и разговорамъ. Ѳ. М. вообще далеко держался отъ начальства и старшихъ товарищей, и особенно былъ ласковъ съ тѣми, которые по своему положенію въ училищѣ не имѣли ни голоса, ни защиты. „Униженные и оскорбленные“ и тогда привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, хотя не имѣлъ къ ней никакого призванія. Но въ то же время онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не мирятся съ поступками другихъ, если они не согласны съ ихъ взглядами.

„Огонь-мальчикъ“, каковымъ считался Ѳ. М. въ дѣтствѣ, въ инженерномъ училищѣ замѣтно перемѣнился. Его нерѣдко постигали очень грустныя, мрачныя мысли; его никогда нельзя было видѣть веселымъ и празднымъ, свидѣтельствуетъ А. И. Савельевъ. По его словамъ, любимымъ мѣстомъ занятій Ѳ. М. была амбразура окна въ угловой спальнѣ, выходящей на Фонтанку. Здѣсь сидѣлъ и занимался Достоевскій. „Случалось нерѣдко, что онъ не замѣчалъ ничего, что дѣлалось кругомъ; Достоевскій только тогда убиралъ свои книги и тетради,

когда проходившій по спальнямъ барабанщикъ, бившій вечернюю зорю, принуждалъ его прервать занятія. Но *Ф. М.* вставалъ часто ночью и снова садился за писаніе“. Чему же посвящалъ юный Достоевскій ночные часы? Савельевъ говоритъ, что *Ф. М.* ужъ тогда началъ писать свой первый романъ „Бѣдные люди“ (отрывокъ изъ него помѣщенъ въ настоящемъ сборникѣ). Нельзя сказать утвердительно, что Савельевъ не ошибается, потому что слова *Ф. М.* о времени написанія „Бѣдныхъ людей“ нѣсколько расходятся съ показаніями Савельева. Быть можетъ, то былъ первоначальный набросокъ романа, впоследствии уничтоженный Достоевскимъ. Но вѣрно то, что *Ф. М.* уже началъ писать въ училищѣ, увлекаясь прочтенными авторами, и слѣдуя примѣру поэта Шидловскаго, съ которымъ былъ друженъ. Но это только внѣшній толчекъ. Достоевскій имѣлъ что сказать, это показалъ его романъ „Бѣдные люди“, который сразу доставилъ извѣстность молодому писателю. Написанныя имъ ранѣе драмы нигдѣ не были напечатаны и не дошли до насъ.

Послѣ окончанія полного курса наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ, въ 1843 году Достоевскій поступилъ на службу въ петербургскую инженерную команду. Теперь онъ еще съ большимъ увлеченіемъ отдался литературнымъ занятіямъ. „Бѣдныхъ людей“ онъ писалъ долго, исправляя и перерабатывая ихъ нѣсколько разъ. Въ концѣ концовъ онъ остался ими доволенъ. Онъ писалъ брату Михаилу, отъ 24 марта 1845 года: „Моимъ романомъ я серьезно доволенъ. Это вещь строгая и стройная“. Онъ мечтаетъ о томъ, что романъ спасетъ его отъ долговой кабалы и принесетъ хорошія деньги. Не умѣя хозяйничать и слишкомъ довѣряя людямъ, *Ф. М.* запутался въ денежныхъ отношеніяхъ и очень нуждался. Не мало перенесъ мученій молодой авторъ и отъ того, что не могъ рѣшиться: печатать ли романъ отдѣльной книгой или помѣстить сначала въ

журналѣ. Товарищъ Ѳ. М., Григоровичъ (извѣстный теперь писатель, а тогда еще почти совсѣмъ ничего не писавшій), познакомилъ его съ Некрасовымъ, стихотворенія котораго вы, разумѣется, знаете. Некрасовъ задумалъ изданіе Сборника. Убѣжденный въ достоинствахъ своего произведенія, Достоевскій, однако, смутился, отдавая рукопись Некрасову. Въ то время въ критикѣ пользовался громаднымъ значеніемъ В. Г. Бѣлинскій и молодой писатель боялся его. „Осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей“,“ думалъ Достоевскій, писавшій романъ почти со слезами. Вечеромъ того дня, въ который отдалъ Некрасову рукопись Ѳ. М., онъ отправился къ одному пріятелю и вернулся домой около четырехъ часовъ утра. Стояла чудная бѣлая ночь, какія бывають въ Петербургѣ весною. Не хотѣлось спать, и Ѳ. М. сѣлъ у раскрытаго окна и задумался. Вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней. Это были Григоровичъ и Некрасовъ. Они въ волненіи бросаются къ Достоевскому и обнимають его. Самъ Ѳ. М. рассказываетъ такъ объ этомъ: „Они наванунѣ вечеромъ воротились домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу. Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь. „Читаетъ онъ про смерть студента, рассказывалъ послѣ Григоровичъ,—и вдругъ вижу въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ бѣжить за гробомъ—у Некрасова голосъ прерывается, разъ, другой, не выдержалъ, стувнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то! Когда они кончили, то рѣшили идти ко мнѣ немедленно. „Что-жь такое, что спить—мы разбудимъ, это выше сна. Они пробыли у меня съ полчаса, и мы, Богъ знаетъ, сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ вослицаніями, торопясь, говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о Гоголѣ, цитируя изъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, но главное о Бѣлинскомъ. „Я ему сегодня снесу вашу

повѣсть, и вы увидите, да вѣдь человекъ-то, человекъ-то какой!.. Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!“ восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите—мы уходимъ, а завтра къ намъ“. Точно я могъ уснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ! А главное чувство было дорого... Вѣдь прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна. Ахъ хорошо! Вотъ что я думалъ... какой тутъ сонъ!“

Некрасовъ снесъ рукопись къ Бѣлинскому. Бѣлинскій, прочтя, пришелъ въ восторгъ и встрѣтилъ Некрасова словами: „Приведите его скорѣй!“

„И вотъ меня привели“, — рассказываетъ Достоевскій въ одномъ изъ №№ „Дневника Писателя“. — „Бѣлинскій встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. Но не прошло и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, а такъ сказать изъ уваженія къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя онъ торопился мнѣ сказать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я не предполагалъ даже въ самыхъ страстныхъ своихъ мечтахъ. О, я буду достоинъ этихъ похвалъ,—и какіе люди!“

Дальнѣйшей литературной дѣятельностью Достоевскій доказалъ, что Бѣлинскій не ошибся, признавъ въ молодомъ писателѣ крупный выдающійся талантъ.

Однако, романъ, принятый восторженно не сразу былъ напечатанъ и Ѳ. М. продолжалъ нуждаться въ деньгахъ. Онъ началъ уже новую повѣсть, сознавая хорошо, что „литературная работа не терпитъ понужденія“. Къ сожалѣнію, почти въ теченіе всей своей жизни Достоевскій чувствовалъ надъ собой этотъ молотъ нужды,

заставлявшій его иногда писать спѣшно и даже измѣнять широкіе планы произведеній. Письма  $\Theta$ . М., напечатанныя послѣ его смерти, краснорѣчиво говорятъ о той сильной нуждѣ, какую приходилось по временамъ переносить писателю, составлявшему гордость и славу литературы. Эти же письма объясняютъ отчасти и причины такого матеріальнаго положенія  $\Theta$ . М. Я забѣгаю нѣсколько впередъ, но это надо. Послѣ смерти старшаго брата, Михаила—осталась семья безъ всякихъ средствъ и масса долговъ.  $\Theta$ . М. всѣ долги взялъ на себя и поддерживалъ семью брата. Кромѣ того онъ помогалъ многимъ, и ему не мало стоили заботы о пасынкѣ Павлѣ Исаевѣ (сынѣ первой жены, которая вышла за  $\Theta$ . М. уже вдовою). Онъ помогалъ ему щедро,—печалась за него, какъ за родного. Все это, конечно, рисуетъ  $\Theta$ . М. какъ человѣка съ отзывчивымъ сердцемъ, съ доброй душою. Онъ много выносилъ на себѣ, чтобы другимъ жилось легче.

Вернемся назадъ.

Молодому писателю, блестяще начавшему свою дѣятельность, судьба готовила страшный ударъ.  $\Theta$ . М. былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Вы спросите: за что же? За то, что примкнулъ къ кружку молодыхъ людей, увлеченныхъ ложными ученіями о государственномъ устройствѣ и положеніи народа. Сначала Достоевскому не было разрѣшено ни читать, ни писать; но спустя два мѣсяца онъ получилъ возможность читать и работать... Въ одно время съ нимъ было арестовано много и другихъ лицъ. Замѣчательно отношеніе сторожа, приставленнаго къ узникамъ. По временамъ, отворяя окопечко, находившееся въ двери каземата, онъ говорилъ: „Скучно? Потерпите! И Христосъ терпѣль!“ Достоевскій и выносилъ заключеніе терпѣливо. Онъ писалъ между прочимъ брату изъ крѣпости: „Я не унываю, у меня есть занятія. Я надумалъ три повѣсти, два романа, одинъ изъ нихъ пишу. Я здѣсь



читаю: два путешествія въ св. мѣстамъ и сочиненія св. Дмитрія Ростовскаго; послѣднія меня очень заняли.“  
 Въ другомъ письмѣ Ѳ. М. проситъ брата прислать библию.

Судъ приговорилъ Ѳ. М. вмѣстѣ съ другими къ смертной казни, но Государь, Николай I, замѣнилъ казнь каторгою. Въ рождественскій сочельникъ Достоевскаго вмѣстѣ съ поэтомъ Дуровымъ отправили въ Сибирь. Трогательно было прощаніе братьевъ. И въ этомъ прощаніи сказались чудныя свойства души Ѳ. М. Онъ прежде всего высказалъ брату радость, что тотъ не пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ (хотя тоже былъ арестованъ), и съ теплой заботливостью спрашивалъ брата о семьѣ, дѣтяхъ, входилъ во всѣ подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Михаилъ Достоевскій не могъ удержаться отъ слезъ, но Ѳ. М. былъ спокоенъ и утѣшалъ его:— „И въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ быть, еще лучше меня. Мы увидимся, я надѣюсь на это, я даже не сомнѣваюсь, что увидимся. А выйду изъ каторги, писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, а а тамъ впереди, что увижу и переживу... будетъ о чемъ писать.“ Онъ вѣрилъ, что въ самыхъ закоренѣлыхъ преступникахъ, въ падшихъ людяхъ, не погасла вовсе Божья искра. Слабый тѣломъ, даже полубольной, Ѳ. М. не падалъ духомъ, потому что ни на минуту не переставалъ быть христіаниномъ. Онъ не только самъ стойко переносилъ кару, но и явился ангеломъ утѣшителемъ ослабѣвшаго товарища по несчастію.

Предчувствія не обманули Достоевскаго: онъ свидѣлся съ братомъ. По вступленіи на престолъ Александра II, Ѳ. М., уже отбывшій наказаніе, вернулся въ Петербургъ. Возстановленный во всѣхъ правахъ, которыхъ лишила его ссылка, онъ снова отдался служенію родинѣ нзъ поприщѣ писателя. „А что я тамъ увижу... будетъ о чемъ писать,“ — сказалъ онъ, прощаясь съ братомъ. Да, онъ много увидѣлъ, пере-

жилъ и все это рассказалъ въ „Запискахъ изъ мерт-  
ваго дома“. Онъ выводитъ въ нихъ себя подъ вымыш-  
леннымъ именемъ дворянина, сосланнаго въ каторгу  
за убійство жены. „Записки изъ Мертваго дома“ яви-  
лись настоящимъ событіемъ въ литературѣ. Онѣ от-  
крыли читателямъ цѣлый міръ людей, о которыхъ или  
ничего не знали или имѣли превратное представленіе.  
Читая „Записки“ вы невольно убѣждаетесь, что, дѣй-  
ствительно, въ самомъ послѣднемъ отверженцѣ не по-  
гасла искра добра и въ душѣ не умеръ Богъ. Надо  
только умѣть понять человѣка, умѣть затронуть сердце,  
и эта искра вспыхнетъ.

Возвращеніе изъ Сибири Ө. М. почти совпало съ  
освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости тѣхъ мил-  
ліоновъ „меньшихъ братьевъ“, о которыхъ скорбѣлъ До-  
стоевскій до ссылки, которыхъ любилъ еще съ дѣт-  
ства. Не даромъ онъ писалъ А. Н. Майкову послѣ ка-  
торги: „Я до такой степени родня всему русскому,  
что даже каторжные не испугали меня, это былъ рус-  
скій народъ, мои собратья по несчастію“.

Началась широкая, кипучая дѣятельность. Ө. М.  
продолжалъ писать романы и повѣсти, издавалъ и ре-  
дактировалъ вмѣстѣ съ братомъ Михайломъ журналы  
(„Время“ и „Эпоха“), а подъ конецъ жизни началъ  
издавать свой „Дневникъ Писателя“. Къ голосу ве-  
ливаго художника — мыслителя, горячаго патріота и  
глубоко вѣрующаго христіанина чутко прислушивалась  
образованная Россія. Къ нему шли и писали старые и  
молодые, обращались какъ къ учителю, который много  
пережилъ, передумалъ, горячо любить правду и родину,  
можетъ дать совѣтъ, разрѣшить тотъ или другой во-  
просъ. Достоевскій не уставалъ бесѣдовать, отвѣчать  
на письма, направлять начинающихъ литераторовъ. Оста-  
ваясь художникомъ въ романахъ, Ө. М. въ „Дневникѣ  
Писателя“ являлся публицистомъ, который боролся за  
правду, старался образумить заблуждающихся, защитить

дѣтей отъ несправедливости, отстоять „униженныхъ и обиженныхъ“.

Перенесшій такъ много въ жизни, но не потерявшій вѣры въ людей, уже больной и обремененный семьей отъ второго брака, Достоевскій работалъ упорно, какъ молодой человѣкъ, чувствовалъ горячо, волновался, какъ юноша. Онъ шелъ на встрѣчу всему доброму, не жалѣя силъ, дѣлалъ все, что могъ, для тѣхъ, кто нуждался въ его помощи. Не смотря на нездоровье, онъ всегда охотно принималъ участіе въ литературныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ пользу учащейся молодежи, и читалъ съ присущимъ ему жаромъ что-нибудь изъ своихъ сочиненій... Нужда все-таки не совсѣмъ оставила его. Онъ уже имѣлъ возможность купить въ Старой Руссѣ домикъ, чтобы жить по дѣтамъ внѣ Петербурга, въ своемъ углу, но и здѣсь онъ работалъ, не покладая рукъ, просиживалъ часто ночи за письменнымъ столомъ.

Въ 1880 году Россія поставила памятникъ своему гениальному пѣвцу „Полтавы“, погибшему въ 1837 году отъ руки французскаго проходимца. Въ Москвѣ, гдѣ поставленъ памятникъ Пушкину, происходили торжества. Въ Первопрестольную на открытіе памятника съѣхалось много народу со всѣхъ концовъ Россіи. То были Пушкинскіе дни, то былъ Пушкинскій праздникъ. Но онъ оказался въ тоже время и праздникомъ Достоевскаго, торжествомъ автора „Бѣдныхъ людей“. Въ засѣданіи „Литературнаго общества“ при многочисленной публикѣ, Ѳ. М. говорилъ рѣчь о Пушкинѣ. Какъ только онъ началъ говорить, вся публика встрепенулась и затихла. Ѳ. М. говорилъ съ обычной силой и простотой. Надъ огромной затихшей толпой звучалъ голосъ Достоевскаго, какъ голосъ какого-то вѣщаго пророка. Когда онъ кончилъ—всѣ были въ радостномъ волненіи. Восторгъ выразился шумно и порывисто. Бросились цѣловать Достоевскаго. Въ концѣ засѣданія

на эстрадѣ вдругъ появились дамы съ огромнымъ вѣнкомъ. Достоевскаго упросили войти на кафедру, сзади него, какъ рампу, держали вѣнокъ, и долго не смолкали рукоплесканія всей залы. Такъ чествовали писателя, восторженнаго поклонника вѣщаго поэта, — писателя, слово котораго также волновало тысячи сердецъ, вызывая къ добру и свѣту.

А между тѣмъ смерть была уже близка. Увѣнчанный на Пушкинскомъ праздникѣ, въ іюнѣ 1880 года, *Θ. М.* съ прежней энергіей принялся за работу и умеръ, какъ воинъ, на своемъ посту. Послѣднія 9 лѣтъ онъ страдалъ эмфиземой, вслѣдствіе болѣзни дыхательныхъ путей. Смертельный исходъ болѣзни произошелъ отъ разрыва легочной артеріи, и такой случайности никто изъ врачей не предвидѣлъ. Вдругъ открылось кровотечение изъ носа, на которое *Θ. М.* не обратилъ вниманія. На другой день сдѣлалось кровотечение горломъ. Оно повторилось при врачѣ и въ такой степени, что больной потерялъ сознаніе. Придя въ себя, онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Въ ожиданіи священника, *Θ. М.* простился съ женой и благословилъ сына и дочь. Послѣ причастія *Θ. М.* почувствовалъ себя легче. На слѣдующій день онъ могъ слушать чтеніе газетъ. Его не оставляла забота о „Дневникѣ писателя“ и онъ просилъ жену прочесть корректуру январскаго номера „Дневника“. Онъ хотѣлъ, чтобы „Дневникъ“ вышелъ въ свой срокъ. Это былъ послѣдній №, потому что 28 января въ 8 часовъ вечера Достоевскаго не стало.

Вся читающая Россія почувствовала страшную потерю. Всѣхъ поразила смерть любимаго писателя. Съ нимъ умеръ не только великій художникъ, но другъ и учитель.

Никогда еще не хоронили на Руси писателя такъ торжественно, какъ хоронили Достоевскаго. Проводить его останки собралась многотысячная толпа. Въ погребальной процессіи, при выносѣ гроба изъ квартиры въ

Невскую Лавру, было до 70 вѣнковъ, пѣли 15 хоровъ пѣвчихъ. Это не были нанятые пѣвчіе; эти хоры состояли изъ почитателей покойнаго. За гробомъ шли люди различныхъ классовъ, возрастовъ, взглядовъ, — много молодежи, которой усопшій писатель говорилъ столько горькой правды. Онъ любилъ эту молодежь и — желая ей блага — относился къ ней, какъ искренній другъ и добрый наставникъ. И молодежь поняла его, полюбила его. Двадцатитысячная толпа шла за гробомъ бывшаго каторжника, а нынѣ славнаго писателя; погребальная процессія растянулась на двѣ версты. Цѣлая аллея вѣнковъ, высоко поднятыхъ, терялась вдали. Это было море зелени. Въ послѣдній разъ вѣнчали русскіе люди того, кто такъ страстно и беззавѣтно любилъ Россію и такъ долго и честно служилъ ей своимъ властнымъ словомъ. На могилѣ говорились рѣчи, читались стихи. Между прочимъ молодой поэтъ А. В. Арсеньевъ, нынѣ также покойный, прочелъ слѣдующее стихотвореніе, очень слабое по формѣ, но дышащее неподдѣльнымъ чувствомъ:

Тяжелый для Руси ударилъ смертній часъ,  
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно отдался —  
Великій человекъ безвременю угасъ,  
Великихъ словъ потокъ безвременю прервался.  
Усопшій гений нашъ! Въ душѣ своей чистѣйшей  
Христовой правоты ученіе вмѣстилъ,  
И низшей братѣ онъ — униженной, слабѣйшей,  
Глаголь святой любви, участія возвѣстилъ!  
Раздвигайте гробы, отмѣченные славой,  
Примите новый гробъ въ свой неподвижный рядъ,  
Въ вашъ тихій сонъ пришелъ нашъ гений величавый,  
Къ кому сердца всѣхъ насъ любовью горятъ.  
Усни же, гевій нашъ! Не зависть здѣсь тебя,  
А чистая любовь сердечная хоронить.  
Откуда всякъ поидеть, въ душѣ своей скорбя,  
А здѣсь на прахъ слезу горячую уронить.

Такъ почтила публика своего любимаго писателя. Не забылъ его и Государь, признававшій его заслуги. Вдовѣ  $\Theta$ . М. съ дѣтьми была назначена отъ Государя пенсія. Тогда это было особенною милостію, потому что писатели, какъ люди не служащіе, не получали пенсій.

Прошло много лѣтъ со смерти Достоевскаго. На его могилѣ, въ Невской Лаврѣ, почитателями его поставленъ прекрасный памятникъ. Но лучшій памятникъ онъ воздвигъ себѣ самъ своими бессмертными твореніями, своею жизнью, надъ которой нельзя не задуматься. Судите сами. Ему судьба послала страшный урокъ. Каторга, нравственныя и физическія мученія — въ молодости. Дальше — борьба съ нуждой. года тяжелой жизни, вѣчная работа, безъ отдыха... И онъ все перенесъ, все поборолъ и не измѣнилъ себѣ, служилъ бодро и честно родинѣ. Правъ его другъ, Страховъ, сказавшій: „Да, Ѳ. М. Достоевскій не только литераторъ, но и учитель. Не только учитель, но и настоящій герой литературнаго поприща“.

Я пишу эти строки въ Старой Руссѣ, гдѣ жилъ Ѳ. М. и гдѣ теперь существуетъ школа имени Достоевскаго... Сотни и тысячи дѣтей получаютъ въ ней образованіе, любятъ книгу, любятъ писателя, портретъ котораго виситъ въ ихъ школѣ... Прочтутъ они и этотъ сборникъ, составленный для всѣхъ русскихъ дѣтей, о которыхъ всегда печалился Достоевскій. Онъ умеръ, но онъ живъ въ своихъ сочиненіяхъ и какъ бы бесѣдуетъ съ вами, друзья мои. Вслушайтесь въ его слова:—у него есть чему поучиться.

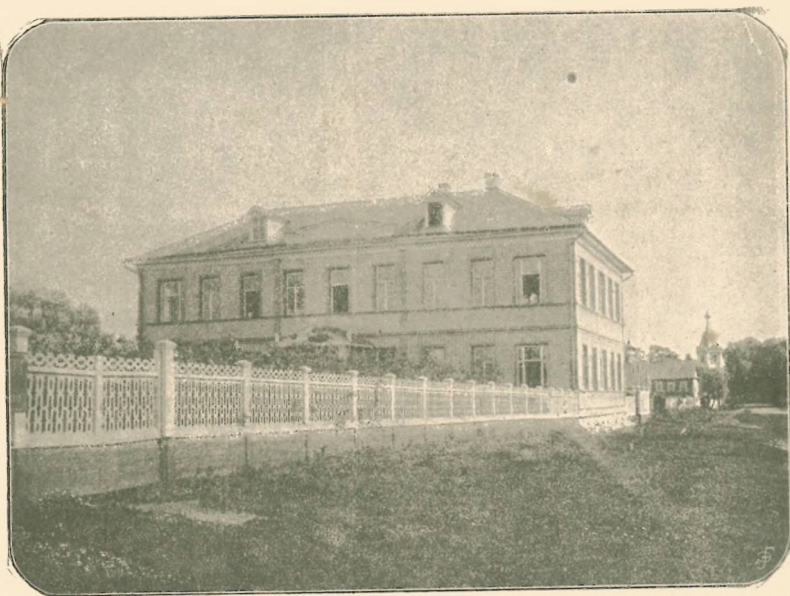
*Александръ Кружловъ.*

1896, 30 іюля.

Старая Русса.



Домъ въ г. Старой Руссѣ гдѣ жилъ и работалъ Ф. М. Достоевскій.



Церковно-приходская школа имени Ф. М. Достоевскаго въ г. Старой Руссѣ.





ИЗЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ.“

---

МУЖИКЪ МАРЕЙ.



Мнѣ вдругъ припомнилось почему-то одно мгновеніе изъ моего перваго дѣтства, когда мнѣ было всего девять лѣтъ отъ роду. Мнѣ припомнился августъ мѣсяць въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтренный; лѣто на исходѣ и скоро надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко повидать деревню. Я прошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ *Лоскз*,—такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой роши. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ, одиноко пашеть мужикъ. Я знаю, что онъ пашеть круто въ гору и лошадь идетъ трудно, и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ: „Ну-ну“! Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю, который это теперь пашеть, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлысть, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ непрочны, куда противъ березовыхъ. Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленькихъ, проворныхъ, красно-желтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаются гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тугъ мало; за грибами надо идти въ березнякъ и я собираюсь отправиться. И ничего въ жизни я таю

не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и слышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: „Волкъ бѣжить!“ Я вскрикнулъ и внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пахущаго мужика.

Это былъ нашъ мужикъ Марей. Не знаю, есть-ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ, — мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдью въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось мнѣ заговорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, слышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другой за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжить! прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то кричалъ сейчасъ: „волкъ бѣжить“ ... пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось, вишь! Какому тутъ волку быть! — бормоталъ онъ, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и должно быть былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь вѣдь испужался, ай-ай! — качалъ онъ головой. — Полно, рѣднѣй. Ишь малецъ, ай!

Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно-же, ну, Христось съ тобой, окстись.

Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палець и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой, — Господи, да что это, ишь, вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: „волкъ бѣжитъ“, померещился. Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то.

— Ну, я пойду, — сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я те во слѣдъ посмотрю. Ужь я тебя волку не дамъ! — прибавилъ онъ, все также матерински мнѣ улыбаясь, — ну, Христось съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своей кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался. Мнѣ, признаться, было немножко передъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я все еще очень побаяваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги; тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака Волчокъ. Съ Волчкомъ-то я ужъ вполне ободрился и обернулся въ послѣдній разъ къ Марей; лица его я уже не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно также мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку.

— Ну-ну! — услышался опять отдаленный окрикъ его и кобыленка потянула опять свою соху.

Придя домой отъ Марей, я никому не рассказалъ о моемъ „привлеченіи“. Да и какое это было привлеченіе? Да и объ Марей я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда даже съ нимъ не заговаривалъ, не только про волка, да и ни объ чемъ, и вдругъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значить, залегла-же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостнаго мужика, его кресты, его покачиванье головой: „Ишь вѣдь, испужался, малецъ“! И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ палець, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивающимъ губамъ моимъ. Конечно, всякій-бы ободрилъ ребенка, но тутъ въ этой уединенной встрѣчѣ случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и еслибъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ-бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ, а кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барченокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня и не наградилъ за то. Любилъ онъ что-ли такъ ужъ очень маленькихъ дѣтей? Такіе бывають. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ, можетъ, видѣлъ сверху какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостнаго русскаго мужика, еще и не ждавшаго — негадавшаго тогда о своей свободѣ.

---

ИЗЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ.“

---

МАЛЬЧИКЪ У ХРИСТА НА ЕЛКЪ.





Это случилось накануне Рождества, въ *какомъ-то* огромномъ городѣ и въ ужасный морозъ.

Мальчикъ, еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужаго города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашель и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался

вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая-же холодная какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, бессознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нащаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще-бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ приѣхалъ, по ночамъ, такой чернѣй мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеренется—никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стужъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валить отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сѣвозъ рыхлый снѣгъ звенять объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какойнибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица,—охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавать навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ужъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка: это елка, а на елѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, и кругомъ тутъ-же вуколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются

и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе—миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатая барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входятъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замаяхали! Одна барыня подошла поскорѣе, сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ-же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй—поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжить, бѣжить и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господь! Да что-жъ это опять такое? Стоять люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ—совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто-бы играетъ на большой скрипѣй, два другихъ стоятъ тутъ-же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ,—только вотъ изъ за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки—вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ,



**ИЗЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ.“**

---

**СТОЛѢТНЯЯ.**



„Въ это утро я слишкомъ запоздала, — рассказывала мнѣ на дняхъ одна дама, — и вышла изъ дому почти уже въ полдень, а у меня, какъ нарочно, скопилось много дѣла. Какъ разъ въ Николаевской улицѣ надо было зайти въ два мѣста, одно отъ другаго недалеко. Во первыхъ, въ контору, и у самыхъ воротъ дома встрѣчаю эту самую старушку, и такая она мнѣ показалась старенькая, согнутая, съ палочкой, только все же я не угадала ея лѣтъ; дошла она до воротъ и тутъ въ уголку у воротъ присѣла на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочемъ, я прошла мимо, а она мнѣ только такъ мелькнула.

Минуть черезъ десять я изъ конторы выхожу, а тутъ черезъ два дома магазинъ и въ немъ у меня еще съ прошлой недѣли заказаны для Сони ботинки, я и пошла ихъ захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь ужъ у этого дома сидитъ, и опять на скамеечкѣ у воротъ сидитъ, да на меня и смотритъ; я на нее улыбулась, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло — пошла дальше въ Невскому, анъ смотрю — моя старушка уже у третьяго дома, тоже у воротъ, только не на скамеечкѣ, а на выступѣ приютилась, а скамейки въ этихъ воротахъ не было. Я вдругъ передъ ней остановилась невольно; что это, думаю, она у всякаго дома садится?

— Устала, говорю, старушка?

— Устаю, родненькая, все устаю. Думаю: тепло, солнышко свѣтитъ, дай пойду къ внучкамъ пообѣдать.

— Это ты, бабушка, пообѣдать идешь?

— Пообѣдать, милая, пообѣдать.

— Да ты этакъ не дойдешь.

— Нѣтъ, дойду, вотъ пройду сколь и отдохну, а тамъ опять встану да пойду.

Смотрю я на нее и ужасно мнѣ стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть, изъ мѣщанства, съ палочкой; лицо блѣдное, желтое, къ костямъ присохшее; губы безцвѣтныя, — мумія какая-то, а сидитъ — улыбается, солнышко прямо на нее свѣтитъ.

— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, спрашиваю я, шутя, разумѣется.

— Сто четыре года, милая, сто четыре мнѣ годика, *только всего* (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядитъ на меня — смѣется, обрадовалась она что-ли поговорить съ кѣмъ, только странною мнѣ показалась у столѣтней такая забота — куда я иду, точно ей это такъ ужъ надо.

— Да вотъ, бабушка, смѣюсь и я, ботиночки дѣвочкѣ моей въ магазинѣ взяла, домой несу.

— Ишь махонькіе башмачки-то, маленькая дѣвочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другія дѣтки есть?

И опять все смѣется, глядитъ. Глаза тусклые, почти мертвые, а какъ будто лучъ какой-то изъ нихъ свѣтитъ теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пяточокъ, купи себѣ булочку, и подаю я ей этого пяточокъ.

— Чтой-то, ты мнѣ пяточокъ? Что-жь, спасибо, я и возьму твой пяточокъ.

— Такъ на, бабушка, не взыщи. Она взяла. Видно, что не просить, не доведена до того, но взяла она



у меня такъ хорошо, совсѣмъ не какъ милостыню, а такъ, какъ будто изъ вѣжливости, или изъ доброты своего сердца. А впрочемъ, можетъ ей и очень понравилось это, потому что, кто-жь съ ней съ старушкой, заговорить, а тутъ еще съ ней не только говорить, да еще объ ней съ любовью заботятся.

— Ну, прощай, говорю, бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты въ своей внучкѣ ступай, сбилась старушка, забывъ что у меня дочка, а не внучка, думала видно, что ужъ и у всѣхъ внучки. Пошла я и оглянулась на нее въ послѣдній разъ, вижу она поднялась, медленно, съ трудомъ, ступнула палочкой и поплелась по улицѣ. Можетъ, еще разъ десять отдохнетъ дорогой, пока дойдетъ въ своимъ „пообѣдать“. И куда это она ходитъ обѣдать? Странная такая старушка.

Выслушалъ я въ то же утро этотъ рассказъ,—да правда и не рассказъ, а такъ какое-то впечатлѣніе при встрѣчѣ съ столѣтней. (Въ самомъ дѣлѣ, когда встрѣтишь столѣтнюю, да еще такую полную душевной жизни?)—и позабылъ объ немъ совсѣмъ, и уже поздно ночью, прочтя одну статью въ журналѣ и отложивъ журналъ, вдругъ вспомнилъ про эту старушку, и почему-то мигомъ дорисовалъ себѣ продолженіе о томъ, какъ она дошла въ своимъ пообѣдать: вышла другая, можетъ быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ея, а можетъ, и правнучки, да ужъ такъ зоветъ ихъ она заодно внучками, вѣроятно, какіе нибудь цеховые, семейные, разумѣется, люди, не то она не ходила-бы къ нимъ обѣдать, живутъ въ подвалѣ, а, можетъ, и цирюльню какую-нибудь снимаютъ, люди, конечно, бѣдные, но все-же, можетъ, питаются и наблюдаютъ порядокъ. Добрела она къ нимъ вѣроятно уже часу во второмъ. Ее и не ждали, но встрѣтили, можетъ быть, довольно привѣтливо.

— А вотъ и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просимъ, раба Божія!

Старушка входитъ, посмѣиваясь, колокольчикъ у входа еще долго, рѣзко и тонко звенить. Внучка-то ея, должно быть, жена этого цирюльника, а самъ онъ еще человѣкъ нестарый, лѣтъ этакъ тридцати пяти, по ремеслу своему степененъ, хотя ремесло и легкомысленное, и, ужь разумѣется, въ засаленномъ, какъ блинъ, скюртукѣ, отъ помады что-ль не знаю, но иначе я никогда не видалъ „цирюльниковъ“, равно какъ воротникъ на скюртукѣ всегда у нихъ точно въ мукѣ вываленъ. Трое маленькихъ дѣточекъ—мальчикъ и двѣ дѣвочки мигомъ подбѣжали къ прабабушкѣ. Обыкновенно такія ужь слишкомъ старенькія старушки всегда какъ-то очень сходятся съ дѣтьми: сами-то ужь очень онѣ похожи на дѣтей становятся душевно, иногда даже точь въ точь. Сѣла старушка; у хозяина не то гость, не то по дѣлу, одинъ тоже, лѣтъ сорока, знакомый его, уже уходитъ собирался. Да племянникъ къ тому-же гостить, сынъ сестры его, паренъ лѣтъ семнадцати, въ типографію хочетъ опредѣлиться. Старушка перекрестилась и садится, глядитъ на гостя:

— Охъ, устала! Это кто-же такой у васъ?

— Это я-то?—отвѣчаетъ гость, посмѣиваясь,—что же, Марья Максимовна, неужто насъ не признали? Третьяго-то года по опенки въ лѣсъ все собирались вмѣстѣ съ вами сходить.

— Охъ ужь ты, знаю тебя, надсмѣшникъ. Помню тебя, вотъ только назвать какъ тебя не припомню, кто ты таковъ, а помню. Охъ, устала я чтой-то.

— Да что-жь вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете ни мало, вотъ что я тебя спросить хотѣлъ, шутить гость.

— И, ну тебя, смѣется бабушка, видимо впрочемъ довольная.

— Я, Марья Максимовна, человѣкъ добрый.

— А съ добрымъ и поговорить любопытно. Охъ, все то я задыхаюсь, мать. Пальцецо-то Сереженьеѣ видно ужъ состроили?

Она указываетъ на племянника.

Племянникъ, бутузоватый и здоровый паренекъ, улыбається во весь ротъ и надвигается ближе; на немъ новенькое сѣрое пальцецо и онъ еще не можетъ равнодушно надѣвать его. Равнодушіе придетъ развѣ только еще черезъ недѣлю, а теперь онъ поминутно смотреть себѣ на обшлага, на лацканы и, вообще, на всего себя въ зеркало и чувствуетъ къ себѣ особенное уваженіе.

— Да ты поди, повернись, стрекочеть жена цирюльница. Смотри-ка, Максимовна, какое построили; вѣдь шесть рублей какъ одна копѣчка, дешевле, говорятъ намъ у Прохорыча, теперь и начинать не стоить, сами, говорятъ, потомъ слезьми заплачете, а ужъ эдакому износу нѣтъ. Вишь матерія-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крѣпость-то, крѣпость-то, да ты повернись! Таеъ-то вотъ и уходятъ денежки, Максимовна, умылась наша копѣчка.

— Ахъ, мать, ужъ такъ теперь дорого стало на свѣтѣ, что и ни съ чѣмъ не совмѣстно, лучше-бъ и не говорила ты мнѣ и не разстроивала меня, съ чувствомъ замѣчаетъ Максимовна, а все еще духъ не можетъ перевести.

— Ну да и довольно, замѣчаетъ хозяинъ, закусить бы надо. Что это, ты должно быть уже очень, вижу я это, пристала, Марья Максимовна?

— Охъ, умникъ, устала, денекъ-то теплый, солнышко;—дай, думаю, ихъ провѣдаю... что лежать-то. Охъ! А дорогой барыньку встрѣтила, молодую, башмачки дѣтвамъ купила: „Чтѣ это ты, старушка, говорить, устала? на ка тебѣ пяточокъ: купи себѣ булочку“... А я, знаешь, и взяла пяточокъ-то...

— Да ты, бабушка, все же отдохни маленечко сперва на перво, что это сегодня такъ задыхаешься?—

какъ-то вдругъ особенно заботливо проговорилъ хозяинъ.

Всѣ на нее смотрятъ; ужь очень блѣдна она вдругъ стала, губы совсѣмъ побѣлѣли. Она тоже всѣхъ оглядываетъ, но какъ-то тускло.

— Вотъ, думаю... пряничковъ дѣткамъ... пяточокъ-то...

И опять остановилась, опять переводить духъ. Всѣ вдругъ примолкли, секундъ этакъ на пять.

— Чтò, бабушка? Наклонился къ ней хозяинъ.

Но бабушка не отвѣтила; опять молчаніе и опять секундъ на пять. Старушка еще какъ-бы бѣлѣе стала, а лицо какъ-бы вдругъ все осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губахъ; смотреть прямо, а какъ будто ужь и не видеть.

— За попомъ бы!.. какъ-то вдругъ и торопливо проговорилъ сзади вполголоса гость.

— Да... не... поздно-ли... бормочетъ хозяинъ.

— Бабушка, а бабушка? окликаетъ старушку жена цирюльника, вдругъ вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится на бокъ; въ правой рукѣ, чтò на столѣ лежитъ, держитъ свой пяточокъ, а лѣвая такъ и осталась на плечѣ старшаго правнучка Миши, мальчика лѣтъ шести. Онъ стоитъ не шелохнется и большими удивленными глазами разглядываетъ прабабушку.

— Отошла! мѣрно и важно произносить восклонившись хозяинъ и слегка крестится.

— Вѣдь вотъ оно! То-то я вижу вся клонится, умиленно и отрывисто произносить гость; онъ ужасно пораженъ и на всѣхъ оглядывается.

— Ахъ, Господи! Вотъ вѣды! Какъ-же теперь быть-то, Макарычъ? Туда что-ль ее? щебечетъ хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туды? степенно откликается хозяинъ, — сами здѣсь справимъ; родная ты ей аль нѣтъ? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а!—толчется на мѣстѣ гость, умиляясь все больше и больше. Онъ даже весь покраснѣлъ какъ-то.

— Да, забывать стала жисть-то въ послѣдніе годы, еще важнѣе и степеннѣе замѣчаетъ хозяйинъ, ища фуражку и снимая шинель.

— А вѣдь за минутку смѣялась, какъ веселилась! Ишь пяточекъ-то въ рукѣ! Пряничковъ, говорить, о-охъ, жисть-то наша!

— Ну пойдѣмъ, что-ли, Петръ Степанычъ, прерываетъ гостя хозяйинъ и оба выходятъ. По такой, конечно, не плачутъ. Сто четыре года, — „отошла безъ болѣзни и непостыдно“. Хозяйка послала въ сосѣдкамъ за подмогой. Тѣ прибѣжали мигомъ, почти съ удовольствіемъ выслушавъ вѣсть, охая и вскрикивая. Первымъ дѣломъ поставили, разумѣется, самоварчикъ. Дѣти съ удивленнымъ видомъ забились въ уголь и издали смотрятъ на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживетъ, все запомнитъ старушку, какъ умерла, зажавъ руку у него на плечѣ, ну а когда онъ умретъ, никто-то на всей землѣ не вспомнитъ и не узнаетъ, что жила-была когда-то такая старушка и пробыла сто четыре года, для чего и какъ—неизвѣстно. Да и зачѣмъ помнить, вѣдь все равно. Такъ отходятъ милліоны людей: живутъ незамѣтно и умираютъ незамѣтно. Только развѣ въ самой минутѣ смерти этихъ столѣтнихъ стариковъ и старухъ заключается какъ бы нѣчто умиленное и тихое, какъ-бы нѣчто даже важное и миротворное: сто лѣтъ какъ-то страшно дѣйствуютъ до сихъ поръ на чело-вѣка. Благослови Богъ жизнь и смерть простыхъ добрыхъ людей!

---



**ИЗЪ „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ.“**

---

Фома Даниловъ, замученный русскій герой.





Въ 1876 году, весною, было перепечатано во всѣхъ газетахъ извѣстіе, явившееся въ „Русскомъ Инвалидѣ“ о мученической смерти унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, Ѳомы Данилова, захваченнаго въ плѣнъ Кипчаками и варварски умерщвленнаго ими послѣ многочисленныхъ и утонченнѣйшихъ истязаній, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ, за то что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометанство. Самъ ханъ обѣщалъ ему помилованіе, награду и честь, если согласится отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что измѣнить онъ кресту не можетъ и, какъ царскій подданный, хотя и въ плѣну, долженъ исполнить къ Царю и къ христіанству свою обязанность. Мучители, замучивъ его до смерти, удивились силѣ его духа и назвали его батыремъ, т. е. по русски богатыремъ. Тогда это извѣстіе, хотя и сообщенное всѣми газетами, прошло какъ-то безъ особеннаго разговора въ обществѣ, да и газеты не сочли нужнымъ особенно распространиться о немъ. Потомъ, какъ извѣстно, наступило славянское движеніе, явились Черняевъ, Сербы, Кирѣевъ, пожертвованія, добровольцы, и объ Ѳомѣ замученномъ позабыли совсѣмъ (т. е. въ газетахъ), и вотъ недавно только получились въ прежнему извѣстію дополнительныя подробности. Сообщаютъ опять, что Самарскій губернаторъ навелъ справки о семействѣ Данилова, происходившаго изъ крестьянъ села

Кирсановки, Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, и оказалось, что у него остались въ живыхъ жена Евфросинья 27 лѣтъ и дочь Улита шести лѣтъ, находившіяся въ бѣдственномъ положеніи. Имъ помогли по благородному почину Самарскаго губернатора, обратившагося къ нѣкоторымъ людямъ съ просьбою помочь вдовѣ и дочери замученнаго русскаго героя и къ самарскому губернскому земскому собранію съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли оно помѣстить дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ собрали 1320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили дочери до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдовѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кромѣ того, начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ губернатора о всемилостивѣйше назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсіи изъ Государственнаго Казначейства, по сто двадцати рублей въ годъ.

Въ народѣ, конечно, эта великая смерть не забудется: этотъ герой принялъ муки за Христа и есть великій русскій; народъ это цѣнитъ и не забудетъ, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ.

Ома Даниловъ съ виду можетъ былъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ народа русскаго, непримѣтныхъ какъ самъ народъ русскій. Можетъ быть, въ свое время не прочь былъ погулять, выпить, можетъ быть, даже не очень молился, хотя, конечно, Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему перемѣнить вѣру, а не то — мученическая смерть. При этомъ надо вспомнить что такое бываютъ эти муки, эти азіатскія муки! Предъ нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость и Даниловъ отлично понимаетъ, что отказъ его непремѣнно раздражитъ хана, раздражитъ и самолюбіе Кипчаковъ тѣмъ, „что смѣетъ, дескать, христіанская собака такъ презирать исламъ“. Но не смотря на все что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій человѣкъ принимаетъ жесточайшія муки

и умираеть, удививъ истязателей. Знаете что, господа, вѣдь изъ насъ никто бы этого не сдѣлалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь тутъ дѣло произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ углу; никто-то не смотрѣлъ на него; да и самъ Оома не могъ думать и навѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится по всей землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первыхъ вѣвовъ христіанскихъ, отчасти все-же были утѣшены и облегчены, принимая свои муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть ихъ послужить примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще больше привлечетъ въ Христу. Для Оомы даже и этого великаго утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ, онъ былъ одинъ среди мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него молодая жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидитъ, но пусть: „гдѣ-бы я ни былъ, противъ совѣсти моей не поступлю и мученія приму“, — подлинно ужъ правда для правды, а не для красоты! И никакой кривды! Честность изумительная, первоначальная, стихійная. Нѣтъ, господа, врядъ-ли мы такъ поступили-бы!

---



ИЗЪ РОМАНА „БѢДНЫЕ ЛЮДИ.“

---

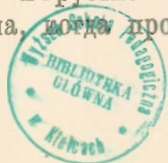
РАЗСКАЗЪ ВАРИ.



## I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П—го, въ Т—й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка непрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ни чему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или въ жнецамъ—и нужды нѣтъ, что солнце лечетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье; — дома послѣ бранять, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я-бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитю принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣми, что



такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П—й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя сѣнды хлѣба и толпились кривливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело; а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты—меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать по утру послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Ходили еъ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ всякаго посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь и ни съ кѣмъ



слова не вымолвить. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибудь въ уголокъ за внижку—смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по прїездѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было;—гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголь, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла-бы я въ маленькой комнаткѣ нашей у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было-бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо!—Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или въ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. Зато какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она

меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, рассказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, рассказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьезные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда—и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе, характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долги было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не рассердить батюшку, сдѣлалась большая такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона—все такія грустные лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ таковой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужъ Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!.. И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найти, и что грам-

матика Ломонда съверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я видно безчувственная, каменная — однимъ словомъ, я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужь это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ въ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ такъ-же проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Тутъ насъ посѣтила Анна Ѳедоровна. Она помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужь слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойтись съ

нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшеѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, беспомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, во долго не рѣшалась, но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила, наконецъ, Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностію. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала; мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизвѣстной, страшной тоски... Тяжкое было время.

. . . . .  
. . . . .

## II.

Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родствен-

ницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать, мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата, тѣмъ и рада; было-ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать, жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось-бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ знаетъ, пришлось-бы, можетъ быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она ни говорила! Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день ото дня хуже, она видимо чахла, а между тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Федоровнѣ: она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться; нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала, все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ похожъ на предъидущій. Мы жили тихо, какъ будто и не въ городѣ. Анна Федоровна мало по малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполне сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, геогра-

фіи—всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалуныя; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно-бы было, если-бы и я стала учиться, за тѣмъ, что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человекъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смиренно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша непрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ, вдобавокъ, былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный, уходилъ въ свою комнату. У себя-же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человекъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей,—разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвочка, шалила заодно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ-бы раздражить и вывести его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было

чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно). Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: „Злыя дѣти“. Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно, и горько, и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была мнѣ нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывести, стало быть, мы насильно заставили его несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютomъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянія. Говорятъ, что раскаяніе облегчаетъ душу—напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбію. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ-бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ чловѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія;—такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запач-

канный, дурно одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшко-  
ватый, неловкій, однимъ словомъ, странный до-нельзя.  
Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что  
онъ какъ будто чего-то стыдится, какъ будто ему себя  
самого совѣстно. Оттого онъ все какъ-то ежился,  
какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него,  
что можно было почти не ошибаясь заключить, что  
онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да  
стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ  
войдти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ—я или  
Сапа, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ  
нему—то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣ-  
лаетъ разные знаки, и развѣ только когда вивнешь ему  
головою и позовешь его—условный знакъ, что въ домѣ  
нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войдти,  
когда ему угодно—только тогда старикъ тихонько отво-  
рять дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удо-  
вольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ ком-  
нату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣд-  
наго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ  
малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее,  
самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла  
первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ  
вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣ-  
щанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ  
дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ  
рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще  
ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла.  
Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба.  
Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и  
бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка  
подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то  
школу.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ ка-  
кую-то гимназію, и потомъ въ университетъ. Господинъ



Быковъ, весьма часто прїѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ-же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить на кухню, и до того довела, что онъ, наконецъ, привыкъ къ побоямъ и дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминали о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаше-же приходитъ онъ не смѣлъ, потому что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, бесспорно, первымъ и важнѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подъ часъ пренесноснѣйшимъ существомъ на свѣтѣ. Во первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во вторыхъ, разговорами и разпросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и, наконецъ, являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ. Сынъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и отъ поминутнаго болтанія, и, наконецъ, довелъ до того, что тотъ слушалъ его во всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ въ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно, отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, спрашивалъ — что, каковъ Петинька? Здоровъ-ли онъ? Въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается-ли чѣмъ-нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ-ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ, наконецъ, рѣшался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится, и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ, „что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ“. И потомъ безмолвно, покорно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не выказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало, отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствіе проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, то есть самыя смѣш-

ныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про себя отвѣтъ шепчетъ, какъ-бы желая поправиться. Если-же удавалось отвѣчать хорошо, то старикъ охорашивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстукъ, фразъ и принималъ видъ собственнаго достоинства. А, бывало, до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую-нибудь книжку, и даже тутъ же прочитывалъ что-нибудь, какая бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ-будто бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровскій просилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ по немногу старика отъ дурныхъ наклонностей, и какъ только видѣлъ его раза три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощаньи по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстукъ или жилетку. Зато старикъ въ своей обновѣ былъ гордъ какъ пѣтухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблочковъ, и все, бывало, толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и вдобавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ, бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ

Анну Федоровну, хотя былъ передъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ внѣ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ-нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ-бы это все кончилось, если-бъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Федоровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и, право, не знаю отчего мнѣ вздумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня билось такъ сильно, такъ сильно, что, казалось, изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила странная мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ-же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной, и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ быть, я думала, что, научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ

не думая, не останавливаясь, схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и, краснѣя, блѣднѣя, дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ-же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу и увидала какое-то старое полусгнившее, все изъѣденное червями, латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальные раздались сами собою, и сплотились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня не доставало силъ. Однако жъ, я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться—сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ когда кто-нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите-же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было хотѣла бѣжать, но было поздно.—Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!—Покровскій разсердился ужасно.—„Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ.—Ну, не стыдно-ли вамъ такъ шалить!.. Уйметесь-ли вы когданибудь?“ и самъ бросился подбирать книги. Я было нагнулась помогать ему.—

„Не нужно, не нужно, закричалъ онъ.—Лучше-бы вы сдѣлали, если-бъ не ходили туда, куда васъ не просятъ“.—Но, впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя:—„Ну, когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на себя посмотрите, вѣдь ужъ вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятнадцать лѣтъ!“—И тутъ, вѣроятно, желая повѣрить, справедливо-ли то, что я ужъ не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала; я стояла передъ нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется, въ чемъ-то извинялся, можетъ быть, въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая большая дѣвчушка. Наконецъ, я поняла. Я не помню, что со мной тогда случилось;—я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Цѣлыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я краснѣла до слезъ. Мысли самыя страшныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ, самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно рассказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости не достало. Воображаю, что-бы я надѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже

не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лѣварства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабыя стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновение, а потомъ дремота опять одолевала меня. Я мучилась. Я не знаю—я не могу припомнить себѣ—но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ, тоска сдвинула мое сердце... Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подаль мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала.—„Вы больны, вы сами очень больны“, сказалъ онъ, взявъ меня за руку:—„у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягьте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь-же, ложитесь!“ продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лѣварство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ,

приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись на этотъ разъ не засыпать, Покровскій часовъ въ одиннадцать постучался въ вашу комнату. Я отворила. „Вамъ скучно сидѣть одной“, сказалъ онъ мнѣ; — „вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ“. Я взяла; я не помню, какая это была книга; врядъ-ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Странное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла оставаться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ креселъ и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровскій не заходилъ болѣе; и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о будущемъ вечерѣ..

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужъ всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперъ ни одного слова изъ того, что мы связали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало по малу побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждаго разговора нашего, все еще было за что на себя подсадовать. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи книгъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то слишкомъ была откровенна и чисто-сердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣлось учиться, что-нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... По-



вторю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы, — я не утаила ничего, и рассказала все, все—про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ заодно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей, уговаривалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плавала, и смѣялась, и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, не смотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется, онъ не могъ надивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ быть, ему было только любопытно сначала; въ послѣдствіи нерѣшительность его исчезла, и онъ, съ такимъ-же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливья слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ-же вниманіемъ, такъ-же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо... Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И, право, не помню, о чемъ мы ни переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампы, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?..

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностію; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши свиданія и длинные разговоры прекратились; намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначущими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумѣваемую. Жизнь моя была полна, я была счастлива, покойно, тихо-счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по своему, и, наконецъ, разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непременно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непременно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что-нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ, я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ руководѣіемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была, по крайней мѣрѣ,

рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непременно-бы помогла; но тогда всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому-же этотъ подарокъ обратился-бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему навсегда одолженною безъ какой-бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей. — Наконецъ, я выдумала какъ выйти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостинномъ Дворѣ можно купить книгу иногда въ пол-цѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непременно отправиться въ Гостинный Дворъ. Такъ и случилось; на завтра-же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ, и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ понездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастью, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ, не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но, ужась! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ упросила. Онъ уступилъ, но только два съ половиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая, а

что для другаго кого онъ ни за что-бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего ни предлагали они ему и чего-чего ни хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забытый какой-нибудь, и не зналъ за что взяться изъ того, что ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила — что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ быть, не менѣе Петиньки. — „Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ лжбитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него“... — Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь вдобавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣнитъ, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужъ онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ по-сматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. „Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ въ полголоса, а вотъ развѣ отсюда что-нибудь“ — и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево. — Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки. — „Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ, вы посмотрите только какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки!“ — И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ нараспѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія

дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила много-ли у него денегъ?— „Да вотъ“— тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленную газетную бумажку— „вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать“. Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту.— „Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоятъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ“. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу общую библиотечку. Мой старичокъ наложилъ книги во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочекъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой-нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренева мѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе, наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко вполголоса:—

послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете-ли что, Варвара Алексѣевна?..—старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ.—Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, то есть отъ себя, съ своей стороны; я-же возьму тогда одну одиннадцатую и ужъ тоже подарю отъ себя, то есть собственно съ своей стороны. Такъ вотъ видите-ли—и у васъ будетъ что-нибудь подарить, и у меня будетъ что-нибудь подарить; у насъ обоихъ будетъ что-нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора.—„Да зачѣмъ-же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ?“—Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужъ это такъ...—я вѣдь, оно того...—однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите-ли, объяснилъ онъ, наконецъ.—Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подъ часъ... то есть я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь того, что нехорошо... то есть, знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается; или что-нибудь изъ нехорошаго случится, такъ и не удержусь подъ часъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите-ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранить меня и мнѣ морали разныя читаетъ. Такъ вотъ-бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала недолго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. „Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я: вы подарите ихъ ему всѣ“. — „Какъ всѣ? То есть книжки всѣ?“ — „Ну да, книжки всѣ“. — „И отъ себя?“ — „Отъ себя“. — „Отъ одного себя? То есть, отъ своего имени?“ — „Ну да, отъ своего имени“... Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ, задумавшись, да! Это будетъ очень хорошо, это было-бы весьма хорошо, только вы-то какъ-же, Варвара Алексѣевна? — „Ну, да я ничего не подарю“. — Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись; такъ вы ничего Петиньѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, затѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я-бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — „Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что втайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила“. Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возилъ, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его, наконецъ изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Анны

Федоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ, сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человекъ не ведетъ себя хорошо, то значить, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человека; исчислялъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удерживаться. Въ доказательство чего дарить книги, на скопленные имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ-же нагать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровскій былъ во мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучшій день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія, начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отчего, можетъ быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отчего, можетъ быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.



Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неумоимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому-же долго-бы нужно было ждать перваго овлада жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился. Здоровье его разстраивалось, онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ-нибудь мѣста, — что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и наконецъ, слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комваты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти, часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я услышала многое изъ его обстоятельствъ, чего прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Федоровна качала головою. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и за участіе мое къ Покровскому меня не стали осуждать болѣе, — по крайней мѣрѣ, матушка.

Иногда Покровскій узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ.

Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ вѣмъ-то долго-долго, неясными, темными словами, и хрипый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ вакомъ-то испугѣ. Анна Федоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умереть къ утру непременно.

Старикъ Покровский цѣлую ночь провелъ въ корридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему постлали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и бессмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать, я разбудила отца. Покровский былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Я не могла плакать, но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго-долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безповоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить, но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ, я по-

няла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ, но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облава застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Федоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Федоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнял у ней книгъ сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, носился съ ними всѣ три дня, и даже не расстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостью все хлопоталъ около гроба: то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Федоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Федоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ, и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ—словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви.—Наконецъ, гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ

рысю. Старики бѣжали за нимъ и громко плакали, плачь его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя, поднимался вѣтеръ; изморозь сѣла и колола лицо. Старики, кажется, не чувствовали непогоды и съ плачемъ перебѣгали съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги, въ рукахъ его была кабая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались, и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю, онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ кабая-то нищая старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цѣловала ее и навзрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ-бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой. . . . .



ИЗЪ РОМАНА „ПОДРОСТОКЪ.“

---

ВЪ БАРСКОМЪ ПАНСИОНѢ.



Колоколь ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный, плавный звонъ, и я вдругъ различилъ, что это вѣдь звонъ знакомый, что звонятъ у Ниволы, въ красной церкви напротивъ Тушара, — въ старинной московской церкви, которую я помню, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и „въ столпахъ“, — и что теперь только что мивула Святая Недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки. Яркое предвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу влассную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“, сидитъ гостья. Да, у меня, безроднаго, вдругъ очутилась гостья, — въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, и голубокъ пролетѣлъ черезъ куполь, я не видалъ ужь ее ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ и я странно къ ней приглядывался. Потомъ уже спустя много лѣтъ, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства, чтобъ со мной повидаться. Странно было и то, что, войдя и поговоривъ съ Тушаромъ, она ни слова не сказала мнѣ

самому, что она—моя мать. Она сидѣла подлѣ меня и, помню, я даже удивлялся, что она мало такъ говорить. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ „пицца“ очень хорошая и намъ каждый день даютъ въ чаю по цѣлой французской булѣѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ по простотѣ подумала: „можетъ, ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ“, не взыщи, родной.

— И Антонинъ Васильевнѣ (женѣ Тушара) обидно станеть-сь. Товарищи тоже будутъ надо мною смѣяться...

— Не примешь, что-ли; можетъ, и скушаешь?

— Пожалуй, оставьте-сь...

А въ гостинцамъ я даже не притронулся; апельсины и пряники лежали передо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея меня даже передъ товарищами стыдить; хотъ капельку показать ей это, чтобъ поняла: „Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того“. Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а, можетъ, и отъ самого Тушара,—и ни малѣйшаго добраго чувства не было въ ней въ моемъ сердцѣ. Искося только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужъ грубые ея башмаки и сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу, хотя Антонина Васильевна и сказала мнѣ потомъ вечеромъ по ея уходѣ: „должно быть, ваша мама была когда-то очень недурна собой“.

Такъ мы сидѣли, и вдругъ Агафья вошла съ подносомъ, на которомъ была чашка кофею. Было время



послѣобѣденное и Тушары всегда въ этотъ часъ пили у себя въ своей гостиной кофей. Но мама поблагодарила и чашку не взяла: какъ узналъ я послѣ, она совсѣмъ тогда не пила кофеею, производившаго у ней сердцебіеніе.

Меня позвали въ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ: „чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы приобрести въ моемъ заведеніи“. Тутъ Антонина Васильевна, съезживъ губки, обидчиво и насмѣшливо процѣдила мнѣ съ своей стороны:

— Кажется, вашей маман не понравился нашъ кофей.

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ ожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и оглядывавшихъ насъ съ мамой „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“. И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. „Вотъ это — уроки изъ французской грамматики, вотъ это — упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, вотъ тутъ по географіи, описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта“, и т. д., и т. д. Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонаравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходитъ; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ дурацки-важнымъ видомъ спросилъ ее: „довольна-ли она успѣхами своего сына?“ Мама начала безсвязно бормотать и благодарить; подошла и

Антонина Васильевна. Мать стала просить ихъ обоихъ „не оставить сиротки, все равно онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше“... и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно каеъ вланыются „изъ простыхъ“, когда приходятъ просить о чемъ нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна видимо была смягчена и, конечно, тутъ-же измѣнила свое заключеніе на счетъ чашки кофею. Тушаръ, съ усиленною важностію, гуманно отвѣтилъ, что онъ „дѣтей не рознить, что всѣ здѣсь—его дѣти, а онъ—ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми, и что это надо цѣнить“, и проч., и проч. Мама только вланылась, но, впрочемъ, конфузилась, наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: „прощай, голубчикъ!“

И поцѣловала меня, то есть я позволилъ себя поцѣловать. Ей видимо хотѣлось-бы еще и еще поцѣловать меня, обнять, прижать, но совѣстно-ли стало ей самой при людяхъ, али отъ чего-то другого горько, али ужь догадалась она, что я ее устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Mais suivez donc votre mère, проговорила Антонина Васильевна;—il n'a pas de coeur cet enfant!

Тушаръ въ отвѣтъ ей пожалъ плечами, что, конечно, означало: „не даромъ-же, дескать, я третирую его какъ лакея“.

Я послушно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась въ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколь звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и—не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она вскинулась и заторопилась:

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай угодникъ... Господи, Господи! скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ:— голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да, постой, голубчикъ...

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій, влѣтчатый платочекъ съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался...

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ понадобятся, прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе и мы ни въ чемъ не нуждаемся, но удержался и взялъ платочекъ.

Еще разъ перекрестила, еще разъ прошептала какую-то молитву и вдругъ — повлонила и мнѣ точно такъ-же, какъ наверху Тушарамъ, — глубокимъ, медленнымъ, длиннымъ поклономъ, — навсегда не забуду я этого! Такъ я и вздрогнулъ и самъ не зналъ отчего. Но тогда мнѣ тотчасъ-же еще пуще стало стыдно, что „сверху они оттуда смотрятъ, а Ламбертъ такъ, пожалуй, и бить начнетъ“.

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ-же отнял Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не поподчивали.

Прошли цѣлые полгода и наступилъ уже вѣтряный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. О,

тогда ненависть, глухая ненависть ко всему уже проникла въ мое сердце, совсѣмъ напитала его; я хоть и обчищалъ щеткой Тушара по прежнему, но уже ненавидѣлъ его изъ всѣхъ силъ, и каждый день все больше и больше. И вотъ, тогда какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я, однажды, перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій, батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его туда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполне слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже съ послѣ обѣда разѣхались по домамъ, но на этотъ разъ Ламбертъ остался на воскресенье, не знаю почему за нимъ не прислали. Онъ хоть и продолжалъ меня тогда бить, какъ и прежде, но ужь очень много мнѣ сообщалъ и во мнѣ нуждался. Мы проговорили весь вечеръ о лепажевскихъ пистолетахъ, которыхъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не видалъ, о черкесскихъ шашкахъ и о томъ, какъ онѣ рубятъ, о томъ, какъ хорошо было-бы завести шайку разбойниковъ. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать: „Мама, мама“, шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрылъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: „стыдно, смотреть“. „Мамочка, мама, разъ-то въ жизни была ты у меня... Мамочка, гдѣ ты теперь, гостя ты моя далекая? Помнишь-ли ты теперь

своего бѣднаго мальчишка, въ которому приходила... Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь, что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь? Слышишь-ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка, въ деревнѣ?”

---



ИЗЪ РОМАНА „ПОДРОСТОКЪ“.

---

РАЗСКАЗЪ О КУПЦЪ.





А было у насъ въ городѣ Афимьевскомъ, скажу теперь, вотъ како чудо. Жилъ купецъ, Скотобойниковъ прозывался, Максимъ Ивановичъ, и не было его богаче по всей округѣ. Ситцевую фабрику построилъ и рабочихъ нѣсколько сотъ держалъ; и возомнилъ о себѣ безмѣрно. И надо сказать, что уже все ходило по его знаку, и само начальство ни въ чемъ не препятствовало, архимандритъ за ревность благодарилъ: много на монастырь жертвовалъ и, когда стихъ находилъ, очень о душѣ своей воздыхалъ. Все, что онъ разсудитъ, то и хорошо, и все, что повелитъ, то и прекрасно. А народъ разсчитывалъ произвольно, возьметъ счеты, надѣнетъ очки: „Тебѣ, Тома, сколько?“—Съ Рождества не бралъ, Максимъ Ивановичъ; тридцать девять рублей моихъ есть.—„Ухъ, сколько денегъ! Это много тебѣ; ты и весь такихъ денегъ не стоишь; совсѣмъ не къ лицу тебѣ будетъ: десять рублей съ костей долой, а двадцать девять получай“. И молчить человекъ; да никто не смѣетъ пивнуть, всѣ—молчать.

— Я, говорить, знаю, сколько ему слѣдуетъ дать. Съ здѣшнимъ народомъ по другому нельзя. Безъ меня-бъ они всѣ здѣсь съ голоду перемерли, сколько ихъ тутъ ни есть. Опять сказать, народъ здѣшній—воръ, на что взглянетъ, то и тянетъ, никакого въ немъ мужества нѣтъ. Опять взять и то, что онъ — пьяница; разочти его, онъ въ кабакъ снесетъ и сидитъ въ кабакѣ пагъ—

ни ниточки, выходитъ голешенекъ. Такъ развѣ это — человѣкъ? Это — звѣрь, а не человѣкъ, его, перво-на-перво, образить слѣдуетъ, а потомъ ужь ему деньги давать. Я знаю, когда ему дать.

Вотъ такъ говорилъ Максимъ Ивановичъ объ народѣ.

Жилъ въ этомъ-же городѣ и другой вупецъ, да и померъ; человѣкъ былъ молодой и легкомысленный, прогорѣлъ и всего капиталу рѣшился. Бился въ послѣдній годъ, какъ рыба на пескѣ, да урокъ житію его приспѣлъ. Съ Максимъ Ивановичемъ все время не ладилъ и кругомъ ему долженъ остался. Въ послѣдній часъ еще Максима Ивановича проклиналъ. И оставилъ по себѣ вдову еще молодую, да съ ней вмѣстѣ и пятерыхъ дѣтей. И одинокой-то вдовицѣ оставаться послѣ супруга, подобно какъ безпріютной ластовицѣ, — не малое испытаніе, а не то что съ пятерыми младенцами, которыхъ пропитать нечѣмъ: послѣднее имѣньишко, домъ деревянный, Максимъ Ивановичъ за долгъ отбиралъ. И поставила она ихъ всѣхъ рядкомъ у церковной паперти: старшему мальчику восемь годковъ, а остальные всѣ дѣвочки погодки, всѣ малъ-малой меньше; старшеньгая четырехъ годковъ, а младшая еще на рукахъ. Кончилась обѣдня, вышелъ Максимъ Ивановичъ, и всѣ дѣточки, всѣ-то рядкомъ, стали передъ нимъ на колѣни, — научила она ихъ передъ тѣмъ, и ручки передъ собой ладошками какъ одинъ сложили, а сама за ними, съ пятымъ ребенкомъ на рукахъ, земно при всѣхъ людяхъ ему поклонилась: „Батюшка, Максимъ Ивановичъ, помилуй сиротъ, не отымай послѣдняго куса, не выгоняй изъ роднаго гнѣзда!“ И всѣ, кто тутъ ни былъ, всѣ прослезились — такъ ужь хорошо она ихъ научила. Думала: „при людяхъ-то возгордится и простить, отдастъ домъ сиротамъ“, только не такъ оно вышло. Сталъ Максимъ Ивановичъ и говорить: „Покойникъ-то меня на смертномъ одрѣ проклиналъ“, и прошелъ мимо и

не отдалъ домъ. „Чего ихнимъ дурачествамъ подражать (то есть поблажать)? Окажи благодѣяніе, еще пуще станутъ костить: все сіе ничтоже успѣваетъ, а лишь паче молва бываетъ“.

Возопила мать со птенцами, выгналъ сиротъ изъ дому, и не по злобѣ токмо, а и самъ не знаетъ иной разъ человѣкъ по какому побужденію стоитъ на своемъ. Ну помогали сперва, а потомъ пошла навиматься на работу. Да только какою у насъ, окромя фабрики, заработокъ; тамъ полы вымоетъ, тамъ въ огородѣ выполетъ, тамъ баньку вытопитъ, да съ ребечкомъ-то на рукахъ и вззоетъ, а четверо прочихъ тутъ-же по улицѣ въ рубашонкахъ бѣгаютъ. Когда на колѣнки ихъ у паперти ставила, все еще въ башмачонкахъ были, какихъ ни есть, да въ салопчикахъ, все какъ ни есть, а купецкія дѣти; а тутъ ужъ пошли бѣгать и босенькія: на ребенкѣ одеженка горитъ, извѣстно. Ну а дѣткамъ что: было бы солнышко, радуются, гибели не чувствуютъ, словно птички, голосочки ихъ что колокольчики. Думаетъ вдова: „Станетъ зима, и куда я васъ тогда подѣваю; хоть-бы васъ въ тому сроку Богъ прибралъ!“ Только не дождалась зимы. Есть по нашему мѣсту такой на дѣтей кашель, коклюшъ, что съ одного на другого переходитъ. Перво-на-перво, померла грудная дѣвочка, а за ней заболѣли и прочія, и всѣхъ-то четырехъ дѣвочекъ, въ ту же осень одну за другой на погостъ снесла. Одну-то, правда, на улицѣ лошади раздавили. Что-же ты думаешь? Похоровила, да и взвыла: то проклинала, а какъ Богъ прибралъ, жалко стало. Материнское сердце!

Остался у ней въ живыхъ одинъ лишь старшенькій мальчикъ и, ужъ не надышетъ она надъ нимъ, трепещетъ. Слабенькій былъ и вѣжнѣй, и личикомъ милый, какъ дѣвочка. И свела она его на фабрику, къ крестному его отцу, управляющему, а сама въ нянюшки къ чиновнику нанялась. Только бѣгаетъ маль-

чикъ разъ на дворѣ, а тутъ вдругъ и подѣхалъ на парѣ Максимъ Ивановичъ, да какъ разъ выпимши; а мальчиешъ-то съ лѣстницы прямо на него, невзначай, то есть поскользнулся, да прямо объ него стукнулся, какъ онъ съ дрожееъ сходилъ, и обѣими руками ему прямо въ животъ. Схватилъ онъ его за волосенки, завопилъ: „Чей такой? Лозы! Высѣчь его, говоритъ, тотъ-же часъ при мнѣ“. Помертвѣлъ мальчикъ! Стали сѣчь, закричалъ. „Такъ ты еще и кричишь? Сѣки-жь его, пока кричать перестанеть!“ Мало-ли, много-ли сѣкли,—не пересталъ кричать, пока не омертвѣлъ вовсе. Тутъ и бросили сѣчь, испугались, не дышетъ мальчикъ, лежитъ въ безчувствіи. Сказывали потомъ, что немного и сѣкли, да ужъ пугливъ былъ очень. Испугался было и Максимъ Ивановичъ! „Чей такой?“ спросилъ; сказали ему; ишь вѣдь! Снести его къ матери: чего онъ тутъ на фабрикѣ шлялся?“ Два дня потомъ молчалъ и опять спросилъ: „А чтò мальчикъ?“ А съ мальчикомъ вышло худо; заболѣлъ, у матери въ углу лежитъ, та и мѣсто по тому случаю у чиновниковъ бросила, и вышло у него воспаление въ легкихъ. „Ишь вѣдь! произнесъ, и съ чего, важись? Диви-бъ его больно сѣкли: самое лишь малое пристрастіе произвели. Я и надъ всѣми прочими такіе точно побои произносилъ; сходило безъ всякихъ такихъ пустяковъ“. Ждалъ было онъ, что мать пойдетъ жаловаться и, возгордась, молчалъ. Только гдѣ ужъ, не посмѣла мать жаловаться. И послалъ онъ ей тогда отъ себя пятнадцать рублей и лѣкаря отъ себя; и не то чтобъ побоявшись чего, а такъ, задумался.

Миновала зима, и на самое Свѣтло-Христово Воскресенье, въ самый великій день, спрашиваетъ Максимъ Ивановичъ опять: „А чтò тотъ самый мальчикъ?“ А всю зиму молчалъ, не спрашивалъ. И говорятъ ему: „выздоровѣлъ, у матери, а та все поденно уходитъ“. И поѣхалъ Максимъ Ивановичъ того-же дня ко вдовѣ, въ домъ не вошелъ, а вызвалъ къ воротамъ; самъ на

дрожавахъ сидить: „Вотъ чтò, говоритъ, честная вдова, хочу я твоему сыну, чтобы истиннымъ благодѣтелемъ быть и безпредѣльныя милости ему оказать: беру его отсель въ себѣ, въ самый мой домъ. И ежели вмалѣ мнѣ угодить, то достаточный капиталъ ему отпишу: а совсѣмъ ежели угодить, и всего состоянія нашего могу его, по смерти, пріемникомъ утвердить, равно какъ роднаго-бы сына, съ тѣмъ, однако, чтобы ваша милость, окромя великихъ праздниковъ, въ домъ не жаловали. Коли съладно по вашему, такъ завтра утромъ приводи мальчика, не все ему въ бабьи играть“. И, сказавъ, уѣхалъ, мать оставивъ какъ-бы въ безуміи. Прослышали люди, говорятъ ей: „Возрастетъ малый, самъ попрекать тебя станетъ, что лишила его такой судьбы“. Ночь-то надъ нимъ поплакала, а по утру отвела дитя. А мальчикъ ни живъ ни мертвъ.

Одѣлъ его Максимъ Ивановичъ какъ барченка и учителя нанялъ, и съ того самаго часу за книгу засадилъ; и такъ дошло, что и съ глазъ его не спускаеть, все при себѣ. Чуть мальчикъ зазѣвается, онъ ужъ и кричить: „За книгу! Учись: я тебя человекомъ сдѣлать хочу“. А мальчикъ хилый, съ того самаго разу, послѣ побоевъ-то кашлять сталъ. „У меня-ль не житье!—дивится Максимъ Ивановичъ—у матери босой бѣгаль, корки жеваль, съ чего-жь онъ еще пуще прежняго хиль?“ А учитель и говоритъ: „Всякому мальчику, говорить, надо и порѣзвиться, не все учиться; ему маціонъ необходимъ“, и вывелъ ему все резономъ. Максимъ Ивановичъ подумалъ: „это ты правду говоришь“. Сѣлъ Максимъ Ивановичъ и кричить мальчику: „рѣзвись“!— а тотъ передъ нимъ еле дышетъ. И до того дошло, что самаго голосу его ребенокъ не могъ снести,—такъ весь и затрепещется. А Максимъ-то Ивановичъ все пуще удивляется: „Ни онъ такой, ни онъ этакой; я его изъ грязи взялъ, въ драдедамъ одѣлъ: на немъ полсапожки матерчатые, рубашка съ вышивкой, какъ генеральскаго

сына держу, чего-жь онъ во мнѣ не приверженъ? Чего какъ волченое молчить?" И хоть давно ужъ всё перестали удивляться на Максима Ивановича, но тутъ опять задивились: изъ себя вышелъ человекъ; въ такому малому ребенку присталь, отступить не можетъ. „Живъ не желаю быть, а характеръ въ немъ искореню. Меня отецъ его, на смертномъ одрѣ, уже святаго причастія вкусивъ, проклиналъ; это у него отцовскій характеръ“. И вѣдь даже ни разу лозы не употребилъ (съ того разу боялся). Запугалъ онъ его, вотъ что. Безъ лозы запугалъ.

И случилось дѣло. Только онъ разъ вышелъ, а мальчикъ всочилъ изъ-за книги да на стулъ: передъ тѣмъ на шифонерку мячъ забросилъ, такъ чтобъ мячикъ ему достать, да объ фарфоровую лампу на шифонереѣ рукавомъ и зацѣпилъ; лампа-то грохнулась, да на полъ, да въ дребезги, ажно по всему дому зазвенѣло, а вещь дорогая—фарфоръ саксонскій. А тутъ вдругъ Максимъ Ивановичъ изъ третьей комнаты услышалъ и завопилъ. Бросился ребенокъ бѣжать, куда глаза глядятъ съ перепугу, выбѣжалъ на террасу, да черезъ садъ, да задней калиткой прямо на набережную. А по набережной тамъ бульваръ идетъ, старыя ракиты стоятъ, мѣсто веселое. Сбѣжалъ онъ внизъ въ водѣ, люди видѣли, всплеснулъ руками, у самаго того мѣста, гдѣ паромъ пристаеъ, да ужаснулся, что-ли передъ водой—сталъ какъ вкопанный. А мѣсто это широкое, рѣка быстрая, барки проходятъ; на той сторонѣ лавки, площадь, храмъ Божій златыми главами сіяеъ. И какъ разъ тутъ на перевозъ послѣшала съ дочкой полковница Ферзингъ—полеъ стоялъ пѣхотный. Дочка, тоже ребенокъ лѣтъ восьми, идетъ въ бѣленькомъ платьицѣ, смотритъ на мальчика и смѣется, а въ рукахъ таку малую кошолочку деревенскую несетъ, а въ кошолочкѣ ежика. — „Смотрите, говоритъ, маменька, какъ мальчикъ смотритъ на моего ежика“. — „Нѣтъ, говоритъ полков-

ница, а онъ испугался чего-то.—Чего вы такъ испугались, хорошенькій мальчикъ?“ (такъ все это потомъ и рассказывали). „И какой, говорить, это хорошенькій мальчикъ, и какъ хорошо одѣтъ; чей вы, говорить, мальчикъ?“ А онъ никогда еще ежика не видывалъ, подступилъ и смотреть, и уже забылъ—дѣтскій возрастъ! „Что это, говорить, у васъ такое?“ — „А это, говорить барышня, у насъ ежикъ, мы сейчасъ у деревенскаго мужика купили: онъ въ лѣсу нашелъ“.— „Какъ-же это, говорить, такой ежикъ?“ и ужь смѣется, и сталъ онъ его тыкать пальчикомъ, а ежикъ-то щетинится, а дѣвочка-то рада на мальчика: „мы, говорить, его домой несемъ и хотимъ приучать“.— „Ахъ, говорить, подарите мнѣ вашего ежика!“ И такъ онъ это ее умильно спросилъ, и только что выговорить, какъ вдругъ Максимъ-то Ивановичъ надъ нимъ сверху: „А! Вотъ ты гдѣ! Держи его!“ (до того озвѣрѣлъ, что самъ безъ шапки изъ дому погнался за нимъ). Мальчикъ, какъ вспомнилъ про все, вскрикнулъ, бросился къ водѣ, прижалъ себѣ къ обѣимъ грудкамъ по кулачку, посмотрѣлъ въ небеса (видѣли, видѣли!)—да бухъ въ воду! Ну, закричали, бросились съ парома, стали ловить, да водой отнесло, рѣка быстрая, а вытащили, ужь и захлебнулся,—мертвенькій. Грудкой-то слабъ былъ, не стерпѣлъ воды, да и много-ль такому надо? И вотъ на памяти людской еще не было въ тѣхъ мѣстахъ, чтобы такой малый ребеночекъ на свою жизнь посягнулъ! Такой грѣхъ! И что можетъ сія малая душа на томъ свѣтѣ Господу Богу сказать!

Надъ тѣмъ самымъ, съ тѣхъ поръ Максимъ Ивановичъ и задумался. И перемѣнился человекъ, что узнать нельзя. Больно ужь тогда опечалился. Сталъ было пить, много пилъ, да бросилъ — не помогло. Бросилъ и на фабрику ѣздить, никого не слушаетъ. Говорятъ ему что,—молчить, али рукой махнетъ. Такъ проводилъ онъ мѣсяца съ два, а потомъ сталъ самъ съ собой го-

ворить. Ходить и самъ съ собой говоритъ. Пріѣхалъ къ нему самъ архимандритъ, старецъ былъ строгій и въ монастырѣ общежитіе ввелъ. — „Ты чего?“ говоритъ строго такъ. — „А я вотъ чего“, — и раскрылъ ему Максимъ Ивановичъ и указалъ мѣсто:

„А иже аще соблазнить одинаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ оселскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морствѣй“ (Матѣ. 18, 6).

— Да, сказалъ архимандритъ: — хоть и не о томъ сіе прямо сказано, а все-же соприкасается. Бѣда, коли мѣрку свою теряетъ человекъ — пропадетъ тотъ человекъ. А ты возмнилъ.

А Максимъ Ивановичъ сидитъ, словно столбнякъ на него нашель. Архимандритъ глядѣль-глядѣль.

— Слушай, говоритъ, — и запомни. Сказано: „Слова отчаяннаго летятъ на вѣтеръ“. И еще то вспомни, что и ангелы Божіи несовершенны, а совершенъ и безгрѣшенъ токмо единъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Ему-же ангелы служатъ. Да и не хотѣль-же ты смерти сего младенца, а только былъ безразсуденъ. Только вотъ что, говоритъ, мнѣ даже чудесно: мало-ль ты, говоритъ, еще горшихъ безчинствъ произносилъ, мало-ль по міру людей пустилъ, мало-ль погубилъ — все одно какъ-бы убіеніемъ? И не его-ли сестры еще прежде того всѣ перемерли, всѣ четыре младенчика, почти что на глазахъ твоихъ? Чего-жь тебя такъ сей единственный смугилъ? Вѣдь о прежнихъ всѣхъ, полагаю, не то что сожалѣлъ, а и думать забылъ? Почему-же такъ устранился младенца сего, въ коемъ и не весьма повиненъ?

— Во снѣ мнѣ снится, изрекъ Максимъ Ивановичъ.

— И что-же?

Но ничего болѣе не открылъ, сидитъ, молчитъ. Удивился архимандритъ, да съ тѣмъ и отѣхалъ: ничего ужь тутъ не подѣлаешь.



И послалъ Мавсимъ Ивановичъ за учителемъ, за Петромъ Степановичемъ; съ самаго того случая не видались. — Помнишь ты? говорить.

— Помню, говорить.

— Ты, говорить, здѣсь масляной краской въ трактиръ картины мазалъ и съ архиреева портрета копію снималъ. Можешь ты мнѣ написать краской картину одну?

— Я, говорить, все могу, я, говорить, всякій талантъ имѣю и все могу.

— Напиши-же ты мнѣ картину самую большую, во всю стѣну, и напиши на ней перво-на-перво рѣку, и спускъ, и перевозъ, и чтобъ всѣ люди, какіе были тогда, всѣ тутъ были. И чтобъ полеовница и дѣвочка были, и тотъ самый ежикъ. Да и другой берегъ весь мнѣ спиши, чтобъ виденъ былъ, какъ есть: и церковь, и площадь, и лавки, и гдѣ извозчики стоятъ, — все, какъ есть, спиши. И тутъ у перевоза мальчика, надъ самой рѣкой, на томъ самомъ мѣстѣ, и безпремѣнно, чтобы два кулачка вотъ такъ къ груди прижалъ. Безпремѣнно это. И раскрой ты передъ нимъ съ той стороны, надъ церковью небо, и чтобы всѣ ангелы во свѣтѣ небесномъ летѣли стрѣчать его. Можешь потрафить, аль нѣтъ?

— Я все могу.

— Я не то, чтобъ такого Трифона, какъ ты, я и первѣйшаго живописца изъ Москвы могу выписать, али хоша-бы изъ самаго Лондона, да ты его ликъ помнишь. Если выйдетъ не схожъ, али мало схожъ, то дамъ тебѣ всего пятьдесятъ рублей, а если выйдетъ совсѣмъ похожъ, то дамъ двѣсти рублей. Помни, глазки голубенькіе... Да чтобы самая-самая большая картина вышла.

Изготовились; сталъ писать Петръ Степановичъ, да вдругъ и приходитъ:

— Нѣтъ, говорить, въ такомъ видѣ нельзя писать.

— Что такъ?

— Потому что грѣхъ сей, самоубивство, есть самый великій изъ всѣхъ грѣховъ. То какъ-же ангели его будутъ стрѣчать послѣ такого грѣха?

— Да вѣдь онъ—младенецъ, ему невмѣнимо.

— Нѣтъ, не младенецъ, а ужъ отрокъ: восьми уже лѣтъ былъ, когда сіе совершилось. Все-же онъ хотя нѣкій отвѣтъ долженъ дать.

Еще пуще ужаснулся Максимъ Ивановичъ.

— А я, говоритъ Петръ Степановичъ, вотъ какъ придумалъ: небо отерывать не станемъ и ангеловъ писать нечего; а спущу я съ неба, какъ-бы въ встрѣчу ему, лучъ, такой одинъ свѣтлый лучъ: все равно, какъ-бы нѣчто и выйдетъ.

Такъ и пустили лучъ. И видѣлъ я самъ потомъ, уже спустя, картину сію и этотъ лучъ самый, и рѣву— во всю стѣну вытянулъ, вся синяя, и отрокъ милый тутъ-же, обѣ ручки въ грудкамъ прижалъ, и маленькую барышню, и ежика — все потрафилъ. Только Максимъ Ивановичъ тогда никому картину не открылъ, а заперъ ее въ кабинетѣ на ключъ отъ всѣхъ глазъ. А ужъ какъ рвались по городу, чтобъ повидать: всѣхъ гнать велѣлъ. Большой разговоръ пошелъ.

А кончилось все такъ, что и теперь тамъ напрѣжь всего вспоминаютъ. Вдругъ пріѣзжаетъ Максимъ Ивановичъ къ той самой вдовѣ: нанимала на краю у мѣщанки въ избушкѣ. На сей разъ уже во дворъ вошелъ; сталъ передъ ней, да и поклонился въ землю. А та, съ тѣхъ разовъ больна была, еле двигалась. „Матушка, возопилъ, честная вдовица: выйди за меня, изверга, замужь, дай жить на свѣтѣ!“ Видитъ она, что не въ умѣ чело-вѣкъ, а какъ-бы въ изступленіи, да все-же не утерпѣла:

— Пустяки это все, отвѣчаетъ ему:—и одно малодушіе. Черезъ то самое малодушіе я всѣхъ моихъ птенцовъ истеряла. Я и видѣть-то васъ передъ собой не могу, а не то, чтобы таеую вѣвовѣченскую муку принять.

Отъѣхалъ Максимъ Ивановичъ, да не унялся. Вы-

писалъ изъ губерніи двухъ своихъ тетокъ, по мѣщанству жили. Тетки не тетки, все-же родственницы, честь, значить: стали тѣ ее склонять, принялись улещать, изъ избы не выходятъ. Заслалъ и изъ городскихъ, и по купечеству, и протопопшу соборную, и изъ чиновницъ; обступили ее всѣмъ городомъ, а та даже гнушается: „Если-бъ, говорить, сироты мои ожили, а теперь на что? Да я передъ сиротами моими какою грѣхъ приму!“ Склонилъ и архимандрита, подулъ и тотъ въ ухо: „Ты, говорить, въ немъ новаго человѣка воззвать можешь“. Ужаснулась она. А люди-то на нее удивляются: „Ужь и какъ-же это можно, чтобъ отъ такого счастья отказываться!“ И вотъ, чѣмъ-же онъ ее въ концѣ покорилъ: „Все-же онъ, говорить, самоубивецъ, и не младенецъ, а уже отрокъ, и по лѣтамъ ко святому причастью его уже прямо допустить нельзя было, а, стало быть, все-же онъ хотя-бы нѣкій отвѣтъ долженъ дать. Если-же вступишь со мной въ супружество, то великое обѣщаніе даю: выстрою новый храмъ токмо на вѣчный поминъ души его“. Противъ сего не устояла и согласилась. Такъ и повѣнчались.

И вышло всѣмъ на удивленіе. Стали они жить съ самаго перваго дня, въ великомъ и нелицемѣрномъ согласіи. Онъ-же соорудилъ обѣщанный храмъ, и выстроилъ въ городѣ больницу и богадѣльню. Отдѣлилъ капиталъ на вдовъ и сиротъ. И вспомнилъ всѣхъ, кого обидѣлъ, и возжелалъ возвратить; деньги-же сталъ выдавать безмѣрно, такъ что уже супруга и архимандритъ придержали за руки, ибо „довольно, говорятъ, и сего“. Послушался Максимъ Ивановичъ: „Я, говорить, въ тотъ разъ Ѳому обсчиталъ“. Ну, Ѳомѣ отдали. А Ѳома такъ даже заплакалъ: „Я, говорить, я и такъ... Многимъ и безъ того довольны и вѣчно обязаны Богу молить“. Всѣхъ, стало быть, проникло оно, и значить правду говорятъ, что хорошимъ примѣромъ будетъ живъ человекъ. А народъ тамъ добрый.

Фабрикой сама супруга стала орудовать и такъ, что и теперъ вспоминають. Пить не пересталъ, но стала она его въ эти самые дни соблюдать, а потомъ и лечить. Рѣчь его стала степенная, и даже самый гласъ измѣнился. Сталъ жалостливъ безпримѣрно, даже въ скотамъ: увидалъ изъ окна, какъ мужикъ стегалъ лошадь по головѣ безобразно, и тотчасъ выслалъ и купилъ у него лошадь, за вдвое цѣны. И получилъ даръ слезный: кто бы съ нимъ ни заговорилъ, такъ и залется слезами. Господь послалъ имъ сына, и сталъ Максимъ Ивановичъ, еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, свѣтелъ; много милостыни роздалъ, много долговъ простилъ, на вкрестины созвалъ весь городъ. Созвалъ онъ это городъ, а на другой день, какъ ночь, вышелъ. Видитъ супруга, что съ нимъ нѣчто случилось, и поднесла къ нему новорожденнаго: „Простилъ, говорить, насъ отрокъ, внялъ слезамъ и молитвамъ за него нашимъ“. А о семъ предметѣ, надо такъ сказать, они во весь годъ ни разу не связали слова, а лишь оба про себя содержали. И поглядѣлъ на нее Максимъ Ивановичъ мрачно, какъ ночь: „Подожди, говорить: онъ, почитай, весь годъ не приходилъ, а въ сію ночь опять приснился“. — „Тутъ-то въ первый разъ проникъ и въ мое сердце ужасъ, послѣ сихъ странныхъ словъ“, — припоминала потомъ.

И не напрасно приснился отрокъ. Только что Максимъ Ивановичъ о семъ изрекъ, почти, такъ сказать, въ самую ту минуту приключилось съ новорожденнымъ нѣчто: вдругъ захворалъ. И болѣло дитя восемь дней, молились неустанно и докторовъ призывали и выписали изъ Москвы самаго перваго доктора по чугункѣ. Прибылъ докторъ, разсердился: „Я, говорить — самый первый докторъ, меня вся Москва ожидаетъ“. Прописалъ капель и уѣхалъ поспѣшно. Восемьсотъ рублей увезъ. А ребеночекъ къ вечеру померъ.

И что-же за симъ? Отписалъ Максимъ Ивановичъ все имущество любезной супругѣ, выдалъ ей всѣ капи-

талы и документы, завершилъ все правильно и законнымъ порядкомъ, а затѣмъ сталъ передъ ней и поклонился ей до земли: „Отпусти ты меня, безцѣнная супруга моя, душу мою спасти, пока можно. Ежели время мое безъ успѣха душѣ проведу, то назадъ уже не возвращусь. Былъ я твердъ и жестокъ, и тягости налагалъ, но мню, что за скорби и странствія предстоящія не оставить безъ воздаянія Господь, ибо оставить все сіе есть не малый крестъ и не малая скорбь“. И унимала его супруга и увѣщевали всѣмъ городомъ цѣлый мѣсяць, и молили его, и положили силой стеречь. Но не послушалъ ихъ, и ночью скрытно вышелъ и болѣе уже не возвращался. А, слышно, подвизается въ странствіяхъ и терпѣннѣе даже до сегодня, а супругу извѣщаетъ ежегодно...

---



Изъ Романа „**НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА.**“

---

**МУЗЫКАНТЪ ЕФИМОВЪ И ЕГО СЕМЬЯ.**





Отца моего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ рассказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все что я теперь буду рассказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ товарищемъ и короткимъ пріателемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима была Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ очень богатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Рассказывали про него, что онъ, никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на кавіа-то воды, и поѣхалъ не болѣе какъ на нѣсколько недѣль, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три кон-

црта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ человѣкомъ. Въ этомъ-же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержание домашняго театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человѣкъ. Когда его выгнали, онъ совершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человѣкомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и странная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ хоть сколько нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу, и даже самъ помѣщикъ, который сначала запрещалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли, по утру, крестьяне во рву, у плотины. Нарядили слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ-же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наследовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наследникомъ въ случаѣ своей смерти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно сберегавшагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наследства. Но только спустя нѣсколько времени къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ, графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, оставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ

очень желалъ приобрести для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавлялъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобы покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упорствѣ Ефимова видитъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего-жь ты не хочешь отдать скрипку? спросилъ онъ его: — она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь неразумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не поидетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская; графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ воснулъ самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостію говорилъ, что знаетъ, какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные артисты и что, благодаря имъ, его оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо! — отвѣчалъ помѣщикъ: — я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ вларнетъ, хоть ты и плохой вларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, отвѣчалъ онъ:—конечно, ваша воля...

— Да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой сценѣ очень невыгодно объ участи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра. — Ступай-же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда-бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня-же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай-же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ „артистомъ“, какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяць, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виноватъ въ смерти итальянца и умертвилъ его съ корыстною цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Овъ доказывалъ, что завѣщаніе было выманено насильно и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго вапельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоценнымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ,

божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго взгляда доказательства его показались серьезными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справедливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ вель себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернской городъ прі-

ѣхаль какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать мимоѣздомъ нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ-же началъ стараться какимъ-нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ; французъ обѣщался пріѣхать. Уже все было готово къ его отѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвѣстно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычайномъ положеніи: не доставало кларнета, какъ вдругъ, дня три спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно, обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ человѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипача, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служить достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпощадно, безсовѣстно олеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И, наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомляли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣли угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа,

въ которой тотъ приглашалъ его немедленно въ себя и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжій виртуозъ теперь у него, вмѣстѣ съ Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветою послѣдняго, приказалъ задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа; дѣло это очень важно, и нужно его разъяснить, какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ-же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ—скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человѣкъ вольный, пользовался полною свободою, и, всегда, во всякое время, могъ-бы оставить его, если-бъ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ въ справедливости того, что успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодай, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, отвѣчалъ мой отчимъ:—по вашей милости я едва ушелъ отъ уголовного наказанія. Знаю, по чьему наущенью Алексѣй Никифоровъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою; но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость

Ефимова заключаетъ въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше проситъ позволить арестовать его сейчасъ-же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что не понимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и—хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житіе, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщичьемъ оркестрѣ и не имѣя средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную комнату дома, и пригрозили, что завтра-же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ, и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стулъ.

— Егоръ, сказалъ онъ ему:—за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ, и какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучали въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! отвѣчалъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою:—знать, бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не житіе мнѣ у васъ, не житіе... Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ, началъ снова помѣщикъ:—воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ, я положу тебѣ не въ примѣръ другимъ жалованье...

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жилецъ



я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь; на меня находить, и такая тоска подъ часъ, что лучше-бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужь вы лучше, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною...

— Кто? спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что издохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступилъ, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою погибель. Лучше-бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился, онъ только показывалъ,—и легче чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: „Егоръ! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать“,—а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ, что самъ не знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужь вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужь я что-нибудь такое надъ собой сдѣлаю, чтобъ меня куда-нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія:—я тебя такъ не оставлю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты-же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь такъ не уйду отъ тебя. Съиграй мнѣ чтонибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, съиграй! Ради Бога, съиграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: съиграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то что ты французу игралъ! Отведи душу! Ты упрямя и я упрямя; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, чувствуй и ты, какъ я. Живъ не могу быть,

покажѣсть ты мнѣ не сыиграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что французу игралъ.

— Ну, быть такъ! сказалъ Ефимовъ.—Даль я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, именно передъ вами, а теперъ сердце мое разрѣшилось. Сыиграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хотъ-бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіаціи на русскія пѣсни.—Б. говорилъ, что эти варіаціи—его первая и лучшая пьеса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слушать музыку, плакалъ навзрыдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперъ ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ; но слушай: больше уже ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней, такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай!.. Подожди! Еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не зазнавайся! Говорю тебѣ, какъ-бы отецъ твой родной сказалъ тебѣ. Смотри-же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!)—пиши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперъ прощай!.. Пойди, поцѣлуй меня.

Они поцѣловались, и вслѣдъ за тѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ-же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ то же время съ самой черной, грязной кампаніей вакихъ-то гулякъ,

и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціального театра, въ качествѣ первой, и, можетъ быть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполнѣ образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко уязвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унижительныхъ выраженіяхъ называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспоможеніи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по расплатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи нельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя, такимъ образомъ, съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ-нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлыхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерпѣлъ его талантъ, непрерывно стѣсняемый беспорядочною, нищен-

скою жизнію, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ поселился гдѣ-то на чердакѣ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружались, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою-же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стремился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаниемъ силъ своихъ и, почти разсчитавъ заранѣе, что изъ него выйдетъ,—тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлыя семь лѣтъ изъ-за куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея, выбиться, наконецъ, изъ сквернаго положенія, скопить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самого Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый, какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣриться черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ непрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ

ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима, какъ будущаго великаго музыкальнаго гения. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе—ни что иное, какъ бессознательное отчаяніе при воспоминавіи о пропавшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и непрерывной фантазіи, непрерывной мечты о собственномъ гениі. „Но, разсказывалъ Б.,—я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась въ явь отчаянная, лихорадочная борьба судорожно напряженной воли и внутренняго безсилія. Несчастныи цѣлые семь лѣтъ до того удовлетворялся одними мечтами о будущей славѣ своей, что даже не замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его беспорядочномъ воображеніи поминутно создавались самые колоссальные планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первокласснымъ гениемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ гениемъ,—онъ сверхъ того думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня,—прибавлялъ Б.—то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникѣ искусства — было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принялъ себя, вмѣсто глубокаго, инстинктивнаго критика искусства, за жреца самага искусства, за гения. Порой ему уда-

валось на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить мнѣ такія глубокія истины, что я становился въ тупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, нискогда ничему не учившись, и я много обязанъ ему—прибавлялъ Б.,—ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что-же касается до меня,—продолжалъ Б.,—то я былъ спокоенъ на счетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ; но за то я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напротивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ безпрерывному, неуспяному труду, ясному сознанію силъ своихъ, добровольному самоуничтоженію и вѣчной враждѣ къ заносчивости, къ раннему самоудовлетворенію, и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія“.

Б. въ свою очередь попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому такъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и скорѣ несчастный впалъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него; совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ

боялся выговорить слово. Мало по малу, Ефимовъ дошелъ до самаго крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ средства въ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у вупцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые, хотя почемногу, но что-нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ вроткимъ образомъ, что не худо бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображая, что кто-нибудь будетъ упрашивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ и не будетъ такъ подлъ, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надумавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіе своего товарища, который ушелъ играть, вообразилъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ зарабатывать деньги. Когда Б. воротился, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка и объявилъ, что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ дѣйствительно исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свычка и дружба, да еще состраданіе, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житіе и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ приобрѣлъ чье-то сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время, онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возрастающая извѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполне заслуженный успѣхъ. Разставаясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь.—Б. и теперь не можетъ вспомнить объ немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Въстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе.—Б. понималъ его; онъ видѣлъ его насквозь и предузнавалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаніи они обнялись и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчастнѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! заключилъ онъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронуть.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, говорилъ онъ ему:— что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ; у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ унынія, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею



жизнію. Ты-же рассказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житьѣ. И тогда тебя посѣтило безсознательно тоже отчаяніе. Тогда твой первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много рассказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ-же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя-же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты сознавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое назначеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я, но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а, главное,—начинай съ изнова, съ азбуки. Что тебя мучить? Бѣдность, нищета? Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онѣ неразлучны съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ, что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя, сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобъ его понимали; а ты увидишь какія лица обступятъ тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что и съ презрѣніемъ смотреть на то, что въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, бессонными по-

чами. Они не ободряютъ, не утѣшаютъ тебя, — твои будущіе товарищи; они не укажутъ тебѣ на то, что въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то, въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ, будутъ какъ праздники праздновать каждую твою ошибку (будто кто нибудь былъ безъ ошибокъ). Ты-же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда бѣда, — ты будешь одинъ, а ихъ много; они тебя истерзаютъ булавами. Даже я начинаю это испытывать. Ободришь-же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай черной работой, руби дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечеринкахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работы своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй-же, подожди, поучись, и если не надѣнешься на силы свои, такъ иди на авось: въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, всетаки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что выиграешь слишкомъ великъ. Тутъ, братъ, наше *авось*, — дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшего товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, блѣдность сходила со щекъ его; онѣ оживились румянцемъ; глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Однако-жь онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глу-

богаго самоуничтоженія и уныніа до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не безпокоился объ его участи, что онъ знаетъ, вамъ устроить свою судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ зазоветъ себѣ и славу и деньги.—Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались, хотя, разумѣется, не надолго. Ефимовъ тотчасъ-же прожилъ данныя ему деньги и пришелъ за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на человѣка дурно одѣтаго, хмѣльнаго, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ; видно было, что безпутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимымъ образомъ.— Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, пошелъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, маленькой, закопченной комнатѣ онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ; растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и вылѣзать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ, Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактирѣ ему уже давно не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ;

но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбылось вполнѣ. Однако-жь, онъ приказалъ подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности, и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цѣловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда тутъ-же узналъ, что жена составила все его несчастіе и горе, и что женитьба убила вполнѣ весь талантъ его.

— Какъ такъ?—спросилъ Б.

— Я, братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, отвѣчалъ Ефимовъ.—Баба, вухареа, необразованная, грубая женщина. Что-бъ ее!.. Только деремся, больше ничего не дѣлаемъ.

— Да зачѣмъ-же ты женился, коли такъ?

— Ъсть было нечего. Я познакомился съ ней; у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и—какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣлъ, что Ефимовъ какъ будто спѣшилъ въ чемъ-то перездъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б. и изъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станеть, если онъ захочетъ того.

— Таеъ за чѣмъ-же дѣло стало? сказалъ удивленный Б.; ты-бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоить! сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою.— Кто изъ васъ тамъ хоть что-нибудь понимаетъ! Чтѣ вы знаете? Шишь, ничего, вотъ чтѣ вы знаете! Плясовую какую-нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣтъ—ваше дѣло. Скрипачей-то вы хорошихъ и не видали, и не слышали. Чего васъ трогать: оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукой и повачнулся на стулѣ, потому что порядочно охмѣлѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ звать въ себѣ В.; но тотъ отказался, взялъ его адрессъ и увѣрилъ, что завтра-же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшего товарища и всячески старался чѣмъ нибудь уколотъ его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу В. и подалъ ее, какъ низшій вышнему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ В. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязень въ эту минуту.

В., однако-жь, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому, какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой, и, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда-же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наследство было раздѣлено между его наследниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантку опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ. Она была энтузиастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то генія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности; воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей гениальнаго человѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый-же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ быть, изъ-за того, что у матушки моей

была какая-нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глазъ на глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ пѣсни да музыка, и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастіе. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадовался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который-бы можно было свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться-же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолевала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьянству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ быть, самъ не зналъ, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая поубила его*, все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, бранлива, поминутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Онъ только смѣялся, и повлялся не брать въ руки скрипки до самой смерти

жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей любила его, не смотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-страдающею, жила въ непрерывныхъ терзаніяхъ и, кромѣ всего этого горя, на нее одну пала вся забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье, и сначала отерыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нея потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекрашиваніемъ стараго платья. Такимъ образомъ, мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б.—Послушай, вздоръ ты все говоришь, сказалъ онъ отчиму:—гдѣ тутъ убитый талантъ? Она-же тебя кормить, а ты что тутъ дѣлаешь?

— А ничего! отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища; наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ оговорокъ, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ, наконецъ, сыграть ему что-нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотрѣть, что можно будетъ для него сдѣлать. Когда-же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаваніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился.—Я сыиграю тебѣ что-нибудь изъ

моего собственнаго, по дружбѣ, сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, сказалъ онъ, указывая на тетрадь.— Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что-нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однако-жъ, боясь потерять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б.— Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно много занимался и приобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надобно было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый Б. рѣшился пристроить отчима. Онъ уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительно слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покамѣстъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ въ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, вѣжеству, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга.— Б. рассказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное повлоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ-нибудь потерять его благорасположеніе. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему прискакали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяць прилежанія и труда воротилъ все, чтò потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщалъ и впредь заниматься и быть



исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положеніе нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копѣйки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и проѣдалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ-же завелъ цѣлый кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями, хористами, фигурантами, однимъ словомъ, съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать и избѣгалъ людей истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ какое-то особенное уваженіе, тотчасъ-же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслить въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставятъ на сцену и, наконецъ, надъ самыми авторами игравшихся пьесъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, приобрѣлъ репутацію самаго безповойнаго, самаго вздорнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталъ для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, бесполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ то же время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ ложахъ, потому что порядочное платьѣе все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить въ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они та-

кому гостю, разносилъ сплетни, болталъ вздоръ, плавался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ, глядѣть злодѣйку жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгнаннаго товарища, заставляя его болтать всякій вздоръ. Его принимали за какаго-то сумасброднаго шута, котораго иногда пріятно заставить болтать отъ бездѣля. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомънибудь новомъ заѣзжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, раз-узнавалъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ-же начиналъ ревновать къ его славл. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство, — его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ непонятъ и находится въ неизвѣстности. Послѣднее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это въ слухъ, или утѣшать себя въ тихомолву, поклоняясь своему непризнанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ и, по своимъ понятіямъ, ни въ комъ изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатоки и дилеттанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при немъ о какомънибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобъ заставить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдкія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто въ свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой карриатурѣ изобразить современныхъ музыкальныхъ знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознава-

лись въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ корридорахъ театра и за кулисами. Служители пропускали его безпрепятственно. Такое житье продолжалось года два или три; но наконецъ онъ наскучилъ всёмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду кануль, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу, и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили по утру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему, Ефимовъ стоялъ хмѣльной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ идти въ комнаты. Смыслъ его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталаннымъ людямъ, водиться съ такою знатью, какъ вы; что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобъ съ праздникомъ поздравить: повленимся и уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было глупо и отвратительно гадео. Съ этихъ поръ, Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страшнымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Вотъ какимъ образомъ случилась она... Но прежде я должна объяснить, чтò такое было мое дѣтство и чтò такое былъ для меня этотъ человекъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ и который былъ причиною смерти моей бѣдной матушки.

II.

Я начала себя ~~помнить~~ очень поздно, только съ десятого года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ-бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятого года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у стариннаго образа; потомъ, какъ меня однажды сшибла на улицѣ лошадь, отчего, какъ мнѣ послѣ рассказывали, я пролежала больная три мѣсяца; еще, какъ во время этой болѣзни, ночью проснулась я подлѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ болѣзненныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забиваясь подъ одеяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего и заключаю, что я ее боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно недѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны. Все прояснилось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и страшный колоритъ на все время житія моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ

Большой комнатѣ съ низкимъ потолокомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или, лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома и были низенькія, широкія, словно щели. Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, свамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода; мы жили подъ самой кровлей, въ шести-этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеенчатаго дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простаго бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафчика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покочнувшись на бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка, и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала, бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла бабушку, чтобъ заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынести за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ такъ-же боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась.

Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и вперёдъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцаловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я вѣрнѣе, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ быть, первая ласка родительская, можетъ быть, оттого-то и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что заслужила милость отца за то, что за него заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ, меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выноситъ горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возмущала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу. Отецъ казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, неестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться объ немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ, я ребенокъ, могла хоть чтонибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по своему: но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ быть, матушка была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, заодно.

Я уже рассказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротою началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣшними впечатлѣніями. Я начала думать, рассуждать, наблюдать; но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по своему, и я вдругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто рассказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странныя понятія. Я очень хорошо узнала,—но не знаю, какъ это сдѣлалось,— что живу въ странномъ семействѣ и что родители мои какъ-то вовсе непохожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отчего, думала я:—отчего я вижу другихъ людей, какъ-то и съ виду не похожихъ на моихъ родителей? Отчего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отчего меня тутъ-же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, приврѣвъ свои лохмотья старой матушкиной вуцавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами, купить на нѣсколько грошей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужъ не помню какъ, что въ нашемъ углу—какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по своему, я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И на сколько я при-

вязалась къ отцу, на столько возненавидѣла мою бѣдную мать. До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но, вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему странному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрожжами, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ какъ разсердится матушка. Между тѣмъ я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня влючомъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черепки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатнымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки музыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ. Я какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ матушка? Отчего въ нему я подошла безъ страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку, и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу-ли я что нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему и отвѣчала, что вижу красные занавѣсы. Когда же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отчего, вдругъ начала я



плавать, обнимать его и проситься скорѣе на верхъ къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить, — ласкается и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась, и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, нагнала на меня лихорадку. Однако-жь, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первую мыслью, первую заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него въ вечеру, когда на улицѣ зажигались огни и когда начинали блескѣть какимъ-то кровавымъ, особеннымъ блескомъ красныя какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами арко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, гордыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя пріѣзжали въ нихъ. Все это въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь-же послѣ встрѣчи съ отцемъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чудеснѣе и любопытнѣе. Теперь въ моемъ пораженномъ воображеніи начали рождаться какія-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивляюсь, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать, — я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня поражало, напрімѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца

что она одна за всѣхъ труженица, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему-же батюшка совсѣмъ не помогаетъ ей, почему-же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дало мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что батюшка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что батюшка человекъ съ талантомъ; въ моемъ воображеніи тотчасъ-же сложилось понятіе, что артистъ—какой-то особенный человекъ, непохожій на другихъ людей. Можетъ быть, самое поведеніе отца навело меня на эту мысль; можетъ быть, я слышала что нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятенъ былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ сказалъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что „придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человекъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка“. Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я слышалась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца,—фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непременно остановиться на какомъ-нибудь предположеніи. И вотъ,—не знаю какъ началось это все сначала,—но подъ конецъ я остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то, вмѣстѣ со мною. Но куда?—я до самаго послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдемъ съ нимъ (а я непременно рѣшила, что мы пойдемъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ моей фантазіи, все

было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ-же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно, когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила, мечтая, что батюшка тотчасъ сошьетъ себѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь—этотъ богатый домъ съ красными занавѣсами, и встрѣча возлѣ него съ батюшкою, который хотѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ,—пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ-же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздникѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала сѣзды, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какихъ я никогда еще не видала; мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ; я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается,—и все казалось мнѣ, что тамъ рай и всегдашній праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ-же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобъ я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобъ я не думала объ немъ, что ей непріятно наше счастье, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность въ такому вѣчно страдавшему существу, какъ ма-

тушка? Только теперь понимаю я ея страдальческую жизнь и безъ боли въ сердцѣ не могу вспомнить объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чуднаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей первой жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости,—и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали въ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ, и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобъ я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самыя ничтожныя воспоминанія язвятъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню, въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку купить ей чаю и сахару. Но она все раздумывала и все нерѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги,—жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить расчетовъ. Къ тому-же, въ инныя минуты, вѣроятно, отъ горя, она впадала въ какое-то безмысліе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размеренно, какъ будто роняя слова неварочно: губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ.— „Нѣтъ, не нужно“, сказала она, поглядѣвъ на меня: „я лучше спать лягу. А? Хочешь ты спать, Нѣточка?“ Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою материнскою улыбкой, что все сердце заныло во мнѣ и врѣпко забилося. Къ тому-же, она меня назвала Нѣточкой, что значило, что въ эту минуту она особенно любитъ меня. Это названіе она изобрѣла сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Нѣточка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять

ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ, — можетъ быть, уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: „дитя мое, Аннета, Нѣточка!“ Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточеніемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! Меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и мнѣ всегда становилось чего-то страшно. Въ просонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее, — и тотчасъ, бывало, заснешь. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними по прежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все чего-то добываясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обоимъ, я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ беспорядочной жизни, которая угнѣздилась въ нашемъ углу, — конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла на столько, на сколько понять могла. Бывало, въ длинные зимніе вечера, забившись куда нибудь въ уголокъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, всматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила, не уставая, взадъ и

впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время бессонницы, которую мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то сѣрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, неистощимой тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытѣе. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь которую она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостяѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучаясь потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зарождались въ мигъ. Я дичала, какъ будто въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что я ему отвѣчала: помню, что онъ объ чемъ-то задумался, и, наконецъ, сказалъ, поглядывая на меня, что завтра-же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Понявъ съ двухъ словъ, чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цѣловалъ, я тотчасъ-же начинала плакать отъ восторга. Мало по малу, отецъ полюбилъ меня: я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлые часы не уставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами ста-

ралась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ обратилось у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться, и онъ возвращался домой, я тотчасъ-же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно, я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это-же время, онъ однажды, послѣ урока, началъ мнѣ рассказывать сказку. Это была первая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣніи, слѣдя за рассказомъ, переносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу рассказа была въ полномъ восторгѣ. Не то чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка, — нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ-же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсками; тутъ-же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо, и отецъ, который самъ-же мнѣ рассказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обоимъ идти неизвѣстно куда, — наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ ссоставило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время я умирала отъ нетерпѣнія заговорить съ отцомъ о томъ, что ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ, папъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ, — не знала и только

мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой—и случилось это особенно по вечерамъ—мнѣ казалось, что бабушка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу картину, какую-то дрянную литографію, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непременно взять съ собою, и мы куда нибудь убѣжимъ потихоньку, такъ что ужъ никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ,—а это случилось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина,—подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою завѣтную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, спрашивать его: куда мы пойдемъ, скоро-ли, что возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить, и, наконецъ, пойдемъ-ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? Красные занавѣсы? Что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ богаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой говорилъ объ этомъ прежде, по крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмурия свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣнившись въ лицѣ.— Что ты это говоришь, бѣдная, глупая...



Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю... и не помню что́ еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла, какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушею въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Каковъ онъ ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однако-жь, хоть я совсѣмъ не понимала, за что онъ сердить, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глупый ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кромѣ того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако, почувствовала, хога и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужасъ, и сомнѣнія закрались въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучаюсь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ мнѣ не плакать. Однако, мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе,—все, что онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. По нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упомянула, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ. Помню еще, что спросивъ, поняла-ли я, и, разумѣется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ-ли онъ? Я отвѣчала: „съ талантомъ“, на что онъ слегка усмѣхнулся, потому что, можетъ быть, къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серьезномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ

своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копѣйку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разныя безмолвныя роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Вероны, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, поднимаютъ къ верху картонныя винжалы и кричатъ: „умремъ за короля!“ Но ужь вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно преданнаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳедорычъ. Самымъ-же страшнымъ несчастіемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ, и въ своемъ родѣ былъ столько-же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ, и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не узнаны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человѣкъ въ мірѣ и питалъ къ моему отчиму самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другаго. Сверхъ того батюшка никакъ не могъ понять въ

своей исключительности, что балетное искусство — тоже искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Федоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Многие я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Федоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюрнбергскимъ щелвунѣмъ. Б. рассказаль очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ, они не разъ сходились вмѣстѣ, и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они не узнаны. Я помню эти сходки, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхнываюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покамѣстъ ктонибудь выйдетъ, а если узнаеть, что матушка дома, тотчасъ же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собой какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читалъ ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ девламиривалъ ихъ, переводя ломанымъ языкомъ по русски, для нашего уразумѣнія. Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню, что это была драма въ стихахъ, какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попалась мнѣ въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастіяхъ одного великаго художника, какого-то Дженаро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: „я не признанъ!“, а на другой: „я признанъ!“, или: „я безталантепъ!“, и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: „я съ талантомъ“. Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма

была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо,—она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карль Ѳедоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противоположный уголь комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ „мадмуазель“, неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ-же на мѣстѣ разсудить его съ судьбой и съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разныя па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое— артистъ или нѣтъ, и что можно ли сказать противное, то есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ-же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣмцемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣха. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Ѳедоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тоненькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ, и съ преуродливыми кривыми ногами; но, не смотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по окончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ-бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресерьезною миною взглядывалъ на меня, какъ-бы приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ

устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карль Ѳедорычъ, никакъ не потрафишь! говорилъ, наконецъ, батюшка, притворяясь, что ему самому неприятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Ѳедоровича вырывалось настоящее стеланіе; но въ мигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами снова просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцевалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартанецъ, геройски выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкою простиралъ къ намъ дрожація руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей. Но батюшка былъ неумолимъ и по прежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карль Ѳедорычъ, видно—судьба твоя: никакъ не потрафишь!

Тутъ ужъ я болѣе не выдерживала и покатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карль Ѳедорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ, чувствомъ, но которое заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виролѣмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и выбѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходить никогда. Но ссоры эти были непродолжительны: черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова наивный Карль Ѳедоровичъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умоляя на этотъ разъ уже судить серьезно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ, матушка послала меня въ лавочку, за какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую

серебряную монету, которую мнѣ сдали. Входя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцѣловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ пріучилась къ выраженію лица его, что тотчасъ-же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего-же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ, и когда онъ не могъ, поэтому, выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ-же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти на верхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо кликнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ. — Послушай, Нѣточка, сказалъ онъ: — дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? Ты вѣдь дашь ихъ папѣ? Ты вѣдь добренькая, Нѣточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновеніе мысль о томъ, какъ разсердится матушка, — робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отдать деньги. Онъ мигомъ замѣтилъ это и поспѣшно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь зналъ, что ты умная дѣвочка, сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга, когда почувствовалъ деньги въ рукахъ.— Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ мой! Вотъ, дай тебѣ я ручку поцѣлую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною, и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала на верхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако, я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ снѣгъ и не могла ихъ съискать. Я ожидала, по крайней мѣрѣ, побой, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала внѣ себя отъ огорченія, потому что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ же какъ будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, нерадивая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда-бы я вынесла побои. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться батюшкѣ, я, по обыкновенію, дожидалась его въ сѣняхъ. Въ этотъ разъ я была въ большемъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзавшимъ совѣсть мою. Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ будто думала, что отъ этого мнѣ станетъ легче. Онъ былъ уже на-веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ-же принялъ таинственный, смущенный видъ, и, отведя меня въ уголь, робко взгля-

дывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шепотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно, и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобились папѣ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купить; наконецъ, онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не рассказывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ была я въ какомъ-то ужасѣ, и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ-бы въ забытѣи, по своему обыкновенію. Въ этотъ день ей было хуже и съ ней сдѣлался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданія у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненные сновидѣнія мучили меня. Наконецъ, я не могла вынести, и начала горько плакать. Рыданія мои разбудили матушку; она окликнула меня и спросила, что со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчу, подошла ко мнѣ и начала меня успокаивать, думая, что я испугалась чегонибудь во снѣ.— „Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! сказала она:—до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ чтонибудь приснится. Ну, полно-же!“ И тутъ она поцѣловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не



смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все рассказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и о его запретѣ остановила меня. „Экая ты бѣдненькая, Нѣточка! сказала матушка, укладывая меня на постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ: — ты вѣрно будешь такая-же больная, какъ я!“ Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще въ просонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда еще я не выносила болѣе тяжелой муки. Сердце у меня стѣснялось до боли. На другой день, по утру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не поминая о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ-же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь-же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цѣловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ, онъ сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что то очень хорошее и чѣмъ я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ разстегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него видѣлъ на шеѣ, на черномъ шнуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочесть въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него странной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то горже-

ственное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинственный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала, — вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ; но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе, — что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ, — что потомъ онъ когда нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какаго-то большаго счастья. Слезы навернулись на глазахъ его и погекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцѣловалъ скрипку и далъ ее поцѣловать мнѣ. Видя, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня въ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожалъ отъ страха, чтобъ я какъ нибудь не разбила ее. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ. — „Это музыка!“ — сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— Да, да, музыка, повторилъ онъ, радостно потирая руки: „ты умное дитя, ты доброе дитя!“ Но не смотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ, — я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми-же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка-же, погладивъ меня снова по головѣ, обѣщалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ, скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ, батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ я росла въ нашемъ углу.

III.

Весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о прїѣздѣ знаменитаго С—ца. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С—ца, его увѣнчанная лаврами старость, неуязвимая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычекъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что прїѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько нибудь прославленной знаменитости, производилъ на моего отчима самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ сиѣшилъ услышать прїѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже боленъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокоивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣдкостью распространить свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣдный, помѣшанный человѣкъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о прїѣздѣ С—ца, генія музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣдніе десять лѣтъ Петербургъ не слышалъ ни одного знаме-

нидаго дарованія, хотя-бы даже и неравносильнаго съ С—домъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ первоклассныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ рассказывали, что при первыхъ слухахъ о приѣздѣ С—ца, отца моего тотчасъ-же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный, и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С—цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго уже не видали за кулисами, и появленіе его произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ подразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: „теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужь вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!“ Говорятъ, что онъ, поблѣднѣвъ, услышавъ эту насмѣшку, однако, отвѣчалъ, истерически улыбаясь: „посмотримъ; славны бубны за горами“. Кругомъ раздался хохотъ; блѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до послѣ завтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. рассказываетъ, что въ тотъ-же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ диллетантомъ, человѣкомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкуя о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С—ца и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите-ли вы этого человѣка? сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, эго любопытно! сказалъ князь: — вы о немъ

много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я-бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, отвѣчалъ Б.;—да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрываетъ сердце. Его жизнь—страшная, безобразная трагедія. Какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ всетаки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во первыхъ, онъ сумасшедшій; во вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастье, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрить всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было-бы время, не было-бы заботы, и тотчасъ увидѣли-бы, какой онъ артистъ. Онъ женился въ странной надеждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете-ли, что онъ говоритъ цѣлые восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій—жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену—и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не бралъ въ руки скрипки,—знаете-ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычокъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь-же, когда смычекъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Его девизъ: *aut Cesar, aut nihil*, какъ будто Цезаремъ

можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда—слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужь не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то есть любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С—цъ напротивъ: когда онъ беретъ смычекъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужь третья, кажется, слава. Но онъ объ ней мало заботился... Знаете-ли, что теперь занимаетъ этого несчастнаго? прибавилъ Б., указывая на Ефимова.—Его занимаетъ самая глупая, самая ничтожнѣйшая, самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то есть: выше-ли онъ С—ца, или С—цъ выше его,—больше ничего, потому что онъ всетаки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и, я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе всетаки глубоко и серьезно, ибо призваніе его, въ началѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С—ца, замѣтилъ князь.

— Да, сказалъ Б. задумчиво. — Но нѣтъ: онъ очнется тотчасъ-же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ-же выдумаетъ какую-нибудь отговорку.

— Вы думаете? замѣтилъ князь.

Въ это время, они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ-ли онъ у С—ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотреть, увидеть, и если выдастся свободный часокъ—отчего-же нѣтъ? когда нибудь сходить. Тутъ онъ быстро и без-

покойно посмотрѣлъ на Б. и на князя, и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что именно его мучить, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ; даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ поминутно то входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳедорыча, постороннихъ людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театр. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳедорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокоило такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и а въ первый разъ услышала имя С—ца. Потомъ, я поняла, что нужно, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С—ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ эти чуда заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С—ца, что это все жиды, за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе спроста всякому вздору вѣрятъ, а ужъ и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что значить слово: *нѣтъ таланта*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердить на этого С—ца и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С—ца. Потомъ, засмѣявшись и посмотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: „это

вѣрно такой-же, какъ и Карлъ Ѳедорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафить“. Батюшка вздрогнулъ, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и затопалъ ногами, схватилъ шляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ-же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцѣловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то затаеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ ждетъ отъ меня какой-то большой услуги, но чего именно, онъ не сказалъ. Къ тому же, мнѣ было тяжело его слушать; я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него беспокоиться.

На другой день за обѣдомъ—это было уже наканунѣ концерта—батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно перемѣнился и непрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой,—я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни, и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цѣловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, вѣрно я люблю своего палу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливою, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю-ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера по утру принесла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то зашумѣлъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со



двора. Онъ воротился уже къ вечеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стулъ и началъ съ какою-то робостью на меня поглядывать. На меня началъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ, матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку, купить ей чаю и сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка дозволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ-же пустилась бѣжать, какъ будто боясь, чтобъ меня не догнали. Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Неточка! началъ онъ дрожащимъ голосомъ:— голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра-же...

— Папочка! Папочка! закричала я, бросаясь на колѣни и умоляя его:— папочка! Не могу! Нельзя! Мамѣ нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Таеъ ты не хочешь? Ты не хочешь? шепталъ онъ мнѣ въ какомъ-то изступленіи:— таеъ ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо-же! Теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь-ли ты, злая дѣвчонка? Слышишь-ли ты?

— Папочка! закричала я въ полномъ ужасѣ:— возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь? говорила я, ломая руки и ухватившись за полы его сюртука:— мамочка плакать будетъ, мамочка опять бранить меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла на верхъ, но силы

оставили меня у дверей нашей квартиры; я не смѣла войти, не могла войти; все, на сколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытїи, въ оцѣпенѣніи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ на верхъ. Это былъ онъ; я отличила его походу.

— Ты здѣсь? сказалъ онъ шепотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги: — на! Возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь-ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! Такъ и ступай къ мамѣ! А я тебя знать не хочу! Сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня и опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! Добренькій папочка! Я буду слушаться! кричала я: — я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня; онъ исчезъ. Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слыхала и не видала. Наконецъ, все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала, что дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ее шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла дѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ посторонній, и они оба о чемъ-то громко разговаривали. Я насилу дождалась,

пока ушелъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу, и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь-ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! отвѣчала я. — Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Они у ней, въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ, вчера лежали.

— Лежали? Гдѣ? закричалъ онъ, встрепенувшись, и всталъ со стула:—гдѣ они лежали?

— Они заперты, папаша! говорила я.— Подожди: вечеромъ, когда мама поплетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Нечочка! Слышишь-ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня; я тебѣ завтра-же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! Я не хочу гостинцевъ; я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назвалъ отдамъ! закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгновеніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня и что онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ-же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и, Богъ видитъ, какъ много было это „все“ для меня тогда. Я понимала, что значили эти деньги для бѣдной матушки; знала, что она могла

заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его не зналъ предѣловъ; онъ цѣловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня-же мы уйдемъ куда-то отъ матушки, — вѣроятно, лъстя моей всегдашней фантазіи и, наконецъ, вынулъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человѣкъ, въ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговоривъ со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ-же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ со мной, и слушаю его молча, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцѣловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже связала, что онъ былъ какъ помѣшанный; но еще и наганунѣ это было видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наганунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги, какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притрогивался ни въ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись; то хватался за шляпу, какъ будто собираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, какъ будто въ нетерпѣніи посворѣй добиться денегъ и какъ

будто сердясь, что я до сихъ поръ не взяла ихъ у матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ; я забила въ уголь и, дрожа, какъ въ лихорадѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они навѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не перечувствовала въ эти мгновенія!

Забившись въ уголь, я раздумывала про себя: зачѣмъ-же онъ обѣщаль награду за то, что уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новыя вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ; я представляла себѣ горестъ ея при потерѣ послѣдняго трудового. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и позвала меня. Я задрожала и подошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: „ступай, Нѣточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ намедни, да не потеряй какъ нибудь“. Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ кивалъ головою, одобрительно улыбался мнѣ и потиралъ руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ былъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, поджидая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что безъ всякой предосторожности тотчасъ-же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я отдала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ, принимая деньги. Я стояла, какъ будто остолбенѣвъ и не двигаясь съ мѣста; наконецъ, очнулась, когда онъ сталъ посылать меня на верхъ, вынести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Папа! Развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей,—его заступничествѣ.

— Нѣтъ... ты уже поди одна... а? Подожди, подожди! закричалъ онъ, спохватившись,—подожди, вотъ я тебѣ гостинцу сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва, да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась на верхъ. Когда я вошла въ комнату, на мнѣ лица не было, и если-бъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія, бросилась я поперегъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту, дверь робко скрипнула, и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги? закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что-нибудь необыкновенное;—гдѣ деньги? Говори? Говори! Тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустила глаза въ землю; я едва понимала, что со мною дѣлается и что со мной дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги? закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу.—Гдѣ деньги? повторила она.—А! Она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! Губитель мой! Злодѣй мой! Такъ ты ее тоже губишь! Ребенка! Ее, ее! Нѣтъ-же! Ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! Признавайся! начала она мнѣ голосомъ, едва слышнымъ отъ волненія:—признавайся во всемъ! Говори-же, говори! Или... я не знаю, что я съ тобой сдѣлаю.

Она схватила мои руки и ломала ихъ, допрашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе, я

поелялась молчать и не сказать ни слова про бабушку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ его взглядъ, одно его слово, что нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя,—и я была бы счастлива, не смотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! Безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей-нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и увидѣла чело-вѣка въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвалъ. Тогда лакей подалъ записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б., который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С—цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшего имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову, — все это произвело на мигъ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ разсказа о ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, не смотря на цѣлыя восемь лѣтъ тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой-нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать,—можетъ быть, она тоже была нѣсколько заражена непоколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобы эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого-нибудь вліянія, и на вниманіи князя она въ мигъ могла построить для него тысячу плановъ.

Отец засуетился; его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась чрезъ двѣ минуты, принеся размѣненные деньги, и батюшка тотчасъ-же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ съ вѣжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходящая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстукъ, сохранявшійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фраккомъ, который былъ спитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стаканъ воды; онъ былъ блѣденъ, и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала ужея; можетъ быть, непріязненное чувство снова прокралось въ сердце матушки и охладило ея первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ; мы остались однѣ. Я забилась въ уголъ, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ея въ такомъ волненіи: губы ея дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ея начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Это я, это все я виновата, несчастная! говорила она сама съ собою. — Что-жь съ нею будетъ? Что-жь съ нею будетъ, когда я умру? продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли. Неточка! Дитя мое! Бѣдная ты моя! Несчастная! сказала она, взявъ меня за руки и судорожно обнимая меня. — На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь-ли? Запомнишь-ли, что я теперь говорила, Неточка? Будешь-ли помнить впередъ?



— Буду, буду, маменька! говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто трепеща одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мамочка! Мама! сказала я, всхлипывая:— за что ты... За что ты не любишь папу? И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новой, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла; она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! Какое впечатлѣніе, какой примѣръ! И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цѣловала меня, цѣловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи... Я никогда не видывала такихъ страданій... Наконецъ, она какъ будто измучилась и впала въ забытѣе. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголь, завернулась въ одѣяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучилъ и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣлъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ, посмотрѣть, заснула-ли я. Чтобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкафу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою, какъ всегда дѣлалось на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытѣи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ, какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ

видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая сальная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, все въ томъ-же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взглядъ его былъ мутный и бѣглый, — такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ-же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ. Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ припод-

нялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ страшно стало за ея глубокой сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія, пробѣжала страшная мысль въ умъ моемъ!

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя было,—такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, что она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычокъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками,—и опять та-же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего-же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего-же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его беспокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ въ дверямъ, чтобъ даже и не поглядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были. на впечатлѣнія страшныя, неисходимо-мучительныя,—но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческой, плачъ; дѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ и, наконецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ,—все это какъ будто соединилось разомъ... Я не могла выдержать,—я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ, какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ-бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! закричала я ему:—папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все

бончилось! Такъ еще ты осталась со мной! закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! закричала я снова: — не пугай меня ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачь поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! говорила я ему, терзаясь отъ страха: — не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! пойдёмъ, Нечка! Скорѣе, скорѣе! И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ, — и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

— Все-ли, все-ли? спрашивалъ отецъ: — все-ли готово? Скорѣй! Скорѣй!

Я на-скоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка тотчасъ-же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шепотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко, мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли.

Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго теръ себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ будто нашелъ что ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо началъ искать чего-то въ комодахъ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми эти, береги, прошепталъ онъ мнѣ:— не теряй-же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда въ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѣточка! сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиліемъ:— дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Что это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, помолись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня.— Помолись, помолись! говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ, какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолѣвалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, сказала я, обливаясь слезами:—а мама?..  
Что съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать, и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ въ постели, разметалъ набросанную грудку платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ее трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Повлонись ей, дитя! сказалъ онъ: — простись съ нею...

Я повлонила. Отецъ повлонился вмѣстѣ со мною... Онъ былъ ужасно блѣденъ; губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я, Нѣточка, не я*, говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ. *Слышишь, не я: я не виноватъ въ этомъ. Помни, Нѣточка!*

— Папа, пойдѣмъ, прошептала я въ страхѣ. — Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! сказалъ онъ, схвативъ меня вѣрѣтко за руку и торопясь выйдти изъ комнаты.—Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы; полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ, и шелъ теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Скрипка была у него подъ мышкой, и онъ поминутно останавливался, чтобъ придержать подъ мышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по свату тротуара на самую канаву и сѣлъ на

послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то страшное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того-ли я ожидала, о томъ-ли я мечтала, то-ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастіи того, котораго я такъ не дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, думала я:—одну? Повинули ее тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка, начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей:—папочка!

— Что такое? сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? спросила я, заплакавъ.— Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней кого-нибудь.

— Да, да! закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его.— Да, Нѣточка, такъ нельзя: нужно пойти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови въ ней кого-нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду...

Я тотчасъ-же пошла, но едва только взопла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня въ сердце... Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась; онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать.



Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настагаетъ меня и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ, безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти... Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не захочетъ того, а ворочусь одна въ матушеѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя... Тутъ силы меня оставили: я начала плавать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя я лишилась чувствъ.

. . . . .  
Очнулась я на теплой мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостію встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и, наконецъ, сѣдаго старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась для новой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда,

послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—ца, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать съ своими дѣтьми. Стали отыскивать, что сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ вѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ иступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

---

Изъ Романа „**Неточка Незванова**“.

---

**ДВѢ ДѢВОЧКИ.**



Я выздоравливала медленно; но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и впрямь обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мной прояснѣло мое положеніе, и я мало по малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома — какъ теперь вижу, большія, высокія, богатая, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серьезно боялась пуститься черезъ какую нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣйливой работы, или статуей, которая какъ будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобы оттуда лучше подсмотреть за мной и какъ нибудь испугать меня, останавливалась и потомъ вдругъ забывала, зачѣмъ я оста-

новилась, чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и вѣрно билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилаго, такого серьезнаго, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я полюбила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась; онъ былъ съ виду всегда очень унылъ, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—ій, нашедшій меня и призрѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфетовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинками, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ что скоро у меня будетъ подруга, такая-же дѣвочка какъ и я, его дочь Катя, которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой французскою, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за мной дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Большую половину дома занимала княгиня; она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили объ немъ, какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали, и даже видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него, какъ на какого-то чуднаго и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень страненъ, какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза...

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье,

надѣли на меня черное шерстяное платье, съ бѣлыми плерезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ влопаная, когда меня привели въ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но это впечатлѣніе было мгновенное, и я поблѣднѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣваясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отчего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недовѣрчивостію ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мной очень привѣтлива и поцѣловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда я очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цѣловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня и вполне замѣнить мнѣ мать. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня писала еѣ кому-то письмо, изрѣдка оставляла перо и опять со мной заговаривала; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, неизъяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгынѣ вовсе не нравилось, и я, кажется,

довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ виню одну себя, разумѣется. Часу въ третьемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы приѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потому начинала рассказывать по французски. Во время ея рассказовъ на меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человекъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ сѣдой старичокъ хотѣлъ было поцѣловать меня, а я блѣднѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце ныло и болѣло во мнѣ. Я уносила въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинные, молчаливые вечера, матушку, и когда вспоминала о матушкѣ—въ глазахъ моихъ накипаали слезы, мнѣ сдавливало горло, и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительные, черные глаза, иногда цѣлую четверть часа устремленные на меня, и крѣпко сжатые тонкія губы. Вечеромъ меня отвели на верхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній, а на утро началась та же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило рассказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ соболѣзновать обо мнѣ. Къ тому-же я была такой обыкновенный ребенокъ, „безъ всякой наивности“, какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ на глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: „неужели ей не скучно со мной?“,—и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужъ болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство; впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я-же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ



глубокой, болѣзненной тоски своей и рада-рада была, когда уйду, наконецъ, отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было записаться куда нибудь въ уголь, гдѣ непримѣтнѣе, стать за какую нибудь мебель, и тамъ тотчасъ-же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло? Я какъ будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали однѣ картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила—и ночь, и скрипку, и бабушку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить всѣ эти происшествія какъ-то не могла... Только тяжело мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неуспынно и усердно присматривали и съ точностію исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ, кто нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти беспокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась зайти куда нибудь подальше, чтобъ въ случаѣ нужды знать куда спрятаться.

Разъ я забрѣла на парадную лѣстницу. Она была

вся изъ мрамора, широкая, устланная коврами, установленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человѣка, чрезвычайно пестро одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому-же была другая причина, по которой я убѣгала сверхъ. На верху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась въ моемъ воспоминаніи. Она была чуть-ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была всходить на верхъ и дѣлать личный визитъ своей теткѣ. Она обыкновенно приходила утромъ; начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ того хотѣла сама тетушка, которая вставала съ мѣста, цѣловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу; но впоследствии, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платьѣ изъ простой шерстяной матеріи и носила накрахмаленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты

разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священныя книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина наверху была страшная; невозможно было скрипнуть дверь: старушка была чутка какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ-же посылала изслѣдовать причину стука или даже простаго скрипа. Всѣ говорили шепотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная французенка, тоже старушка, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ любимой своей обуви, — башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка-княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда присланъ былъ второй нарочный, въ французенкѣ, съ запросомъ: отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ-же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были очень чисты, учили меня подходить, вланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить, — однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ предложениемъ: не пожелаютъ-ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь и рассказывали потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжкѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ, послѣдовало мое представленіе. Я увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцѣловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала; но когда дошло дѣло до отца и матушки я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я разчувствовалась; впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога;

потомъ спросила, когда я была послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень неглижировали, то вняжна пришла въ ужасъ. Послали за внягиней. Послѣдоваль совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ первое-же воскресенье. До тѣхъ поръ вняжна общала молиться за меня, но приказала меня вывести, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужъ видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ-же день прислали связать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако, и на завтра послѣдовало тоже замѣчаніе. Случись-же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Француженка и всѣ дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту-же минуту переселили въ самую отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной въ припадкѣ глубокаго ужаса.

Но я ужъ не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужъ тамъ ниего не обезпкою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову, и такъ просидѣла не помню сколько часовъ. Я все думала, думала; мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Чтò съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову: это былъ внязь; его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе; но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ! проговорила я, и стонъ вырвался изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цѣлуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ!

— Дитя мое, — что съ тобой, моя милая, бѣдная Нѣточка? Что съ тобой?

— Гдѣ моя мама? Гдѣ моя мама? закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе сдерживать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на колѣни:— гдѣ моя мама? Голубчикъ мой, сважи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое!.. Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей... Что я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѣточка, пойдемъ со мною.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Навонецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоценныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какой-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому-же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня...

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана; я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери и со мной сдѣлался нервный

припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро, чье-то знакомое имя раздавалось въ ухахъ моихъ. Я услышала имя С—ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула; воспоминанія нахлынули ко мнѣ, и, припоминая, мечтая и мучаясь, я пролежала уже не помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно; кругомъ меня было темно: ночникъ погасъ и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей больной головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сыскала я силъ, наскоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты. Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ, я пробралась въ корридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На серединѣ корридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена; внизу ходили; я притаилась въ углу, чтобъ меня не видали, и только что стало возможно, спустилась внизъ, во второй корридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ корридора была завѣшана огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоими занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, осиливъ свое волненіе, я осмѣлилась, наконецъ, отвернуть немного съ края второй занавѣсь... Боже мой! Эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячью огней. Какъ

будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привышіе въ темнотѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣтеръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ; всюду я встрѣчала сверкающей отъ удовольствія взглядъ. Я стояла какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ... Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила вашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, столпившіяся у подъѣзда, топотъ и храпъ гордыхъ коней, кривы, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку... Тамъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ отцомъ... Стало быть, это была не мечта... Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнію, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то необъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: „онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь“, думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія... духъ во мнѣ занимался... Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шепотъ. Я жадно всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи высокаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны, въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затали духъ. Всѣ лица были устремлены на старика, все ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до струнъ. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ неистощи-

мой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ будто и я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе; быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ послышался какъ будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачь, какъ будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и заныла, замолела въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я уцѣпилась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ отрывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ-же звуки. Отрывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу, — нѣтъ, это были другіе люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской; казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стомамъ и воплямъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! Это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ такъ-же, какъ и тогда въ ту ночь пронзилъ мнѣ душу. „Отецъ! Отецъ!“ пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: „онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это его скрипка!“ Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя руюоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачь вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! Это ты! Гдѣ ты? закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика:



мнѣ давали дорогу, разступались передъ мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ врикомъ; я думала, что обнимаю отца.. Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и поднимаютъ на воздухъ. Чьи-то черныя глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на старика: „нѣтъ! Это былъ не отецъ!“ Какое-то изступленіе овладѣло мной и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ врикомъ; я лишилась чувствъ.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла селонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть въ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ оставаешься, какъ пронзенный въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и который благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабыя нервы мои запыли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ, продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ. — А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь, — вотъ тебѣ и подруга. Выздоровливая скорѣе, Нечочка. Злая этакая, какъ она меня напугала!..

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, который не сходилъ съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ, посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ—было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она-же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то за тѣмъ, что ей жалко меня,—такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ когда я выздоровлю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ-же хмурила брови, качала головой и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я-жь тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да мало, отвѣчала я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А на яву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что-нибудь, однимъ словомъ, мечтала объ ней. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: „Не выздоровѣла? Опять та-кая-же худая!“ то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки, такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ, хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? сказала она мнѣ однажды. — Кушай, отъ этого скоро разтолстѣешь.

— Принеси, отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна садилась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что-жь ты молчишь? начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ уеусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять смотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобою говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужь я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мнѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм! спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, отвѣчала я, помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худаа! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу! Ну, прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Ъшь больше, ѡшь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не ѡла. Ну, прощай! И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значить что она уже бѣгала и прыгала часъ или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? закричала она, запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за-

тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай; меня ждуть.

Навонецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая мысль моя была ужь не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня въ ней. Я едва могла на нее на-смотреться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? Зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстрого вопроса и не отвѣчала ни слова; княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнья (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголь на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго, и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь, я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ и крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а всетаки я мучилась недоумѣніемъ: отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скорого слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усиливалось не по днямъ, а

по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не влюбилась меня и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко, — иной-бы сказалъ грубо, если-бы въ этихъ быстрыхъ какъ молнія движеніяхъ характера прямого, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я — совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива: игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно не доставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести когда мною чѣмъ нибудь недовольны: тотчасъ-же становилась грустна. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того, какъ, бывало, цѣлый часъ бьетъ со мной, показывая какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ-же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размысленій своихъ, бросала меня, наконецъ, совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть-ли не тяжеле прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леогаръ, надзиравшая за нами, замѣтила, наконецъ, эту перемѣну въ нашихъ сношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и

мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журуя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все думаю и что лучше она подождетъ брата Сашу, который приѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой-же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это, впрочемъ, и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она что-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть бульдогъ не заѣлъ, — однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила-же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего-жь вы хотите?

— Я, посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну такъ я буду играть одна, тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ-бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходить, она не виновата. — Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться? спро-

сила она, немного подумавъ, вѣроятно, припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ, кончивъ все что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвочки, къ которой ее послали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ отдыхать и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно, я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чемъ-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее на счетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему, она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она, наконецъ, согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ-же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями,—она какъ-то стыдилась этого. Рассказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи; и только



въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. Тоже было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужь много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я же почти, въ одинъ сеансъ, знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, сказала она, указывая на меня:—больной ребенокъ, учится въ первый разъ и въ десятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? спросила въ изумленіи Катя:—да она еще азбуку учить!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонить. Такъ-ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полмя, увѣрясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда—было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадъ-ли, отъ гордости-ли, когда ее уличали за шало-

сти, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. И тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло. Бѣдняжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли отъ мадамъ Леотарь, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣе ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ французенки, но Катя промолчала, какъ будто не слышала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня изъ-подлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепьяно играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться.

Я смолчала.

— Мадамъ Леотарь говоритъ, что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотарь на васъ разсердилась, отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, отвѣчала я.

Опять молчаніе; вняжна въ нетерпѣннн била по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого что лучше меня понимаете? спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ.—Стыдитесь! Вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепьяно. Стыдно, я все расскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы-бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она—сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще-бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Неточка, за что меня бранили за васъ, спросила она наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего-жь вы все плачете? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали?

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то вольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, отвѣтила я, наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили отвѣчала, я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто-жь вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растрavляли мнѣ сердце. И воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны, — все это поражало, обидало мое

сердце, которое обливалося кровью. Я вся дрожала от волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ-же вы меня спрашиваете? сказала я, вся задрожавъ отъ какаго-то новаго невѣломага для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста.— Зачѣмъ-же вы меня спрашиваете? продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія.— Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, отвѣчала она.— Я только хотѣла знать, правда-ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? сказала я, заплававъ отъ душевной боли.— Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Неточка? спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы: — что съ тобой? продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю, которая была красна, какъ огонь: — о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Неточка, за что вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами поцѣловала ее.

— Катя, не лги. Что здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла какое у нея было дурное платье, когда она еще жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что-жь дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, зная, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго раза такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже соглашалась въ проступкѣ.

— Сейчасъ-же подойди къ ней и проси у нея прощенія, сказалъ князь, указывая на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платоць, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну, сказалъ князь.

— Я не хочу, проговорила, наконецъ, Катя въ полголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами.— Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я не буду съ нею вмѣстѣ жить... Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, сказалъ князь, схвативъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ.— Неточка, ступай на верхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла на верхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголь. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смо-

трѣла на нее въ страхѣ и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ хотѣла я подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Таеъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другаго дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатамъ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголь. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, и даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то такое, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? Не больна-ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за воланъ, но только что отворотилась мадамъ Леотаръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенья просила, проговорила она:—вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки, и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцѣловаться съ вами, — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ, глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и

просила прощенія, сказала она потихоньку, какъ-бы размышляя сама съ собою.—Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить въ себѣ безъ того, прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ на верху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ, — однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ мнѣ—ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я усранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрезвычайнощegotливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, эръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золь какъ тигръ, когда его раздражали. золь даже до отрицанія власти хозяина. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не



любить ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ-же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣнливо наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстару, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился-бы отгрысть у ней руку, или растерзать ее, если-бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи и усѣлась на диванъ.

Минуть черезъ десять она выдумала новое обольщеніе, тотчасъ-же вышла и воротилась съ запасомъ

кренделей, пирожковъ,—однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда-же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки, и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись-же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, и самую твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ злобѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ-бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, пре-

спокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня непзяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна, какъ платоць; она замѣтила и улыбнулась. Однако, смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокъ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ея, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяць, который я весь протрадала въ тихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужь въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало по малу замѣтила, по нѣкоторымъ неуволимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не стъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я уврадкой взяла у ней платоць, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ,

обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати; но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало по малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ прошедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнію.

Помню, я иногда просыпалась ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ вняжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала я ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ подъ одѣяла. Мало по малу я замѣтила,—такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ, что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шума, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, краснѣла и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ быть, зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію вняжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучилась тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодованія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость вдругъ родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія перемѣны происходили во мнѣ только порывами и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась на верхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ вивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то грусть отѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ разспросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ на верхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня

такими чудными глазами, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, сказала она мнѣ:— давайте я завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ, какъ вишня, отъ того, что, наконецъ-то, Катя заговорила со мной.

— Давай! сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила ея себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала что дѣлать отъ какого-то испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ. Да ужъ давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платочекъ и повязала по своему.

— А то можно кашель нашить, сказала она, прелукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными, влажными глазами.

Я была внѣ себя; я не знала, что со мной дѣлается и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я-бы не выдержала и бросилась-бы цѣловать ее на улицѣ. Входя на лѣстницѣ, мнѣ удалось, однако-жь, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не

зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая-же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ ей вдругъ захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее,—на этотъ разъ, какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость, за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалунѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ рассказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проѣктахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполне раскаявающейся; однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ и много льстила ея самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей,—сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить Фальстафа въ ней подъ кровать, потомъ сломать ея очки, унести всѣ ея книги, и принести вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ володу картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа,

со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала: она объявила, что завтра-же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложить наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворить справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однако-жь Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ, сама я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ:

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли, — именно: ему былъ формально запрещенъ входъ на верхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое-же воскресенье, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенья оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ на верхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность ле-



жала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться на верхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю анфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его. По счастью, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, и Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна-же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала какъ будто-бы ее ужь съѣли, и серьезно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало его любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больнаго, самой жалкой наружности, но который, — однако-жь, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Сапа, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было-бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду на перерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который

еще носилъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ни чьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетъ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скорого наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали прискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Церберъ и проч. были уже слишкомъ опошлены; требовалось названіе, вполне приличное фавориту дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо; какъ истый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родимецъ, какъ будто сплинь одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестію припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей на верхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ-нибудь неподалеку, прятался въ уголъ и коварно поджидалъ, когда ктонибудь оплошаетъ и оставитъ дверь на верхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, — наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся на верхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почувавъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубинонъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрять ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка и, чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе, — словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково-же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили передъ нимъ всю настежь, и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить на верхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился на верхъ какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки. Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса. Но Фальстафъ уже домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однако-жь, не отворилъ ее, и завылъ, какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился на верхъ, и Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посоль за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; ея глаза упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, блѣднѣвая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я пустила Фальстафа... нечаянно, прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! — сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ ошеломленная; руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употребившееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два, — ничего. Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю или брата ея, на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая

за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Впрочемъ, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ, я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучать и ломятся въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ-же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ влючницы. Наконецъ, отворили дверь и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда-же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что-же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ на верхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, началъ онъ къ мадамъ Леотаръ: —

что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство! Больной, слабый ребенокъ, такая пугливая дѣвочка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ, со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло.

Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, Катя подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдась:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? сказала она мнѣ:— становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Неточка, побудь со мной, сказала она:— это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны рассыпались въ беспорядкѣ. Она цѣловала меня,

цѣловала мнѣ лицо, глаза, она рыдала какъ въ истерикѣ; я вѣрно прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Нечочка! Ну! До вечера, до ночи! Ступай теперь на верхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, вѣрно, и бросилась отъ меня на зовъ Насти. Я прибѣжала на верхъ, какъ воскресшая, бросилась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ, пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ сердце колотится?.. спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! Какая скучная! Скорѣе, скорѣе! И княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Въ мигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула встрѣчая ее.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! сказала она, покраснѣвъ какъ макъ.

Я рыдала.

— Нечочка! прошептала Катя сквозь слезы:— ангелъ ты мой, я вѣдь тебя такъ давно, такъ давно ужъ люблю! Знаешь, съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія просить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Нѣточка... Си-ро-точка ты моя!—протянула она. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго... такъ долго... и я не договорила. Мы минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! Все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что-жь ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа. Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и конечно. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любить! А папа добрый человекъ, Нѣточка! Да?

— Ахъ, да! отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человекъ, серьезно сказала Катя:—да что мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ все такой... Ну, а потомъ стала у тебя прощенія просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну молчи ты дурочка, плакса такая сама! кривнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою.— Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу!..



— За что-же?

— Да ужь я сердита на тебя была. Не знаю за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужь замучу я ее, сверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! сказала Катя. — Ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру...си..ла-то, протянула вняжна. — Ты знаешь-ли, почему къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что ты смотришь... Ахъ! Будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Боялась ты за меня?

— Ужасы!

— Я видѣла. А ужь я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ какъ онъ ушелъ, чу...до...вище этакое!

И вняжна захохотала нервическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ любила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе, сама глупенькая, плавса такая, глаза голубенькіе, си...ро...точка ты моя!

Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю — нѣтъ, да нѣтъ! Не скажу ей! И вѣдь какъ упрямылась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! сказала я, вся въ изступленіи отъ радости. — Душа ломить!

— Да Нѣточка! Слушай дальше... Да слушай, кто тебя Нѣточкой прозвалъ?

— Мама!

— Ты мнѣ про маму расскажешь!

— Все, все, отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? А ленту зачѣмъ унесла? Ахъ ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучаю ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень умна? А!

— Ну, что ты, Катя! отвѣчала я, чуть не обидившись.

— Нѣтъ ты умна, сказала Катя рѣшительно и серьезно:—это я знаю. Только я разъ утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужась! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю, кабы она пришла, а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю.

— Да за что-жь ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... Да что я говорю! Вѣдь я тебя любила! Все любила! Ужь потомъ и терпѣть не могла. Вотъ тебѣ, глупенькая ты этакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя; экая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвяжу, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою... Да и

не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась „темницей“.

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю; плачегъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! И вѣдь не жалко, ей Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была!

— Не плакала? Ахъ ты злая! закричала княжна.

— Катя, Катя! Боже мой какая ты хорошенькая.

— Не правда-ли? Ну, теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка...

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали.

— Нѣточка! Во первыхъ, ты всегда будешь во мнѣ приходить. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ расскажешь, а?

— Все расскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣе пришло! Тебѣ хочется спать? Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили объ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ-же выдумали, что мы будемъ дѣлать завтра, послѣ завтра, и вообще рассчитали жизнь чуть-ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а я все исполнять, а другой день на оборотъ—я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы объ будемъ по ровну другъ другу приказывать; а тамъ ктонибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какънибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастье. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня, и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись и поцѣловались наскоро.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужаго глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ рассказомъ.

— Злая, злая ты этакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я-бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчишки били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣгочка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другаго на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму Фальстафкину плетку и ужь если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто-нибудь входилъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось не долго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлыя три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего рассказать. Наконецъ, она пошла въ княгинѣ и объявила ей все что подмѣтила,—что мы уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, плачемъ, хохочемъ какъ безумныя,—какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ чему приписать это все, но ей кажется, что княжна въ какомъ нибудь болѣзненномъ кризисѣ, и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, отвѣчала княгиня:—ужь я знала, что эта странная сиротка надѣляетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ рассказали про нее, про прежнюю жизнь ея,—ужась, настоящій ужась! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любить ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ-бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, правила. И не понимаю, что находить въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тот-

часъ послали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, то есть ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла; на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣняла намѣренія. Мало по малу я стала приходиться въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ, Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашомъ, страшными каракулями, слѣдующее:

„Я тебя очень люблю. Сижу съ маман и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу—я сказала, и потому не плачь. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь? Посылаю тебѣ конфетъ. Прощай“.

Я отвѣчала въ этомъ-же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непременно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я расспрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись,

жавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа, какой ты хорошій человекъ, папа!

— Шалуньи вы! Чтò съ вами сдѣлалось? Чтò за дружба? Чтò за любовь?

— Молчи, папа, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ее личика, и блѣдность прокрадывалась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ, постучалась Настя. Знаеъ, что схватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословить васъ Господь! сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но рассчиталъ очень худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстie, что маленькiй Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханiи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала до самаго прощанiя съ княжной. На прощаньи настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! сказала она мнѣ, вдругъ засмѣявшись съ неизъяснимымъ движенiемъ въ лицѣ; ты не смотри на меня; это такъ; я не больна, я приѣду черезъ мѣсяць опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, сказала княгиня спокойно;— ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятiяхъ.

— Жизнь моя! успѣла она прошептать, обнимая  
меня. До свиданья!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна  
исчезла — надолго, очень надолго.

• • • • •

---



ИЗЪ РОМАНА

**„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.**



## Алеша Карамазовъ.

Было ему всего двадцать лѣтъ (брату его Ивану шель тогда двадцать четвертый годъ, а старшему ихъ брату, Дмитрію, двадцать восьмой). Прежде всего объявляю, что этотъ юноша, Алеша, былъ вовсе не фанатикъ, и, по моему, по крайней мѣрѣ, даже и не мистикъ вовсе. Заранѣ скажу мое полное мнѣніе: былъ онъ просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеаль исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ тогда необыкновенное, по его мнѣнію, существо—нашего знаменитаго монастырскаго старца Зосиму, къ которому привязался всею горячею первою любовью своего неутолимаго сердца. Впрочемъ, я не спорю, что былъ онъ и тогда уже очень страненъ, начавъ даже съ колыбели. Оставшись послѣ матери всего лишь по четвертому году, онъ запомнилъ ее потомъ на всю жизнь, ея лицо, ея ласки, „точно какъ будто она стоитъ предо мной живая“. Такія воспоминанія могутъ запоминаться (и это всѣмъ извѣстно) даже и изъ болѣе ранняго возраста, даже съ двухлѣтняго, но лишь выступая всю жизнь какъ-бы свѣтлыми точками изъ мрака, какъ-бы вырваннымъ уголкомъ изъ огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кромѣ этого только уголочка.

Такъ точно было и съ нимъ: онъ запомнилъ одинъ вечеръ, лѣтній, тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго солнца въ комнатѣ, въ углу, образъ, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ на колѣняхъ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и вскрикиваніями, мать свою, схватившую его въ объемы руки, обнявшую его крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ бы подъ покровъ Богородицѣ... и вдругъ вбѣгаетъ нянька и вырываетъ его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ тотъ мигъ и лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было изступленное, но прекрасное, судя по тому сколько могъ онъ припомнить. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять это воспоминаніе. Въ дѣтствѣ и юности онъ былъ мало разговорчивъ, но не отъ робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротивъ, а отъ чего-то другаго, отъ какой-то какъ-бы внутренней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся, но столь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ-бы забывалъ другихъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было въ немъ что говорило и внушало, что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудить. Казалось даже, что онъ все допускалъ, ни мало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не могъ ни удивить, ни испугать и это даже въ самой ранней своей молодости. Явясъ по двадцатомъ году къ отцу, онъ молча удалялся, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣйшаго вида презрѣнія или осужденія кому-бы то ни было. Отецъ-же, бывшій когда-то приживальщикъ, а потому человѣкъ чутвій и тонкій на обиду, сначала недовѣр-

чиво и угрюмо его встрѣтившій („много, дескать, молчить и много про себя разсуждает“), скоро кончилъ однако-же тѣмъ, что сталь его ужасно часто обнимать и цѣловать, не далѣе какъ черезъ двѣ какія-нибудь недѣли, правда, съ пьяными слезами, въ хмѣльной чувствительности, но видно, что полюбивъ его искренно и глубоко, и такъ какъ никогда, конечно, не удавалось такому какъ онъ никого любить...

Да и всѣ этого юношу любили, гдѣ-бы онъ не появился, и это съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очутившись въ домѣ своего благодѣтеля и воспитателя, Ефима Петровича Полѣнова, онъ до того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали тамъ какъ-бы за родное дитя. А между тѣмъ онъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ, въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ расчетливой хитрости, пронырства или искусства заискать и понравиться, умѣнья заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать въ себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безыскусственно и непосредственно. Тоже самое было съ нимъ и въ школѣ, и однако-же, казалось-бы, онъ именно былъ изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ въ себѣ недовѣріе товарищей, иногда насмѣшки, а пожалуй и ненависть. Онъ, напримѣръ, задумывался и какъ-бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтства любилъ уходить въ уголь и книжки читать, и однако-же и товарищи его до того полюбили, что рѣшительно можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ школѣ. Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взглянувъ на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой-нибудь въ немъ угрюмости, что, напротивъ, онъ ровень и ясенъ. Между сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можетъ, поэтому самому онъ никогда и никого не боялся, а между тѣмъ мальчики

тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своимъ безстрашіемъ, а смотритъ какъ будто и не понимаетъ, что онъ смѣлъ и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что черезъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ нимъ заговаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и яснымъ видомъ какъ будто ничего и не было между ними вовсе. И не то чтобъ онъ при этомъ имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ обиду, а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло и покоряло дѣтей.

Когда умеръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ въ губернской гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича, почти тотчасъ-же по смерти его, отправилась на долгій срокъ въ Италію со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ женскаго пола, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ дамамъ, которыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-то дальнимъ родственницамъ Ефима Петровича, но на какихъ условіяхъ, онъ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже очень, черта его была въ томъ, что онъ никогда не заботился на чьи средства живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная противоположность своему старшему брату, Ивану Ѳедоровичу, пробѣдствовавшему два первые года въ университетѣ, кормя себя своимъ трудомъ, и съ самаго дѣтства горько почувствовавшему, что живетъ онъ на чужихъ хлѣбахъ у благодѣтеля. Но эту странную черту въ характерѣ Алексѣя, кажется, нельзя было осудить очень строго, потому что всякій чуть-чуть лишь узнавшій его, тотчасъ, при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ, становился увѣренъ, что Алексѣй непременно изъ такихъ юношей въ родѣ какъ-бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ хотя-бы даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать его по первому даже спросу или на доброе дѣло, или, можетъ быть, даже просто ловкому пройдохѣ, если-бы тотъ у него попросилъ. Да и вообще говоря, онъ какъ-бы вовсе не

зналъ цѣны деньгамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когда ему выдавали карманныя деньги, которыхъ онъ самъ никогда не просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ, что съ ними дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ они у него исчезали.

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ; ему оставался еще цѣлый годъ, какъ онъ вдругъ объявилъ своимъ дамамъ, что ѣдетъ къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Тѣ очень жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ очень не дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы, — подарокъ семейства благодѣтеля предъ отъѣздомъ за границу, а роскошно снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что непременно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Приѣхавъ въ нашъ городокъ, онъ на первые разспросы родителя: „Зачѣмъ именно пожаловалъ, не докончивъ курса?“ прямо ничего не отвѣтилъ, а былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. Вскорѣ обнаружилось, что онъ розыскиваетъ могилу своей матери. Онъ даже самъ признался было тогда, что затѣмъ только и приѣхалъ. Но врядъ-ли этимъ исчерпывалась вся причина его приѣзда. Всего вѣроятнѣе, что онъ тогда и самъ не зналъ и не смогъ-бы ни за что объяснить: что именно такое какъ-бы поднялось вдругъ изъ его души и неотразимо повлекло его на какою-то новую, невѣдомую, но неизбѣжную уже дорогу. Ѳедоръ Павловичъ не могъ указать ему гдѣ похоронилъ свою вторую супругу, потому что никогда не бывалъ на ея могилѣ, послѣ того какъ засыпали гробъ, а за давностью лѣтъ и совсѣмъ запомнилъ гдѣ ее тогда хоронили...

Къ слову о Ѳедорѣ Павловичѣ. Онъ долгое время предъ тѣмъ прожилъ не въ нашемъ городѣ. Года три — четыре по смерти второй жены онъ отправился на югъ Россіи и подъ конецъ очутился въ Одессѣ, гдѣ и про-

жилъ сряду нѣсколько лѣтъ. Познакомился онъ сначала, по его собственнымъ словамъ, „со многими жидами, жидками, жидишками и жиденятами“, а кончилъ тѣмъ, что подѣ конецъ даже не только у жидовъ, но „и у евреевъ былъ принятъ“. Надо думать, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и развилъ въ себѣ особенное умѣнье сколачивать и выколачивать деньгу. Воротился онъ снова въ нашъ городокъ окончателно всего только года за три до пріѣзда Алеши. Прежніе знакомые его нашли его страшно состарившимся, хотя былъ онъ вовсе еще не такой старикъ. Держалъ-же онъ себя не то что благороднѣе, а какъ-то нахальнѣе.

Въ скорости онъ сталъ основателемъ по уѣзду многихъ новыхъ кабаковъ. Видно было, что у него есть, можетъ быть, тысячъ до ста или развѣ немногимъ только менѣе. Многіе изъ городскихъ и изъ уѣздныхъ обитателей тотчасъ-же ему задолжали, подѣ вѣрнѣйшіе залоги, разумѣется. Въ самое-же послѣднее время онъ какъ-то обрюзгъ, какъ-то сталъ терять ровность, самоотчетность, впалъ даже въ какое-то легкомысліе, началъ одно и кончалъ другимъ, какъ-то раскидывался и все чаще и чаще напивался пьянъ, и если-бы не лакей Григорій, тоже порядочно къ тому времени состарившійся и смотрѣвшій за нимъ иногда въ родѣ почти гувернера, то, можетъ быть, Ѳедоръ Павловичъ и не прожилъ-бы безъ особыхъ хлопотъ. Пріѣздъ Алеши какъ-бы подѣйствовалъ на него даже съ нравственной стороны, какъ-бы что-то проснулось въ этомъ безвременномъ старикѣ изъ того, что давно уже заглохло въ душѣ его: „Знаешь-ли ты“, сталъ онъ часто говорить Алешѣ, приглядываясь къ нему, „что ты на нее похожъ, на кликушу-то?“ Такъ называлъ онъ свою покойную жену, мать Алеши. Могилку „кликуши“ указалъ, наконецъ, Алешѣ лакей Григорій. Онъ свелъ его на наше городское кладбище и тамъ, въ дальнемъ уголкѣ, указалъ ему чугунную, недорогую, но опрятную плиту, на которой была



даже надпись съ именемъ, званіемъ, лѣтами и годомъ смерти покойницы, а внизу было даже начертано нѣчто въ родѣ четырехстишія изъ старинныхъ, общеупотребительныхъ на могилахъ средняго люда, владбищенскихъ стиховъ. Къ удивленію, эта плита оказалась дѣломъ Григорія. Это онъ самъ воздвигъ ее надъ могилой бѣдной „вликуши“ и на собственное иждивеніе, послѣ того, когда Ѳедоръ Павловичъ, которому онъ множество разъ уже досаждалъ напоминаніями объ этой могилѣ, уѣхалъ, наконецъ, въ Одессу, махнувъ рукой не только на могилы, но и на всѣ свои воспоминанія. Алеша не выказалъ на могилѣ матери никакой особенной чувствительности; онъ только выслушалъ важный и резонный разговоръ Григорія о сооруженіи плиты, постоялъ понурившись и ушелъ не вымолвивъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, можетъ быть, даже во весь годъ и не бывалъ на владбищѣ.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша вдругъ объявилъ ему, что хочетъ поступить въ монастырь и что монахи готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при этомъ, что это чрезвычайное желаніе его, и что спрашиваетъ онъ у него торжественное позволеніе, какъ у отца. Старикъ уже зналъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ, произвелъ на его „тихаго мальчишка“ особенное впечатлѣніе.

— Этотъ старецъ, конечно, у нихъ самый честный монахъ, промолвилъ онъ, молчаливо и вдумчиво выслушавъ Алешу, почти совсѣмъ однако не удивившись его просьбѣ: — Гм... такъ ты вотъ куда хочешь, мой тихій мальчижь! Онъ былъ вполпьяна и вдругъ улыбнулся своею длинною, полупьяною, но не лишенною хитрости и пьянаго лукавства улыбкою: — Гм... а вѣдь я такъ и предчувствовалъ, что ты чѣмъ нибудь вотъ такимъ кончишь, можешь это себѣ представить? Ты именно туда нарочилъ. Ну что-жь, пожалуй, у тебя же есть свои двѣ

тысчечки, вотъ тебѣ и приданое, а я тебя, мой ангелъ, никогда не оставлю, да и теперь внесу за тебя что тамъ слѣдуетъ, если спросятъ. Ну, а если не спросятъ, къ чему намъ навязываться, не такъ-ли? Вѣдь ты денегъ что канарейка тратишь, по два зернышка въ недѣльку...

---

## Старецъ Зосима.

Старецъ Зосима былъ лѣтъ шестидесяти пяти, происходилъ изъ помѣщиковъ, когда-то въ самой ранней юности былъ военнымъ и служилъ на Кавказѣ оберъ-офицеромъ. Безъ сомнѣнія, онъ поразилъ Алешу какимъ-нибудь особеннымъ свойствомъ души своей. Алеша жилъ въ самой кельѣ старца, который очень полюбилъ его и допустилъ къ себѣ. Надо замѣтить, что Алеша, живя тогда въ монастырѣ, былъ еще ничѣмъ не связанъ, могъ выходить куда угодно хоть на цѣлые дни, и, если носилъ свой подрясникъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отличаться. Но ужь, конечно, это ему и самому нравилось. Можетъ быть, на юношеское воображеніе Алеша сильно подѣйствовала эта сила и слава, которая окружала непрерывно его старца. Про старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ столь многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать сердце свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова, — до того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаний, что подъ конецъ приобрѣлъ прозорливость уже столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда приходившаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ

тотъ молвилъ слово. Но при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бесѣду, входили въ страхъ и безпокойствъ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то, что старецъ былъ вовсе не строгъ: напротивъ, былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбилъ. Въ чудесную силу старца вѣрилъ безпрекословно и Алеша. Онъ видѣлъ, какъ многіе изъ приходившихъ съ больными дѣтьми или взрослыми родственниками и молившихъ, чтобы старецъ возложилъ на нихъ руки и прочиталъ надъ ними молитву, возвращались въ скорости, а иные такъ и на другой-же день, обратно, и, падая со слезами предъ старцемъ, благодарили его за исцѣленіе ихъ больныхъ. Особенно-же дрожало у него сердце и весь какъ-бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ къ толпѣ ожидавшихъ его выхода у вратъ скита богомольцевъ изъ простого народа, нарочно, чтобы видѣть старца и благословиться у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались передъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ клицушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ становился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйти изъ кельи и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого вопроса, за чтѣмъ они его такъ любятъ, за чтѣмъ они повергаются предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо его. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго

простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ обрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему: „Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того зато правда, тотъ зато знаетъ правду: значитъ, не умираетъ она на землѣ, а, стало быть когда-нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ какъ обѣщано“. Зналъ Алеша, что такъ именно и чувствуетъ и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это, но то, что старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ хранитель Божьей правды въ глазахъ народа—въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько, и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими мужиками и больными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей своихъ. Не смущало его нисколько, что этотъ старецъ все таки стоитъ предъ нимъ единицей: „Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ, наконецъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее Царство Христово“. Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши.

---

## Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлерейки, придѣланной къ наружной стѣнѣ ограды, толпились на этотъ разъ все женщины, бабъ около двадцати. Ихъ увѣдомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ и онѣ собрались въ ожиданіи. Тутъ же стоялъ старикъ монахъ, не изъ здѣшняго монастыря, а захожій изъ одной дальней сѣверной малоизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благословиться у старца. Показавшійся на галлереѣ старецъ прошелъ прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крылечку о трехъ ступенькахъ соединявшему низенькую галлерейку съ полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпитрахиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщинъ. Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва лишь завидѣла старца, вдругъ начала какъ-то нелѣпо взвизгивая икать и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голову эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ нею краткую молитву и она тотчасъ затихла и успокоилась.

Многія изъ тѣснившихся къ нему женщинъ заливались слезами умиленія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія рвались облобызать хоть край одежды его, иныя что-то причитали. Онъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ. Кликушу онъ уже зналъ, ее привели не издалека, изъ деревни всего

версть за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили къ нему.

— А вотъ далекая! указаль онъ на одну еще все не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загорѣвшую, а какъ-бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на колѣняхъ и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Во взглядѣ ея было что-то какъ-бы изступленное.

— Издалека, батюшка, издалека, отселева триста версть. Издалека, отецъ, издалека, проговорила женщина нараспѣвъ, какъ-то повачивая плавно изъ стороны въ сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она какъ-бы причитывая. Есть въ народѣ горе молчаливое и многотерпѣливое; оно уходитъ въ себя и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно пробьется разъ слезами и съ той минуты уходитъ въ причитыванія. Это особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго горя. Причитанія утѣляютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе растрavляютъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутомимости питается. Причитанія лишь потребность раздражать непрерывно рану.

— По мѣщанству надоть быть? продолжалъ, любопытно въ нее вглядываясь, старецъ.

— Городскіе мы, отецъ, городскіе, по крестьянству мы, а городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ, прибыла. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка младенчика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ побывала, да указали мнѣ: „Зайди, Настасьюшка, и сюда, къ вамъ то есть, голубчизъ, къ вамъ“. Пришла, вчера у стоянія была, а сегодня и къ вамъ.

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ трехъ только мѣсяцевъ и три-бы годика ему. По сыночку мучусь, отецъ, по сыночку. Послѣдній сыно-

чекъ оставался, четверо было у насъ съ Никитушкой, да не стоять у насъ дѣтушки, не стоять, желанный, не стоять. Трехъ первыхъ схоронила я, не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и забыть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ, не отходить. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣльишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу что послѣ него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. Говорю Никитушеѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богомолье сходить. Извозчикъ онъ, не бѣдные мы, отецъ, не бѣдные, сами отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ, и лошадокъ, и экипажъ. Да на что теперь намъ добро? Зашибаться онъ сталъ безъ меня Никитушка-то мой, это навѣрно, что такъ, да и прежде того: чуть я отвернусь, а ужъ онъ и ослабѣтъ. А теперь и о немъ не думаю. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ изъ дому. Забыла я, обо всемъ забыла и помнить не хочу; а и что я съ нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми покончила. И не глядѣла-бы я теперь на свой домъ и на свое добро и не видала-бъ я ничего вовсе!

— Вотъ что, мать, проговорилъ старецъ,—однажды древнѣй великѣй святой увидѣлъ во храмѣ такую-же какъ ты плачущую мать и тоже по младенцѣ своемъ, по единственному, котораго тоже призывалъ Господь. „Или не знаешь ты, сказалъ ей святой, сколь сѣи младенцы предъ престоломъ Божиимъ дерзновенны? Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствіи Небесномъ. Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Богу, и только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ назадъ. И столь дерзновенно просятъ и упрашиваютъ, что Господь даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему, молвилъ святой, и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенецъ теперь у Господа въ сонмѣ ангеловъ его пребываетъ“. Вотъ что сказала святой плачущей женѣ въ древнія времена.



Быль-же онъ великій святой и неправды ей повѣдать не могъ. Посему знай и ты, мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь предстоитъ передъ Престоломъ Господнимъ, и радуется и веселится, и о тебѣ Бога молить. А потому и ты не плачь, но радуйся.

Женщина слушала его, подпирая рукой щеку и потупившись. Она глубоко вздохнула.

— Тѣмъ самымъ и Нивитушка меня утѣшала, въ одно слово какъ ты говорилъ: „Неразумная ты, говорить, чего плачешь, сыночекъ нашъ навѣрно теперь у Господа Бога вмѣстѣ съ ангелами воспѣваетъ“. Говорить онъ это мнѣ, а и самъ плачетъ, вижу я, какъ и я-же, плачетъ. Знаю я, говорю, Нивитушка, гдѣ-жѣ ему и быть воль не у Господа Бога, только здѣсь-то, съ нами-то его теперь, Нивитушка, нѣтъ, подлѣ-то, вотъ какъ прежде сидѣлъ! И хотя-бы я только взглянула на него лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ-бы опять поглядѣть и не подошла-бы къ нему, не промолвила, въ углу-бы притаилась, только-бы минуточку едину повидать, послыхать его, какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало, крикнетъ своимъ голосочкомъ: „Мамка, гдѣ ты?“ Только-бъ услышать-то мнѣ какъ онъ по комнатѣ своими ножками пройдетъ разикъ, всего-бы только разикъ, ножками-то своими тукъ-тукъ, да такъ часто, часто, помню какъ, бывало, бѣжитъ ко мнѣ, кричитъ да смѣется, только-бъ я его ножки-то слышала, слышала-бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не услышу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ и никогда-то мнѣ теперь не увидать, не слышать его!..

Она вынула изъ-за пазухи маленькій позументный поясочекъ своего мальчика и только лишь взглянула на него, такъ и затряслась отъ рыдавій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь которые потекли, вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.

— А это, проговорилъ старецъ,—это древняя „Ра-

хиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться потому что ихъ нѣтъ“, и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ. И не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и плачь, только каждый разъ когда плачешь вспоминай неуклонно, что сыночекъ твой—есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, оттуда на тебя смотреть и видеть тебя и на твои слезы радуется и на нихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратится онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну за упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія, Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитвѣ вспомяну и супруга твоего за здравіе помяну. Только его тебѣ грѣхъ оставляютъ. Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца и заплачетъ по васъ: зачѣмъ-же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, живъ, ибо жива душа во вѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ-же онъ въ домъ придетъ коль, ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому-жь онъ придетъ, коль васъ вмѣстѣ, отца съ матерью, не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ вроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего-же дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобралъ. Никитушка ты мой, Никитушка, ждешь ты меня, голубчикъ, ждешь, начала было причитывать баба, но старецъ уже обратился къ одной старенькой старушонкѣ, одѣтой не по страннически, а по городски. По глазамъ ея видно было, что у нея

какое-то дѣло и что пришла она нѣчто сообщить. Назвалась она унтеръ-офицерскою вдовой, не издалека, всего изъ нашего-же города. Сыночекъ у ней, Васинька, гдѣ-то въ комиссаріатѣ служилъ, да въ Сибирь поѣхалъ, въ Иркутскъ. Два раза оттуда писалъ, а тутъ вотъ уже годъ писать пересталъ. Справлялась она о немъ, да по правдѣ не знаетъ гдѣ и справиться-то.

— Только и говорить мнѣ намедни Степанида Ильинишна Бедрягина, купчиха она, богатая; возьми ты, говоритъ, Прохоровна, и запиши ты, говоритъ, сыночка своего въ поминанье, снеси въ церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говоритъ, затоскуетъ, онъ и напишетъ письмо. И это говоритъ Степанида Ильинишна, какъ есть вѣрно, многократно испытано. Да только и сумлѣваюсь... Свѣтъ ты нашъ, правда оно аль неправда и хорошо-ли такъ будетъ?

— И не думай о семъ. Стыдно это и спрашивать. Да и какъ это возможно, чтобы живую душу, да еще родная мать за упокой поминала! Это великій грѣхъ, колдовству подобно, только по незнанію твоему лишь прощается. А ты лучше помоли Царицу Небесную, скорую заступницу и помощницу о здоровьи его, да чтобъ и тебя простила за неправильное размышленіе твое. И вотъ что я тебѣ еще скажу, Прохоровна: или самъ онъ къ тебѣ вскорѣ обратно прибудетъ, сыночекъ твой, или навѣрно письмо пришлетъ. Такъ ты и знай. Ступай и отселѣ покойна будь. Живъ твой сыночекъ, говорю тебѣ.

— Милый ты нашъ, награди тебя Богъ, благодѣтель ты нашъ, молебникъ ты за всѣхъ насъ и за грѣхи наши!

А старецъ уже замѣтилъ въ толпѣ два горячіе, стремящіяся къ нему взгляда изнуренной, на видъ чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядѣла молча, глаза просили о чемъ-то, но она какъ-бы боялась приблизиться.

— Ты съ чѣмъ, родненькая?

— Разрѣши мою душу, родимый, тихо и не спѣша промолвила она, стала на колѣни и повлонила ему въ ноги.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.

Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась къ нему, не вставая съ колѣнъ.

— Вдовѣю я, третій годъ, начала она полупшепотомъ, сама какъ-бы вздрагивая.—Тяжело было замужемъ-то, старый былъ онъ, больно избилъ меня. Лежалъ онъ больной; думаю я, гляжу на него, а волю выздоровѣть, опять встанетъ, что тогда? И вошла ко мнѣ тогда эта самая мысль!..

— Постои, сказалъ старецъ и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ. Женщина стала продолжать тихимъ шепотомъ, такъ что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

— Третій годъ? спросилъ старецъ.

— Третій годъ. Сперва не думала, а теперь хворать начала, тоска пристала.

— Издалека?

— За пятьсотъ верстъ отселева.

— На исповѣди говорила?

— Говорила, по два раза говорила.

— Допустили въ причастію-то?

— Допустили. Боюсь; помирать боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только-бы покаяніе не оскудѣвало въ тебѣ — и все Богъ проститъ. Да и грѣха такого вѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого-бы не простилъ Господь во истину кающемуся. Да и совершить не можетъ совсѣмъ такого грѣха великаго человѣкъ, который-бы истощилъ безконечную Божью любовь. Али можетъ быть такой грѣхъ, чтобы превысилъ Божью любовь? О покаяніи лишь заботься, непрестанномъ, а боязнь отгони вовсе. Вѣруй, что Богъ тебя любитъ такъ какъ,

ты и не помышляешь о томъ, хотя-бы со грѣхомъ твоимъ и во грѣхѣ твоемъ любить. А объ одномъ вающемся больше радости въ небѣ чѣмъ о десяти праведныхъ, сказано давно. Иди-же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику въ сердцѣ все прости чѣмъ тебя оскорбилъ, примиришь съ нимъ во истину. Коли ваешься, такъ и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается, все спасается. Ужь коли я, такой-же какъ и ты человекъ грѣшный, надъ тобою умилился и пожалѣлъ тебя, вольми паче Богъ. Любовь такое безцѣнное сокровище, что на нее весь мѣръ купить можешь, и не только свои, но и чужіе грѣхи еще выкупишь. Ступай и не бойся.

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и надѣлъ на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Онъ привсталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ груднымъ ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ томилась. Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала, аль забылъ? Не велика-же въ тебѣ память, коли ужь меня забылъ. Сказали у насъ, что ты хворый, думаю, что-жь, я пойду его сама повидаю: вотъ и вижу тебя, да какой-же ты хворый? Еще двадцать лѣтъ проживешь, право, Богъ съ тобою! Да и мало-ли за тебя молебщиковъ, тебѣ-ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя не великая: вотъ гутъ шестьдесятъ копѣекъ, отдай ты ихъ, милый, такой какая меня бѣдняй. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужь чрезъ него подамъ, ужь онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непремѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милая, прощайте, дорогія, любезныя!

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился.

---

## Болѣзнь Зосимы.

Рано утромъ, еще до свѣта, былъ пробужденъ Алеша. Старецъ проснулся и почувствовалъ себя весьма слабымъ, хотя и пожелалъ съ постели пересѣсть въ кресло. Онъ былъ въ полной памяти; лицо-же его было хотя и весьма утомленное, но ясное, почти радостное, а взглядъ веселый, привѣтливый, зовущій. „Можетъ, и не переживу наступившаго дня сего“, сказалъ онъ Алешѣ; затѣмъ возжелалъ исповѣдаться и причаститься немедленно. Духовникомъ его всегда былъ Паисій. По совершеніи обоихъ таинствъ, началось соборованіе. Собрались іеромонахи, келья мало по малу наполнилась скитниками. Наступилъ межъ тѣмъ день. Стали приходить и изъ монастыря. Когда кончилась служба, старецъ со всѣми возжелалъ проститься и всѣхъ цаловалъ. По тѣснотѣ кельи, приходившіе прежде выходили и уступали другимъ. Алеша стоялъ подлѣ старца, который опять пересѣлъ въ кресло. Онъ говорилъ и училъ сколько могъ, голосъ его, хоть и слабый, былъ еще довольно твердъ. „Столько лѣтъ училъ васъ и, стало быть, столько лѣтъ вслухъ говорилъ, что какъ-бы и привычку взялъ говорить, а говоря васъ учить, и до того сіе, что молчать мнѣ почти и труднѣе было-бы чѣмъ говорить, отцы и братія милые, даже и теперь, при слабости моей“, — пошутилъ онъ, умиленно смотря на толпившихся около

него. Алепа упомнилъ потомъ кое-что изъ того, что онъ тогда сказалъ. Но хоть и внятно говорилъ, и хоть и голосомъ достаточно твердымъ, но рѣчь его была довольно несвязна. Говорилъ онъ о многомъ, казалось, хотѣлъ-бы все сказать еще разъ, предъ смертною минутой, изо всего недосказаннаго въ жизни, и не полученія лишь одного ради, а какъ-бы жаждая подѣлиться радостью и восторгомъ своимъ со всѣми и вся, излиться еще разъ въ жизни сердцемъ своимъ...

„Любите другъ друга, отцы, училъ старецъ (сколько запомнилъ потомъ Алепа). Любите народъ Божій. Не святѣй-же мы мірскихъ зато, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ затворились, а напротивъ, всякій сюда пришедшій, уже тѣмъ самымъ, что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже всѣхъ мірскихъ и всѣхъ и вся на землѣ... И чѣмъ долѣе потомъ будетъ жить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе долженъ и сознать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ ему было и приходить сюда. Когда-же познаетъ, что не только онъ хуже всѣхъ мірскихъ, но и предъ всѣми людьми за всѣхъ и за вся виноватъ, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и единоличныя, то тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго, да и всякаго на землѣ человѣка. Ибо иноки не иные суть человѣки, а лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало-бы. Тогда лишь и умилилось-бы сердце наше въ любовь безконечную, вселенскую, не знающую насыщенія. Тогда каждый изъ васъ будетъ въ силахъ весь міръ любовію приобрѣсти и слезами своими міровые грѣхи омыть... Всякъ ходи около сердца своего, всякъ себѣ исповѣдайся неустанно. Грѣха своего не бойтесь, даже и со-



знавъ его, лишь-бы покаяніе было, но условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю — не гордитесь. Не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великими. Не ненавидьте и отвергающихъ васъ, позорящихъ васъ, поносящихъ васъ и на васъ клеветующихъ. Не ненавидьте даже злыхъ и невѣрующихъ. Поминайте ихъ на молитвѣ тако: спаси всѣхъ, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться. И прибавьте тутъ же: не по гордости моей молю о семъ, Господи, ибо и самъ мерзокъ есмь паче всѣхъ и вся... Народъ Божій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо если заснете въ лѣни и въ брезгливой гордости вашей, а пуще въ корыстолюбіи, то придутъ со всѣхъ странъ и отобьютъ у васъ стадо ваше. Толкуйте народу Евангеліе неустанно... Не лихоимствуйте... Серебра и золота не любите, не держите... Вѣруйте и знамя держите. Высоко возносите его“...

Старець, впрочемъ, говорилъ отрывочнѣе, чѣмъ здѣсь было изложено и какъ записалъ потомъ Алеша. Иногда онъ пресѣвлялъ говорить совсѣмъ, какъ-бы собираясь съ силами, задыхался, но былъ какъ-бы въ восторгѣ. Слушали его съ умиленіемъ, хотя многіе и дивились словамъ его и видѣли въ нихъ темноту... Потомъ всѣ эти слова вспомнили. Когда Алешѣ случилось на минуту отлучиться изъ кельи, то онъ былъ пораженъ всеобщимъ волненіемъ и ожиданіемъ толпившейся въ кельѣ и около кельи братіи. Ожиданіе было между иными почти тревожное, у другихъ торжественное. Всѣ ожидали чего-то немедленнаго и великаго тотчасъ по успѣніи старца. Ожиданіе это съ одной точки зрѣнія было почти какъ-бы и легкомысленное, но даже и самыя строгіе старцы подвергались сему. Всего строже было лицо старца іеромонаха Паисія. Алеша отлучился изъ кельи лишь потому, что былъ тайнственно вызванъ, чрезъ одного монаха, прибывшимъ изъ города Ракитинымъ со страннымъ письмомъ въ Алешѣ отъ госпожи Хохлако-

вой. Та сообщала Алешѣ одно любопытное, чрезвычайно встати пришедшее извѣстіе. Дѣло состояло въ томъ, что вчера между вѣрующими простонародными женщинами, приходившими поклониться старцу и благословиться у него, была одна городская старушка, Прохоровна, унтеръ-офицерская вдова. Спрашивала она старца: можно ли ей помянуть сыночка своего Васеньку, заѣхавшаго по службѣ далеко въ Сибирь, въ Иркутскъ, и отъ котораго она уже годъ не получала никакого извѣстія, вмѣсто покойника, въ церкви за упокой? На что старецъ отвѣтилъ ей со строгостію, запретивъ и назвавъ такого рода поминаніе подобнымъ колдовству. Но затѣмъ, простивъ ей по невѣдѣнію, прибавилъ, „какъ-бы смотря въ книгу будущаго“ (выражалась госпожа Хохлакова въ письмѣ своемъ) и утѣшеніе: „что сынъ ея Вася живъ несомнѣнно, и что или самъ пріѣдетъ въ ней въ скорости, или письмо пришлетъ, и чтобъ она шла въ свой домъ и ждала сего. И что-же? прибавляетъ въ восторгѣ госпожа Хохлакова: „пророчество совершилось даже буквально, и даже болѣе того“. Едва лишь старушка вернулась домой, какъ ей тотчасъ-же передали уже ожидавшее ее письмо изъ Сибири. Но этого еще мало: въ письмѣ этомъ, писанномъ съ дороги, изъ Екатеринбургa, Вася увѣдомлялъ свою мать, что ѣдетъ самъ въ Россію, возвращается съ однимъ чиновникомъ, и что недѣли черезъ три по полученіи письма сего „онъ надѣется обнять свою мать“. Госпожа Хохлакова настоятельно и горячо умоляла Алешу немедленно передать это свершившееся вновь „чудо предсказанія“ игумену и всей братіи: „Это должно быть всѣмъ, всѣмъ извѣстно!“ восклицала она, заключая письмо свое. Письмо ея было написано на-скоро, поспѣшно, волненіе писавшей отзывалось въ каждой строчкѣ его. Но Алешѣ уже и нечего было сообщать братіи, ибо всѣ уже все знали: Равитинъ, пославъ за нимъ монаха, поручилъ тому, кромѣ того „почтительнѣйше донести и его высокопрепо-

добію отцу Паисію, что имѣеть до него онъ, Ракитинъ, нѣкое дѣло, но таковой важности, что и минуты не смѣеть отложить для сообщенія ему, за дерзость-же свою земно просить простить его“. Такъ какъ отцу Паисію монашевь сообщилъ просьбу Ракитина раньше, чѣмъ Алешѣ, то Алешѣ, придя на мѣсто, оставалось лишь, прочтя письмо, сообщить его тотчасъ-же отцу Паисію въ видѣ лишь документа. И вотъ даже этотъ суровый и недовѣрчивый человѣкъ, прочтя, нахмурившись, извѣстіе о „чудѣ“, не могъ удержать вполне нѣкотораго внутренняго чувства своего. Глаза его свергнули, уста важно и проникновенно вдругъ улынулись.

— То ли узримъ? какъ-бы вырвалось у него вдругъ.

Старець Зосима, почувствовавшій вновь усталость и улегшійся опять въ постель, вдругъ, заводя уже очи, вспомнилъ объ Алешѣ и потребовалъ его къ себѣ. Алеша немедленно прибѣжалъ. Около старца находились тогда всего лишь отецъ Паисій, отецъ іеромонахъ Іосифъ, да Порфирій послушникъ. Старець, раскрывъ утомленные очи и пристально глянувъ на Алешу, вдругъ спросилъ его:

— Ждутъ-ли тебя твои, сынокъ?

Алеша замаялся.

— Не имѣютъ-ли нужды въ тебѣ? Обѣщаль-ли кому вчера на сегодня быти?

— Обѣщался... отцу... братьямъ... другимъ тоже...

— Видишь. Непремѣнно иди. Не печалься. Знай, что не умру безъ того, чтобы не сказать при тебѣ послѣднее мое на землѣ слово. Тебѣ скажу это слово, сынокъ, тебѣ и завѣщаю его. Тебѣ, сынокъ милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди къ тѣмъ, кому обѣщаль.

Алеша немедленно поворился, хотя и тяжело ему было уходить. Но обѣщаніе слышать послѣднее его слово на землѣ и, главное, какъ-бы ему, Алешѣ, завѣщанное, потрясло его душу восторгомъ. Онъ заспѣшилъ, чтобы, окончивъ все въ городѣ, поскорѣй воротиться.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошелъ въ келью старца, то остановился почти въ изумленіи; вмѣсто отходящаго больнаго, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ боялся найти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ креслѣ, хотя съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тихую и свѣтлую бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣе какъ за четверть часа до прихода Алеши: гости уже собрались въ его келью раньше и ждали, пока онъ проснется, по твердому завѣренію отца Паисія, что „учитель встанетъ несомнѣнно, чтобы еще разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрекъ и какъ самъ пообѣщаль еще утромъ“. Обѣщанію-же этому, да и всякому слову отходящаго старца, отецъ Паисій вѣровалъ твердо, до того, что если-бы видѣлъ его и совсѣмъ уже безъ сознанія и даже безъ дыханія, но имѣлъ-бы его обѣщаніе, что еще разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ бы, можетъ быть, и самой смерти, все ожидая, что умирающій очнется и исполнитъ обѣтованное. По утру-же старецъ Зосима положительно изрекъ ему, отходя ко сну: „Не умру, прежде чѣмъ еще разъ не уплюсь бесѣдою съ вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью“. Собравшіеся на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца, были самые преданные ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было четверо: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Паисій, іеромонахъ отецъ Михаилъ, настоятель скита, человѣкъ не весьма еще старый, далеко не столь ученый, изъ званія простаго, но духомъ твердый, нерушимо и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникновенный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видимо скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четвертый гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, изъ бѣднѣйшаго крестьян-

скаго званія, братъ Анеимъ, чуть-ли даже не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ вѣмъ говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и имѣвшій видъ человѣка какъ-бы на вѣки испуганнаго чѣмъ-то великимъ и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ-бы трепещущаго человѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизнь свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, ни съ вѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ менѣе словъ какъ съ нимъ, не смотря на то, что когда-то многіе годы провелъ въ странствованіяхъ съ нимъ вдвоемъ по всей святой Руси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорокъ, когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ свой въ одномъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастырѣ, и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анеиму въ странствіяхъ его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдный Костромской монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости расположились во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постель его, комнатѣ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, такъ что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывшаго стоя) едва размѣстились вокругъ кресель старца на принесенныхъ изъ первой комнаты стульяхъ. Начало уже смеркаться, комната освѣщалась отъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидавъ Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, старецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. И зналъ, что придешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до земли и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетала, ему хотѣлось рыдать.

— Что ты, подожди оплакивать, улыбнулся старецъ, положивъ правую руку свою на его голову,—видишь,

сизу и бесѣдную, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ пожелала мнѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкой Лизаветой на рукахъ. Помяни Господи и мать и дѣвочку Лизавету! (онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ, куда я сказалъ?

Это онъ припомнилъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, пожертвованныхъ веселою поклонницей, чтобы отдать „той, которая меня бѣднѣй“. Такія жертвы происходятъ какъ эпитеміи добровольно на себя почему либо наложенныя, и непременно изъ денегъ, собственнымъ трудомъ добытыхъ. Старецъ послалъ Порфирія еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей мѣщанкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пошедшей послѣ пожара нищенствовать. Порфирій успѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что подалъ, какъ приказано ему было, „отъ неизвѣстной благотворительницы“.

— Встань, милый, продолжалъ старикъ Алешѣ, — дай посмотрѣть на тебя.

Онъ вдругъ умолъ и какъ-бы задумался.

— Но все отъ Господа и всѣ судьбы наши. „Если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“. Алексѣй, много разъ тебя благословлялъ я мысленно въ жизни моей за ликъ твой, узнай сіе, проговорилъ старецъ съ тихою улыбкой. Мыслию о тебѣ такъ: изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь, какъ инокъ. Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ лкбить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но имя-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь, — что важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ. Отцы и учителя мои, умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гостямъ своимъ, — никогда до сего дня не говорилъ я, даже и ему, за что былъ столь милымъ душѣ моей, ликъ сего юноши. Теперь лишь скажу: былъ мнѣ ликъ его какъ-бы напо-

минаемъ и пророчествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще малымъ ребенкомъ, имѣлъ я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ, всего только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убѣдился я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей какъ-бы указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо не явился онъ въ жизни моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ мыслю, не принялъ-бы я иноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣнный путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и вотъ уже на сѣлонѣ пути моего явилось мнѣ воочию какъ-бы повтореніе его. Чудно это, отцы и учителя, что не бывъ столь похожъ на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ до того схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его какъ-бы прямо за того юношу, брата моего, пришедшаго ко мнѣ на концѣ пути моего таинственно, для нѣкаго воспоминанія и проникновенія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой странной мечтѣ моей. Слышишь ли сіе, Порфирій, обратился онъ къ прислуживавшему ему послушнику. — Много разъ видѣлъ я на лицѣ твоёмъ какъ-бы огорченіе, что я Алексѣя больше люблю чѣмъ тебя. Теперь знаешь почему такъ было, но и тебя люблю, знай это, и много разъ горевалъ, что ты огорчаешься. Вамъ-же, милые гости, хочу я повѣдать о семъ юношѣ братѣ моемъ, ибо не было въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего, болѣе пророческаго и трогательнаго. Умилилось сердце мое и созерцаю всю жизнь мою въ сію минуту, какъ-бы вновь ее всю изживая...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что эта послѣдняя бесѣда старца съ посѣтившими его въ послѣдній день его жизни его гостями сохранилась отчасти записанною. Записалъ нѣкоторое время спустя по смерти старца на память. Но была-ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ присовокупилъ къ ней въ запискѣ своей и изъ прежнихъ бесѣдъ съ учителемъ своимъ, этого уже я не могу рѣшить.

## У.

Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ.

### Свѣдѣнія біографическія.

#### а) О юношѣ братѣ старца Зосимы.

Возлюбленные отцы и учителя, родился я въ далекой губерніи сѣверной, въ городѣ В., отъ родителя дворянина, но не знатнаго и не весьма чиновнаго. Скончался онъ, когда было мнѣ всего лишь два года отъ роду и не помню я его вовсе. Оставилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми не нуждаясь. А было насъ всего у матушки двое: я, Зиновій, и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ старше меня годовъ на восемь, характера вспыльчиваго и раздражительнаго, но добрый, не насмѣшливый и странно молчаливый, особенно въ своемъ домѣ, со мной, съ матерью и съ прислугой. Учился въ гимназій хорошо, но съ товарищами своими не сходился, хотя и не ссорился, такъ, по крайней мѣрѣ, запомнила о немъ матушка. За полгода до кончины своей, когда уже минуло ему семнадцать лѣтъ, повадился онъ ходить къ одному уединенному въ нашемъ городѣ человѣку, высланному изъ Москвы въ нашъ городъ. Былъ-же этотъ



ссылный не малый ученый и знатный философъ въ университетѣ. Почему-то онъ полюбилъ Маркела и сталъ принимать его. Просиживалъ у него юноша цѣлые вечера, и такъ во всю зиму, доколѣ не потребовали обратно ссыльнаго на государственную службу въ Петербургъ, по собственной просьбѣ его, ибо имѣлъ покровителей. Начался великій постъ, а Маркелъ не хочетъ поститься, бранится и надъ этимъ смѣется: „все это бредни“, говоритъ. Въ ужасъ привелъ и мать и прислугу, да и меня малаго, ибо хотя былъ и я девяти лѣтъ всего, но, услышавъ слова сѣи, испугался очень и я. И вотъ на шестой недѣлѣ поста стало вдругъ брату худо, а былъ онъ и всегда нездоровый, грудной, сложенія слабаго и навлонный къ чахоткѣ; роста-же не малаго, но тонкій и хилый, лицомъ-же весьма благообразенъ. Простудился онъ, что-ли, но докторъ прибылъ и вскорѣ шепнулъ матушкѣ, что чахотка скоротечная, и что весны не переживетъ. Стала мать плакать, стала просить брата съ осторожностью (для того, чтобы не испугать его), чтобы поговѣлъ и причастился Святыхъ Божіихъ Таинъ. Задумался: догадался сразу, что боленъ опасно и что потому-то родительница и посылаетъ его, пока силы есть, поговѣть и причаститься. Впрочемъ и самъ уже зналъ, что давно нездоровъ и еще за годъ передъ тѣмъ проговорилъ разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно: „не жилецъ я на свѣтѣ межъ вами, можетъ, и года не проживу“, и вотъ словно напророчилъ. Прошло дня три и настала Страстная недѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть. „Я это, матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать васъ и успокоить“, сказалъ онъ ей. Заплакала мать отъ радости, да и съ горя: „знать близка кончина его, коли такая въ немъ вдругъ перемѣна“. Но не долго походилъ онъ въ церковь, слегъ, такъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Дни наступили свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была поздняя. Всю-то ночь

онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утро всегда одѣнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и запомню его: сидитъ тихій, вроткій, улыбается, самъ больной, а лиць веселый, радостный. Измѣнился онъ весь душевно — такая дивная началась въ немъ вдругъ перемѣна! Войдетъ въ нему въ комнату старая нянька: „позволь, голубчикъ, я и у тебя лампаду зажгу передъ образомъ“. А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже. — „Зажигай, милая, зажигай, извергъ я былъ, что претилъ вамъ прежде. Ты Богу лампаду зажигая молишься, а я на тебя радуясь молюсь. Значить, одному Богу и молимся“. Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и принимала веселый видъ. „Матушка, не плачь, голубушка, говоритъ, бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая радостная!“ — „Ахъ, милый, ну какое тебѣ веселье, когда ночь горюшь въ жару да кашляешь, такъ что грудь тебѣ чуть не разорветъ“. — „Мама, отвѣчаетъ ей, не плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если-бы захотѣли узнать, завграже и сталь-бы на всемъ свѣтѣ рай“. И дивились всѣ словамъ его, такъ онъ это странно и такъ рѣшительно говорилъ; умилялись и плакали. Приходили къ намъ знакомые: „милые, говоритъ, дорогіе, и чѣмъ я заслужилъ, что вы меня любите, за что вы меня такого любите и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ“. Входящимъ слугамъ говорилъ поминутно: „Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, да и стою-ли я того, чтобы служить-то мнѣ. Если-бы помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталь бы самъ служить вамъ, ибо всѣ должны одинъ другому служить“. Матушка, слушая, качала головой: „дорогой ты мой, отъ болѣзни ты такъ говоришь! — „Мама, радость моя, говоритъ, нельзя чтобы не было господъ и слугъ, но пусть же и я буду слугою моихъ слугъ, такимъ-же какимъ и они

мнѣ. Да еще скажу тебѣ, матушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виновать, а я болѣе всѣхъ“. Матушка такъ даже тутъ усмѣхнулась; плачетъ и усмѣхается: — „Ну и чѣмъ это ты, говорить, передъ всѣми больше всѣхъ виновать. Тамъ убійцы, разбойники, а ты чего такого успѣлъ нагрѣшить, что себя больше всѣхъ обвиняешь?“ — „Матушка, кровинушка ты моя, говорить (сталъ онъ такія любезныя слова тогда говорить, неожиданныя), кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что во истину всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виновать. Не знаю я какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія. И какъ это мы жили, сердились и ничего не знали тогда?“ Такъ онъ вставалъ со сна, каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь и весь трепеща любовью. Приѣдетъ, бывало, докторъ, старикъ, нѣмецъ Эйзеншмидтъ ѣздилъ: Ну что, докторъ, проживу еще денекъ-то на свѣтѣ? шутить, бывало, съ нимъ. — „Не то что день и много дней проживете, отвѣтитъ, бывало, докторъ, — и мѣсяцы, и годы, еще проживете“. — „Да чего годы, чего мѣсяцы! воселивнетъ, бывало, — что тутъ дни-то считать, и одного дня довольно человѣку, чтобы все счастье узнать. Милые мои, чего мы ссоримся, другъ предъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды помнимъ: прямо въ садъ пойдемъ и станемъ гулять и рѣзвиться, другъ друга любить и восхвалять, и цѣловать и жизнь нашу благословлять“. — „Не жилецъ онъ на свѣтѣ, вашъ сынъ“, промолвилъ докторъ матушкѣ, когда провожала она его до крыльца, — „онъ отъ болѣзни впадаетъ въ помѣшательство“. Выходили окна его комнаты въ садъ, а садъ у насъ былъ тѣнистый, съ деревьями старыми, на деревьяхъ завязались весеннія почки, прилетѣли раннія птички, гогочутъ, поютъ ему въ окна. И сталъ онъ вдругъ, глядя на нихъ и любясь, просить и у нихъ прощенія: „Птички Божія, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и

предъ вами я согрѣшилъ“. Этого ужъ никто тогда у насъ не могъ понять, а онъ отъ радости плачетъ: „Да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня: птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе.“ — „Ужь много ты на себя грѣховъ берешь“, плачетъ, бывало, матушка. — „Матушка, радость моя, я вѣдь отъ веселья, а не отъ горя это плачу; мнѣ вѣдь самому хочется предъ ними виноватымъ быть, растолковать только тебѣ не могу, ибо не знаю какъ ихъ и любить. Пусть я грѣшенъ предъ всѣми, да зато и меня всѣ простятъ, вотъ и рай. Развѣ я теперь не въ раю?“

И много еще было чего и не припомнить и не вписать. Помню, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него не было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и всю комнату освѣтило косымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня увидавъ, подошелъ я къ нему; взялъ онъ обѣими руками за плечи, глядитъ мнѣ въ лицо умиленно, любовно; ничего не сказалъ, только поглядѣлъ такъ съ минуту: „Ну“, говоритъ, „ступай теперь, играй, живи за меня!“ Вышелъ я тогда и пошелъ играть. А въ жизни потомъ много разъ припоминалъ уже со слезами, какъ онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говорилъ онъ такихъ дивныхъ и прекрасныхъ, хотя и непонятныхъ намъ тогда словъ. Скончался же на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи, въ памяти, и хотя говорить уже пересталъ, но не измѣнился до самаго послѣдняго своего часа: смотреть радостно, въ очахъ веселье, взглядами насъ ищетъ, улыбается намъ, насъ зоветъ. Даже въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня все это тогда, но не слишкомъ, хоть и плакалъ я очень, когда его хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ, но на сердце осталось все неизгладимо, затаилось чувство.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро добрые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ сынокъ, и не бѣдные вы, капиталъ имѣете, такъ по примѣру прочихъ, почему-бы сына вашего не отправить вамъ въ Петербургъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ быть, участи его лишите. И надоумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ поступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ сыномъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ многихъ слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она меня въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три года по насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ. Къ воспоминаніямъ-же домашнимъ причитаю и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: „Сто четыре священные исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного (не помню, гдѣ былъ тогда братъ), во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣднѣ. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила еиміамъ и тихо

восходилъ вверхъ, а сверху, въ куполѣ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божьи лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ бы таялъ въ нихъ еиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на середину храма отровъ съ большою книгой, такую большою что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несъ ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ жизни понялъ, что во храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ землѣ Унъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ за нихъ Бога: можетъ, согрѣшили они, веселясь. И вотъ восходить къ Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ-ли раба Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святаго раба Своего. И усмѣхнулся діаволъ на слова Божіи: „предай его мнѣ и увидишь, что возропщеть рабъ Твой и проклянетъ Твое имя“. И предалъ Богъ Своего праведника, столь имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволъ дѣтей его, и скоть его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю, и возопилъ: „нагъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!“ И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли: и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на гибель, и рабъ Его восхвалищающій: „Буди имя Твое благословенно, не смотря на то, что казнишь меня“, — а затѣмъ тихе и сладостное пѣніе во храмѣ: „Да исправится молитва моя“, и снова еиміамъ отъ вадпла священника и колѣнопре-

клоненная молитва! Съ тѣхъ поръ, — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. Что за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила данна въ нею человѣку! Разверни-ка эту книгу и начни читать! Прочти объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: „Страшно мѣсто сіе“, и поразилъ благочестивый умъ простолюдина. Прочти о томъ какъ братья продали въ рабство роднаго брата своего, отрова милаго, Іосифа, сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египеть, и Іосифъ, уже царедворецъ великія, ими не признанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: „Люблю васъ и любя мучаю“. Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: „Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!“ Прочти далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египеть, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Попробуйте, прочтите повѣсть, трогательную и умиленную, о прекрасной Эсеири и над-

менной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непременно, непременно!), а наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя-бы житіе Алексѣя Человѣка Божія и великой изъ великихъ радостной страдальцы, Боговидицы и Христоносицы матери Маріи Египтяныни! Гибель человѣку безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова! Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анѣимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заночевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ въ своему мѣсту на завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой не имѣя ума, тайну Божию свидѣтельствуютъ, непрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милого юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любить, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того какъ въ лѣсу ничего я, говорить, не знаю, да и все хорошо. „Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ:



какая кротость, какая привязанность къ человѣку часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его лицѣ. Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христось еще раньше нашего“. „Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христось?“ — „Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ слову, Богу славу поеть, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный“. И рассказалъ я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба кусокъ: „Ступай, дескать, Христось съ тобой“, и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что съ нимъ Христось. „Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!“ Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!

в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ пробылъ я долго, почти восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ того принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что преобразился въ

существо почти дикое, жестокое и нелѣпное. Лоскъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ приобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ считали мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ быть, больше всѣхъ, ибо изъ всѣхъ товарищей былъ на все воспримчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей-же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что она такое есть, а узналъ-бы, такъ осмѣялъ-бы ее тотчасъ-же самъ первый. Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухарствомъ чуть не гордились. Не скажу чтобы были скверные; всѣ эти молодые люди были хорошіе, да вели-то себя скверно, а пуще всѣхъ я. Главное то, что у меня объявился свой капиталъ, а потому и пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу, поплылъ на всѣхъ парусахъ. Но вотъ чтò дивно: читалъ я тогда и книги, и даже съ большимъ удовольствіемъ; Библию-же одну никогда почти въ то время не развертывалъ, но никогда и не расставался съ нею, а возилъ ее повсюду съ собой: во истину берегъ эту книгу, самъ того не вѣдая, „на день и часть, на мѣсяцъ и годъ“. Прослуживъ этакъ года четыре, очутился я, наконецъ, въ городѣ К., гдѣ стоялъ тогда нашъ полкъ. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостепріимное и богатое, принимали-же меня вездѣ хорошо, ибо былъ я отъ роду нрава веселаго, да къ тому-же и слылъ не за бѣднаго, что въ свѣтѣ значить не мало. Вотъ и случилось одно обстоятельство, послужившее началомъ всему. Вызвалъ я одного человѣка на дуэль. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была на нихъ какъ-бы даже мода между военными, — до того дикіе нарастаютъ и уквѣпляются иногда предрассудки. Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша на завтра, за городомъ, въ семь часовъ утра, — и вонстану случилось

туть со мной нѣчто какъ-бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего деньщика Аванасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что скривавилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня уже давно и случилось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостію. И вѣрите-ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ,—отширалось у меня въ садъ, вижу, восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что-же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ-бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого-ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого-ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то... И вдругъ сейчасъ-же и догадался въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аванасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось точно вновь повторилось: стоитъ онъ предо мной, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ, — и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ чело­вѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, свербаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрывъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я туть моего брата Маркела и слова его предъ смертію слугамъ: „Милые мои, дорогие, за чтò вы мнѣ служите, за чтò меня любите, да и стою-ли я чтобы служить-то мнѣ?“ „Да, стòю-ли“, вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ

я такъ стою, чтобы другой человѣкъ, такой-же какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый въ жизни тогда этотъ вопросъ. „Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а если-бъ узнали—сейчасъ былъ-бы рай!“ Господи, да неужто-же и это неправда“, плачу я и думаю, — „воистину я за всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей“! И представилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи своемъ: что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супругу его тѣмъ на вѣви счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ я такъ на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку и не замѣтилъ вовсе, какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ поручикъ, за мной, съ пистолетами: „А, говоритъ, вотъ это хорошо, что ты уже всталъ, пора, идемъ“. Заметался я тутъ, совсѣмъ потерялся, вышли мы, однако-же, садиться въ коляску: „Погоди здѣсь время, говорю ему, — я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ“. И выбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прямо въ коморку къ Аѳанасію: „Аѳанасій, говорю, — я вчера тебя ударилъ два раза по лицу, прости ты меня“, говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался, глядитъ, — и вижу я, что этого мало, мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ ноги, лбомъ до земли: „Прости меня!“ говорю. Тутъ ужъ онъ и совсѣмъ обомлѣлъ: „Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да какъ вы... да стою-ли я“... и заплакалъ вдругъ самъ, точно какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я-же выбѣжалъ къ товарищу, влетѣлъ въ коляску, „вези“ кричу: „Видалъ, кричу ему, — побѣдителя, — вотъ онъ предъ тобою!“ Восторгъ во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужъ что и говорилъ. Смотритъ онъ

на меня: „Ну, братъ, молодецъ-же ты, вижу, что поддержишь мундиръ“. Таеъ прїѣхали мы на мѣсто, а они уже тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцати шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣль,—стою я предъ ними веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, любя на него гляжу, знаю что сдѣлаю. Выстрѣлили онъ, капельку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло, — „слава Богу, кричу, не убили человѣка!“ да свой-то пистолеть схватилъ, оборотился назадъ, да швыркомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пустил: „Туда, кричу,—тебѣ и дорога!“ Оборотился къ противнику: „Милостивый государь, говорю, — простите меня, глупаго молодого человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять кратъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ“. Только что я это проговорилъ,—такъ всѣ трое они и закричали: „Помилуйте, говорить мой противникъ, —разсердился даже, — если вы не хотѣли драться, къ чему-же беспокоили?“ — „Вчера, говорю ему,—еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ“, весело такъ ему отвѣчаю.—„Вѣрю про вчерашнее, говорить,—но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнѣнію“. — „Браво, кричу ему, въ ладоши захопалъ,—я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслужилъ!“ — „Будете-ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?“ — „Не буду, говорю,—а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только лучше-бы вамъ не стрѣлять“. Кричатъ и секунданты, особенно мой: „Какъ это срамить полезъ, на барьерѣ стоя прощенія просить; если-бы только я это зналъ!“ Сталъ я тутъ предъ ними предъ всѣми и уже не смѣюсь: „Господа мои, говорю, неужели такъ теперь для нашего времени удивительно встрѣтить человѣка, который-бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился въ чемъ самъ виноватъ публично?“ — „Да не на барьерѣ-же“, кричитъ мой секундантъ опять.—

„То-то вотъ и есть, отвѣчаю имъ,—это-то вотъ и удивительно, потому, слѣдовало-бы мнѣ повиниться только что прибыли сюда, еще прежде ихняго выстрѣла, и не вводить ихъ въ великій и смертный грѣхъ, но до того безобразно, говорю, мы сами себя въ свѣтѣ устроили, что поступить такъ было почти и невозможно, ибо только послѣ того какъ я выдержалъ ихъ выстрѣлъ въ двѣнадцати шагахъ, слова мои могутъ что нибудь теперь для нихъ значить, а еслибы до выстрѣла, какъ прибыли сюда, то сказали-бы просто: трусь, пистолета испугался и нечего его слушать. Господа, воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стѣить только намъ захотѣть понять и тотчасъ-же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемъ мы и заплачемъ“... Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. „Благоразумно все это и благочестиво, говорить мнѣ противникъ,—и во всякомъ случаѣ человекъ вы оригинальный“. — „Смѣйтесь, смѣюсь и я ему,—а потомъ сами похвалите“. — „Да я готсвъ и теперь, говорить, похвалить, извольте, я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человекъ“. — „Нѣтъ, говорю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше сдѣлаюсь и уваженіе ваше заслужу, тогда протяните,—хорошо сдѣлаете“. Воротились мы домой, секунданта мой всю-то дорогу бранится, а я-то его цалую. Тотчасъ всѣ товарищи прослышали, собрались меня судить въ тотъ-же день: „мундиръ, дескать, замаралъ, пусть въ отставку подаетъ“. Явились и защитники: „выстрѣлъ все же, говорятъ, онъ выдержалъ“. — „Да, но побоялся другихъ выстрѣловъ и попросилъ на барьерѣ прощенія“. — „А кабы побоялся выстрѣловъ,

возражаютъ защитивши, такъ изъ своего-бы пистолета сначѣла выстрѣлилъ, прежде чѣмъ прощенія просить, а онъ въ лѣсъ его еще заряженный бросилъ, нѣтъ, тутъ что-то другое вышло. Слушаю я, весело мнѣ на нихъ глядя: „Любезнѣйшіе мои, говорю я, друзья и товарищи, не безякокойтесь, чтобъ я въ отставку подалъ, потому что это я уже и сдѣлалъ, я уже подалъ сегодня-же въ канцеляріи, утромъ, и когда получу отставку, тогда тотчасъ-же въ монастырь пойду, для того и въ отставку подаю“. Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единого: „Да ты-бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя“, смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: „ахъ ты, монахъ“, говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривать начали, жалѣть даже, „что ты надъ собою дѣлаешь?“ — „Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣлъ выдержалъ, изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахи пошелъ, вотъ онъ отчего“. Точно тоже почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ непрерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня-же любятъ. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ всѣ вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло, ибо противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родственникомъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ-бы въ шутку, да и я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули дѣйствительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязненно говорить, не смотря на ихъ смѣхъ, потому что все-же былъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происхо-

дили же всѣ эти разговоры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, женщины больше тогда полюбили меня слушать, и мужчинъ заставляли. „Да какъ-же это можно чтобъ я за всѣхъ виноватъ былъ, смѣется мнѣ всякій въ глаза, — ну, развѣ я могу быть за васъ, на примѣръ, виноватъ?“ — „Да гдѣ, отвѣчаю имъ, — вамъ это и познать, когда весь мѣръ давно уже на другую дорогу вышелъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ другихъ такой-же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ въ жизни исеренно, и что-же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все-же надо мной, говорю, — смѣетесь“. — „Да какъ васъ такого не любить?“ — смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюдное. Вдругъ, смотрю, подымается изъ среди дамъ та самая молодая особа, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и которую столь недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не замѣтилъ какъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла ко мнѣ, протянула руку: „Позвольте мнѣ, говорить, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ“. Подошелъ тутъ и мужъ ея, & затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цалуютъ. Радостно мнѣ такъ стало, но пуще всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тогда одного господина, человѣка уже пожилаго, тоже ко мнѣ подходившаго, котораго я хотя прежде и зналъ по имени, но никогда съ нимъ знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ нимъ не сказалъ.

г) Таинственный посѣтитель.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, мѣсто занималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, богатый, славился благотворительностью, пожер-



твовалъ значительный капиталъ на богадѣльню и на сиротскій домъ, и много кромѣ того дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потому, по смерти его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти, и видъ имѣлъ почти строгій, былъ малорѣчивъ; женатъ-же былъ не болѣе десяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣлъ трехъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу у себя дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ ко мнѣ этотъ самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежней квартирѣ, какъ только подалъ въ отставку, съѣхалъ на другую и нанялъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ ея прислугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру произошелъ лишь потому только, что я Аванасія въ тотъ-же день, какъ съ поединка воротился, обратно въ роту препроводилъ, ибо стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго моего съ нимъ поступка,—до того наклоненъ стыдиться неприготовленный мірской человѣкъ даже иного справедливейшаго своего дѣла.

„Я, говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ,—слушаю васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ большимъ любопытствомъ и пожелалъ, наконецъ, познакомиться лично, чтобы поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать мнѣ, милостивый государь, такую великую услугу?“—„Могу, говорю, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особую честь“, говорю это ему, а самъ почти испугался, до того онъ меня съ перваго разу тогда поразилъ. Ибо хоть и слушали меня и любопытствовали, но никто еще съ такимъ серьезнымъ и строгимъ внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ еще самъ въ квартиру ко мнѣ пришелъ. Сѣлъ онъ. „Великую, продолжаетъ онъ,—вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись истинѣ послужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ

рисковали, за свою правду, общее презрѣніе отъ всѣхъ понести“. „Вы, можетъ быть, очень меня преувеличенно хвалите“, говорю ему. „Нѣтъ, не преувеличенно, отвѣчаетъ мнѣ, повѣрьте, что совершить таковой поступокъ гораздо труднѣе чѣмъ вы думаете. Я собственно, продолжаю оный, этимъ только и поразился и за этимъ къ вамъ пришелъ. Опишите мнѣ, если не побрезгаете столь непристойнымъ, можетъ быть, моимъ любопытствомъ, что именно ощущали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ рѣшились просить прощенія, если только запомните? Не считите вопросъ мой за легкомысліе; напротивъ, имѣю, задавая таковой вопросъ, свою тайную цѣль, которую вѣроятно и объясню вамъ впоследствии, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще короче“.

Все время, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ лицо и вдругъ ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность, а кромѣ того, и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо почувствовалъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая тайна.

— Вы спрашиваете, что я именно ощущалъ въ ту минуту, когда у противника прощенія просилъ, отвѣчаю я ему, — но я вамъ лучше съ самаго начала расскажу, чего другимъ еще не рассказывалъ, и рассказалъ ему все, что произошло у меня съ Аванасіемъ и какъ поклонился ему до земли. „Изъ сего сами можете видѣть, заключилъ я ему, что уже во время поединка мнѣ легче было, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту дорогу вступилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно, а даже радостно и весело“.

Выслушалъ онъ, смотритъ такъ хорошо на меня: „Все это, говоритъ, чрезвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще приду“. И сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходить чуть не каждый вечеръ. „Что жизнь есть рай, говоритъ вдругъ мнѣ, — объ этомъ я давно уже думаю“, и вдругъ прибавилъ: „Только вѣдь объ этомъ и думаю“. Смотритъ на меня и улыбается. „Я

больше вашего въ этомъ, говоритъ, убѣжденъ, потому что узнаете почему“. Слушаю я это и думаю про себя: „Это онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть“. „Рай, говоритъ, въ каждомъ изъ насъ затаенъ, вотъ онъ теперь и во мнѣ кроется, и, захочу,—завтра-же настанетъ онъ для меня въ самомъ дѣлѣ и уже на всю мою жизнь“. Гляжу: съ умиленіемъ говоритъ и таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ меня. „А о томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и за вся виноватъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы совершенно правильно разсудили и удивительно какъ вы вдругъ въ такой полнотѣ могли сію мысль обнять. И во истину вѣрно, что когда люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царствіе небесное. „А когда, воспользовавшись я ему тутъ съ горестію, сіе сбудется, и сбудется-ли еще когда нибудь? Не мечта-ли сіе лишь только?“ „А вотъ ужъ вы, говоритъ, не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете. Знайте-же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбудется, тому вѣрите. Раньше чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сдѣлаются безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *уединенія*.— „Какого это уединенія?“ спрашиваю его.— „А такого, какое теперь вездѣ царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не заключился еще весь и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теперь стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самую полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ то въ

нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другаго отдѣляется, прячется и что имѣеть прятеть, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копить уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что чѣмъ болѣе копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, приучилъ свою душу не вѣрять въ людскую помощь, въ людей и въ человѣчество, и только трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей цѣлостности. Но непременно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другаго. Таково уже будетъ вѣяніе времени и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси... Но до тѣхъ поръ надо все-таки знамя беречь и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ единенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя-бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не умирала великая мысль“.

Въ пламенныхъ бесѣдахъ проходили вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество бросилъ и горздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ. На таинственнаго-же посѣтителя моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо кромѣ наслажденія умомъ его, началъ предчувствовать, что питаетъ онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому, можетъ быть, подвигу. Можетъ, и это ему нравилось, что я наружно не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни на-

мекомъ не спрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ онъ какъ-бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто. По крайней мѣрѣ, это уже очень стало видно, примѣрно, мѣсяцъ спустя какъ онъ сталъ посѣщать меня. „Знаете-ли вы, спросилъ онъ меня однажды, что въ городѣ очень о насъ обоихъ любопытствуютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу; но пусть ихъ, ибо скоро все объяснится“. Иногда вдругъ нападало на него чрезвычайное волненіе, и почти всегда въ такихъ случаяхъ онъ вставалъ и уходилъ. Иногда-же долго и какъ-бы пронзительно смотритъ на меня, — думаю: „Что-нибудь сейчасъ да и скажетъ“, а онъ вдругъ перебьетъ и заговоритъ о чемъ нибудь извѣстномъ и обыкновенномъ. Сталъ тоже часто жаловаться на головную боль. И вотъ однажды, совсѣмъ даже неожиданно, послѣ того какъ онъ долго и пламенно говорилъ, вижу, что онъ вдругъ поблѣднѣлъ, лицо совсѣмъ перекосилось, самъ-же на меня глядитъ какъ въ упоръ.

— Что съ вами, говорю, ужъ не дурно-ли вамъ? А онъ именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете-ли вы... я... человекъ убилъ.

Проговорилъ и самъ блѣлый какъ мѣлъ. Самъ я поблѣднѣлъ.

— Что вы это? кричу ему.

— Видите-ли, отвѣчаетъ мнѣ, — какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Теперь сказалъ и, кажется, сталъ на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ, да и не въ одинъ разъ повѣрилъ, а лишь послѣ того, какъ онъ три дня ходилъ ко мнѣ и все мнѣ въ подробности рассказалъ. Было имъ совершенно великое и страшное преступленіе, четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, надъ одною богатою госпожей, молодою и прекрасною особой, вдовой-помѣщицей, имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственный домъ. Почувствовавъ къ ней любовь вели-

кую, началъ сълонять ее выйти за него замужъ. Предложеніе его она отвергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Переставъ ходить, онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ ней ночью изъ сада чрезъ крышу, съ превеликою дерзостью, рискуя быть обнаруженнымъ. Но какъ весьма часто бываетъ, всѣ съ необыкновенною дерзостью совершаемыя преступленія чаще другихъ и удаются. Чрезъ слуховое окно войдя на чердакъ дома, онъ спустился къ ней внизъ въ жилыя комнаты по лѣсенкѣ съ чердака, зная, что дверь, бывшая въ концѣ лѣсенки, не всегда, по небрежности слугъ, запиралась на замокъ. Понадѣялся на оплошность сію и въ сей разъ, и какъ разъ засталъ. Пробравшись въ жилые покои, онъ, въ темнотѣ, прошелъ въ ея спальню, въ которой горѣла лампада. И какъ нарочно обѣ горничныя ея дѣвушки ушли потихоньку безъ спросу, по сосѣдству, на именинную пирушку, случившуюся въ той-же улицѣ. Остальные-же слуги и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ, въ нижнемъ этажѣ. Не помня себя, какъ пьяный, подошелъ онъ, вонзилъ ей ножъ прямо въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ и съ преступнѣйшимъ расчетомъ устроилъ такъ, чтобы подумали на слугъ: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ влючами, которые вынулъ изъ подъ подушки, ея комодъ и захватилъ изъ него нѣкоторыя вещи, именно такъ, какъ-бы сдѣлалъ невѣжа-слуга, то есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ однѣ деньги, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драгоценнѣйшими въ десять разъ, но малыми вещами пренебрегъ. Совершивъ сіе ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. Ни на другой день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю жизнь, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго злодѣя! Заподозрили-же тотчасъ крѣпостнаго слугу ея Петра и какъ разъ сошлись всѣ обстоятельства, чтобъ утвердить сіе подозрѣніе, ибо слуга этотъ зналъ, и повои-

ница сама не скрывала, что намѣрена его въ солдаты отдать, въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута, такъ какъ былъ одинокъ и дурнаго сверхъ того поведенія. Слышали, какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ питейномъ домѣ убить ее. За два-же дня до ея кончины, сбѣжалъ и проживалъ гдѣ-то въ городѣ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой-же день послѣ убійства нашли его на дорогѣ, при выѣздѣ изъ города, мертво-пьянаго, имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ запачканною почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ, что кровь шла изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки-же повинились, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ крыльца оставались незапертыми до ихъ возвращенія. Да и множество сверхъ того являлось подобныхъ сему признаковъ, по которымъ неповиннаго слугу и захватили. Арестовали его и начали судъ, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣло и кончилось, предали волѣ Божьей, и всѣ, и судьи, и начальство, и все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе никто какъ умершій слуга. А за симъ началось наказаніе.

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, повѣдалъ мнѣ, что въ началѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями совѣсти. Томилъ его нѣсколько въ началѣ арестъ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта успокоили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (разсуждалъ онъ тогда) не отъ ареста или испуга, а отъ простудной болѣзни, приобрѣтенной именно во дни его бѣговъ, когда онъ, мертво пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденныя-же вещи и деньги мало смущали его, ибо (все также разсуждалъ онъ) слѣлана кража не изъ корысти, а для отвода подозрѣній въ другую сторону. Сумма-же краденаго была незначительная и онъ въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо большую, пожертвовалъ на учредившуюся у насъ въ

городъ богадѣльню. Нарочно сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти на счетъ кражи и, замѣчательно, на время и, даже долгое, дѣйствительно успокоился, — самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ большую служебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое и трудное порученіе, занимавшее его года два и, будучи характера сильнаго, почти забывалъ происшедшее; когда же вспоминалъ, то старался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, заявилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Но все-же сталъ задумываться. Тутъ понравилась ему одна прекрасная и благоразумная дѣвица и онъ въ скорости женился на ней, мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску свою. Въ первый мѣсяцъ брака, стала его смущать непрерывная мысль: „Вотъ жена любить меня, ну что если-бъ она узнала?“ Пошли дѣти: „Какъ я смѣю любить, учить и воспитать ихъ, какъ буду про добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ“. Дѣти растутъ прекрасныя, хочется ихъ ласкать: „А я не могу смотрѣть на ихъ невинные, ясные лики; не достоинъ того“. Наконецъ, начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленная молодая жизнь ея, кровь, вопіющая объ отмщеніи. Сталъ онъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ муку долго. „Искуплю все сею тайною мукой моею“. Но напрасная была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось страданіе. Въ обществѣ за благотворительную дѣятельность стали его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго характера его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становилось ему невыносимѣе. Призывался мнѣ, что думалъ бы то убить себя. Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта, — мечта, которую считалъ онъ въ началѣ невозможною и безумною, но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его



сердцу, что и оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйдти предъ народомъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три онъ проходилъ съ этой мечтой, мерещилась она ему все въ разныхъ видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что, объявивъ свое преступленіе, излѣчить душу свою несомнѣнно и успокоится разъ навсегда. Но, увѣровавъ, почувствовалъ въ сердцѣ ужасъ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ случай на моемъ поединкѣ. „Глядя на васъ, я теперь рѣшился“. Я смотрю на него.

— И неужели, воспользуясь я ему, всплеснувъ руками, — такой малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?

— Рѣшимость моя три года рождалась, ствѣчаетъ мнѣ, — а случай вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрекнулъ себя и вамъ позавидовалъ, проговорилъ онъ мнѣ это даже съ суровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, замѣтилъ я ему, — четырнадцать лѣтъ прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.

И заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! свазалъ онъ мнѣ (точно отъ меня теперь все и зависѣло): — жена, дѣти! Жена умереть, можетъ быть, съ горя, а дѣти хотъ и не лишатся дворянства и имѣнія, — но дѣти варнака, и на вѣкъ. А память-то, память какую въ сердцахъ ихъ по себѣ оставлю!

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить на вѣки? Вѣдь на вѣкъ, на вѣкъ!

Сижу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я, наконецъ, страшно мнѣ стало.

— Что-же? смотреть на меня.

— Идите, говорю, объявите людямъ. Все минется, одна правда останется. Дѣти поймутъ, когда выростутъ, сколько въ великой рѣшимости вашей было великодушія.

Всталъ со стула.—Ну, говорить,—прощайте, можетъ больше и не приду... въ раю увидимся.

Хотѣлъ было я обнять и облобызать его, да не посмѣлъ,—искривленно такъ лицо у него было и смотрѣлъ тяжело. Вышелъ онъ. „Господи“, подумалъ я, „вуда пошелъ человѣкъ!“ Бросился я тутъ на колѣни предъ иконою и заплакалъ о немъ Пресвятой Богородицѣ, скорой заступницѣ и помощницѣ.

На завтра какъ разъ приходится день рожденія его. Самъ я въ послѣдніе дни нигде не выходилъ, а потому и узнать не могъ ни отъ кого. Въ этотъ же день у него ежегодно бывало большое собраніе, съѣзжался весь городъ. Съѣхались и теперь. И вотъ, послѣ обѣденной трапезы, выходитъ онъ на средину, а въ рукахъ бумага—форменное донесеніе по начальству. А такъ какъ начальство его было тутъ-же, то тутъ-же и прочелъ бумагу вслухъ всѣмъ собравшимся, а въ ней полное описаніе всего преступленія во всей подробности! „Какъ изверга себя извергаю изъ среды людей, Богъ посѣтилъ меня“,—заклучилъ бумагу,—„пострадать хочу!“ Тутъ-же вынесъ и выложилъ на столъ все, чѣмъ мнилъ доказать свое преступленіе и что четырнадцать лѣтъ сохранялъ: золотыя вещи убитой, которыя похитилъ, думая отвлечь отъ себя подозрѣніе, медальонъ и крестъ ея, снятые съ шеи,—въ медальонѣ портретъ ея жениха, записную ея книжку и, наконецъ, два письма: письмо жениха ея къ ней съ извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который начала и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать на почту. Оба письма захватилъ онъ съ собою,—для чего? Для чего потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобы истребить, какъ улики? И вотъ, что-же случилось: всѣ пришли въ удивленіе и въ ужасъ и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ выслушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ больного, а нѣсколько дней спустя уже со-

всѣмъ рѣшено было во всѣхъ домахъ и приговорено, что несчастный человекъ помѣшался. Начальство и судъ не могли не дать хода дѣлу, но пріостановились и они: хотя представленныя вещи и письма и заставили размышлять, но рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались-бы вѣрными, то все-же окончательное обвиненіе не могло-бы быть произнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи всѣ онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по довѣренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была потомъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой, и что сомнѣнія въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено было завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страдалецъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнію онъ заболѣлъ,—не могу объяснить, говорили, что разстройствомъ сердцебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по настоянію супруги его, свидѣтельствовавъ и душевное его состояніе, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я ничего не выдалъ, хотя и бросились спрашивать меня, но когда пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбраняли, главное, супруга его: „Это вы, говоритъ мнѣ, его разстроили, онъ и прежде былъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ необыкновенное волненіе и странные поступки, а тутъ какъ разъ вы его погубили, это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ цѣлый мѣсяцъ“. И что-же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ накинулись на меня и меня обвинили: „Это все вы“, говорятъ. Я молчу, да и радъ въ душѣ, ибо узрѣлъ несомнѣнную милость Божию къ возставшему на себя и казнившему себя. А помѣшательству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ нему, самъ потребовалъ того настоятельно, чтобы проститься со мной. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но и часы его сочтены. Былъ онъ слабъ,

желтъ, руви трепещуть, самъ задыхается, но смотреть умиленно и радостно.

— Совершилось! — проговорилъ мнѣ, — давно жажду видѣть тебя, что не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допускали къ нему.

— Богъ сжалился надо мной и зоветъ къ себѣ. Знаю, что умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ лѣтъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай, только лишь исполнилъ, что надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей моихъ и лобызать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ и никто не повѣрилъ, ни жена, ни судьи мои; не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божію вижу въ семь къ дѣтямъ моимъ. Умру и имя мое будетъ для нихъ незапятнаю. А теперь предчувствую Бога, сердце вавъ въ раю веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку жметъ, пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, супруга его непрерывно къ намъ заглядывала.

---

## Встрѣча Алеши съ Илюшей.

На улицѣ съ Алешей случилось одно происшествіе, на видъ хотъ и не очень важное, но сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь и свернулъ въ переулокъ, чтобы выйти въ Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отдѣляющуюся отъ нея лишь канавкой (весь городъ нашъ пронизанъ канавками), онъ увидѣлъ внизу предъ мостиемъ кучву школьниковъ, все малолѣтнихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ не больше. Они расходились по домамъ изъ класса со своими ранчиками за плечами, другіе съ кожаными мѣшечками на ремняхъ черезъ плечо, одни просто въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а иные и въ высокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ какихъ особенно любятъ щеголять маленькія дѣти, которыхъ балуютъ зажиточные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, повидимому, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и хотъ онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того, но и школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому какъ ни озабоченъ онъ былъ теперъ, но ему вдругъ захотѣлось свернуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ вглядывался въ ихъ румяныя, оживленныя личики

и вдругъ увидалъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню, у другихъ таеъ по два. За канавкой же, примѣрно въ шагахъ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ, тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или даже меньше того, — блѣдненькій, болѣзненный и со свергавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдать группу шести школьниковъ, очевидно, его-же товарищей, съ нимъ-же вышедшихъ сейчасъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, бѣловуруму, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ, оглядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ достать; а у васъ вашъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко доставать.

Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо съ этого дѣловаго замѣчанія, а между тѣмъ взрослому и нельзя начинать иначе, если надо войти прямо въ довѣренность ребенка и особенно цѣлой группы дѣтей. Надо именно начинать серьезно и дѣловито и таеъ, чтобы было совсѣмъ на ровной ногѣ; Алеша понималъ это инстинктомъ.

— Да онъ лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ-же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные пять мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣлъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ-же его мальчикъ за канавкой.

— Луи его, сажай въ него, Смуровъ! закричали всѣ. Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставил ждать себя и тотчасъ оплатилъ: онъ бросилъ камнемъ

въ мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился въ землю. Мальчиѣ за канавкой тотчасъ-же пустилъ еще въ группу камень, но этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчишки за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ. Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ? закричали, хохоча, мальчики.—Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодилъ мальчику въ голову и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Чтò вы это! Не стыдно-ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ на встрѣчу летящимъ камнямъ, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчиѣ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голосомъ,—онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пырнулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, а этого надо избить...

— Да за чтò? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ, закричали дѣти.—Это онъ въ васъ теперь кидаетъ, а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вскрикнулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Михайловскую улицу. Въ группѣ загалдѣли: „Ага, струсиль, бѣжалъ, мочалка!“

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его убить мало, повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими глазенками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ? спросилъ Алеша.— Фискаль, что-ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда-же идете, въ Михайловскую? продолжалъ тотъ же мальчикъ.— Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видите, онъ остановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватили мальчики.

— Такъ вотъ и спросите его, любить-ли онъ банную мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а они на него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы вѣрно его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю отъ него за чтò вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора, прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно, — онъ васъ не побоятся, онъ вдругъ пырнетъ, изподтишка... какъ Красоткина.

Мальчкѣ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ, Алеша увидѣлъ предъ собой ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ роду, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худенькимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно ветхій старенькій пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ. Голая рука торчала изъ рукавовъ. На правомъ



колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ, гдѣ большой палецъ, большая дырка, видно что сильно замазанная чернилами. Въ оба отдувшіеся кармашка его пальто были набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, догадавшись тотчасъ по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже спустил куражу и самъ даже заговорилъ:

— Я одинъ, а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебую одинъ, сказалъ онъ вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно быть очень больно ударилъ, замѣтилъ Алеша.

— А я Смурову въ голову попалъ! вскрикнулъ мальчикъ.

— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за что-то въ меня камнемъ бросили? спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допрашивалъ Алеша.

— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ мальчикъ, самъ однакожь, не двигаясь съ мѣста, какъ-бы все чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.

— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша—только я васъ не знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнятъ, но я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! крикнулъ мальчикъ, все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣдя за Алешей, да встати и вставъ въ позу, рассчитывая что Алеша непременно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущенный мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только былъ у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, го-

ворять про васъ, что вы нападаете изподтишка? обернулся опять Алеша, но на этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустилъ въ Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ заслониться во время и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Чтò я вамъ сдѣлалъ? вскричалъ онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что вотъ теперь Алеша ужъ несомнѣнно на него бросится; видя же, что тотъ даже и теперь не бросается, совершенно озлился кѣкъ звѣренокъ: онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не успѣлъ тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голову и схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусилъ ему средній ея палець. Онъ впился въ него зубами и секундъ десять не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая изо всей силы палець. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочилъ на прежнюю дистанцію. Палець былъ больной прокушень, у самаго ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь, Алеша вынулъ платокъ и крѣпко обернулъ въ него раненую руку. Обертывалъ онъ почти цѣлую минуту. Мальчишка все это время стоялъ и ждалъ. Наконецъ, Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно укусили, ну и довольно вѣдь, такъ-ли? Теперь скажите чтò я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хотъ васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу, все также спокойно продолжалъ Алеша, — но не можетъ быть, чтобъ я вамъ ничего не сдѣлалъ, — не стали бы вы меня такъ мучить даромъ. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами, скажите?

Вмѣсто отвѣта мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ, и вдругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша по-

шелъ тихо вслѣдъ за нимъ на Михайловскую улицу и долго еще видѣлъ онъ, какъ бѣжалъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и вѣрно все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непременно, какъ только найдется время, розыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку. Въ этотъ же день Алеша встрѣтилъ невѣсту своего брата Дмитрія. Въ рукахъ ея были два радужные кредитные билета.

— Я имѣю къ вамъ одну большую просьбу, Алексѣй Ѳедоровичъ, начала она, прямо обращаясь къ Алешѣ. Недѣлю, — да, кажется, недѣлю назадъ, — Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и несправедливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одно нехорошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ этого отставнаго офицера, штабсъ-капитана этого, котораго вашъ батюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсердившись почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедоровичъ схватилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ унижительномъ видѣ на улицу, и на улицѣ еще долго велъ, и, говорятъ, что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который учится въ здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣжалъ все подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался во всѣмъ и просилъ, чтобы защитили, а всѣ смѣялись. Простите Алексѣй Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этого позорнаго его поступка... одного изъ такихъ поступковъ, на которые можетъ рѣшиться только одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ своемъ гнѣвѣ... и въ страстяхъ своихъ! И и рассказать этого не могу, не въ состоянїи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлялась объ этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный человекъ. Фамилія его Снѣгиревъ. Онъ за что-то провинился на службѣ, его выключили, я не умѣю вамъ это рассказать, и теперь онъ съ своимъ семействомъ, съ несчастнымъ семействомъ больныхъ дѣтей и жены сумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную нищету,

Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, писаремъ гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ! Я бросила взглядъ на васъ... то есть я думала,—я не знаю, я какъ-то путаюсь,—видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Федоровичъ,—добрѣйшій мой Алексѣй Федоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлогъ, войти къ нимъ, то есть къ этому штабсъ-капитану,—о, Боже! какъ я сбиваюсь,—и деликатно, осторожно,—именно какъ только вы одинъ съумѣете сдѣлать (Алеша вдругъ покраснѣлъ)—съумѣть отдать ему это вспоможеніе, вотъ, двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то есть уговорить ее принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите-ли, это не то, что плата ему за примиреніе, чтобъ онъ не жаловался (потому что онъ, вѣжесся, хотѣлъ жаловаться), а просто сочувствіе, желаніе помочь; отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Федоровича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы съумѣете... Я-бы сама поѣхала, но вы съумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой... Ради Бога, Алексѣй Федоровичъ, сдѣлайте мнѣ это!

---

## Въ квартирѣ капитана.

Алеша розыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни—налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, обѣ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ, нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, понявъ, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша взялся было рукой за желѣзную скобу, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ, однако, со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человекъ семейный: „Или спятъ всѣ они, или, можетъ быть, услышали, что я пришелъ и ждутъ, пока я отворю; лучше я сперва постучусь къ нимъ“,—и онъ постучалъ. Отвѣтъ послышался, но не сейчасъ, а секундъ даже, можетъ быть, десять спустя.

— Кто таковъ? провричалъ кто-то громкимъ и усиленно сердитымъ голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь, и шагнулъ черезъ порогъ. Онъ очутился въ избѣ, хотя и довольно простор-

ной, но чрезвычайно загроможденной и людьми, и всякимъ домашнимъ скарбомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому окну чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой было развѣшено разное тряпье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и направо помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣялами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На другой-же кровати справа виднѣлась лишь одна очень маленькая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто, отгороженное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ веревку, протянутую поперегъ угла. За этою занавѣскою тоже примѣчалась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четырехъ-угольный мужицкѣй столъ былъ отодвинуть изъ передняго угла къ срединному окошку. Всѣ три окна, каждый въ четыре мелкія, зеленыя заплеснѣвшія стекла, были очень тусклы и на-глухо заперты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ свѣтло. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы, лежалъ надѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился полуштофъ съ слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донушкѣ. Возлѣ лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на даму, одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ, желтая; чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ перваго раза о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе поразилъ Алешу взглядъ бѣдной дамы,—взглядъ чрезвычайно вопросительный и въ то же время ужасно надменный. И до тѣхъ поръ, пока дама не заговорила сама и пока объяснялся Алеша съ хозяиномъ, она все время также надменно и вопросительно переводила свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на другаго. Подлѣ этой дамы, у лѣваго окошка, стояла молодая дѣвушка съ довольно некра-

сивымъ лицомъ, съ рыженькими жиденскими волосами, бѣдно, хотя и весьма опрятно, одѣтая. Она брезгливо осмотрѣла вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели, сидѣло и еще одно женское существо. Это было очень жалкое созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горбатая и безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, ногами. Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватю и стѣной. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки съ какою-то спокойною вротостью поглядѣли на Алешу. За столомъ, вончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, невысокаго роста, сухощавый, слабago сложенія, рыжеватый, съ рыженькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растрепанную мочалку (это сравненіе и особенно слово „мочалка“ такъ и свергнули почему-то съ перваго же взгляда въ умѣ Алеша, онъ это потомъ припомнилъ). Очевидно, этотъ самый господинъ и кривнулъ изъ-за двери: „кто таковъ!“ такъ какъ другаго мужчины въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ словно сорвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ, и, на-скоро обтираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Алешѣ.

— Монахъ на монастырь просить, зналъ къ кому придти! громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ лѣвомъ углу дѣвица. Но господинъ, подбѣжавшій къ Алешѣ, мигомъ повернулся къ ней на каблучкахъ, и взволнованнымъ, срывающимся какимъ-то голосомъ ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николаевна, это не то-съ, не угадали-съ! Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять повернулся онъ къ Алешѣ, — что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣдра-съ?

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого челоуѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, спѣшащее и раздражительное. Хотя онъ, очевидно, сейчасъ выпилъ, но пьянъ не былъ. Лицо

его изображало какую-то крайнюю наглость и въ то же время, — странно это было, — видимую трусость. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое время подчинявшагося и натерпѣвшагося, но который-бы вдругъ вскочилъ и захотѣлъ заявить себя. Или, еще лучше, на человѣка, которому ужасно-бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи довольно пронзительнаго голоса слышался какой-то юродливый юморъ, то злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и скрывающійся. Вопросъ о „нѣдрахъ“ задалъ онъ какъ-бы весь дрожа, выпучивъ глаза и подскочивъ къ Алешѣ до того въ упоръ, что тотъ машинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ господинъ въ темное, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопанное и въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно какія-то свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя и изъ очень тоненькой какой-то матеріи, смятыя снизу и сбившіяся оттого наверхъ, точно онъ изъ нихъ какъ маленькій мальчикъ выросъ.

— Я... Алексѣй Карамазовъ... проговорилъ было въ отвѣтъ Алеша.

— Отмѣнно умѣю понимать-сь, тотчасъ-же отрѣзалъ господинъ, давая знать, что ему и безъ того извѣстно кто онъ такой.— Штабсъ я капитанъ-сь Снѣгиревъ-сь, въ свою очередь, но все-же желательно узнать, что именно побудило...

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя хотѣлось-бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...

— Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-сь, извольте взять мѣсто-сь. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: „извольте взять мѣсто“... и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ порожній стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не обитый) и поставилъ его чуть не по срединѣ комнаты; затѣмъ, схвативъ другой



такой-же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, по прежнему въ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти соприкасались вмѣстѣ.

— Николай Ильичъ Снѣгиревъ-съ, русской пѣхоты бывший штабсъ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный своими пороками, но все-же штабсъ-капитанъ. Скорѣе-бы надо сказать: штабсъ-капитанъ Словоерсовъ, а не Снѣгиревъ, ибо лишь со второй половины жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-ерь-съ пріобрѣтается въ униженіи.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольнo пріобрѣтается или нарочно?

— Видитъ Богъ, невольнo. Все не говорилъ, цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоерсами. Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь современными вопросами. Чѣмъ, однако, могъ возбудить столь любопытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для гостепріимства.

— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...

— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо перервалъ штабсъ-капитанъ.

— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.

— Какой-же это встрѣчи-съ? Это ужъ не той-ли самой-съ? Значить, на счетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ вдругъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣнками въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ ниточку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ! крикнулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика изъ за занавѣски въ углу. — Это я ему давеча палецъ укусилъ! Занавѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага своего, въ углу подъ образами, на прилаженной на лавкѣ и на стулѣ постелькѣ. Мальчикъ лежалъ накрытый своимъ пальтишкомъ и еще

старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ нездоровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ жару. Онъ безстрашно, не по давешнему, глядѣлъ теперь на Алешу: „Дома, дескать, теперь не достанешь“.

— Какой такой палець укусилъ? привскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.—Это вамъ онъ палець укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался; они въ него шестеро видають, а онъ одинъ. Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, потомъ другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? Онъ вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палець, не знаю за что?

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ, совсѣмъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только рассказаль...—Я вовсе не хочу чтобы вы его высѣвли! Да онъ, кажется, теперь и болѣвнъ...

— А вы думали я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму да сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полного удовлетворенія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капитанъ, вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ на него броситься.—Жалѣю, сударь, о вашемъ пальчикѣ, но не хотите-ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, свои четыре пальца, сейчасъ-же на вашихъ глазахъ, для вашего справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ оттяпаю. Четырехъ-то пальцевъ я думаю вамъ будетъ довольно-съ, для утоленія жажды мщенія-съ, пятого не потребуете?.. Онъ вдругъ остановился и какъ-бы задохся. Каждая черточка на его лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ-же съ чрезвычайнымъ вызовомъ! Онъ былъ какъ-бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно отвѣтилъ Алеша, продолжая сидѣть.—Значить, вашъ

мальчикъ—добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю, повторилъ онъ, раздумывая.—Но братъ мой Дмитрій Федоровичъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно будетъ придти къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами опять въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при всѣхъ прощеніи... если вы пожелаете.

— То есть вырвалъ бороденку и попросилъ извиненія... Все, дескать, закончилъ и удовлетворилъ, такъ-ли-съ?

— О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все что будетъ угодно и какъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ что если-бъ я попросилъ его свѣтлость стать на колѣнки предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ,—„Столичный городъ“ ему наименованіе,—или на площади-съ, такъ онъ и сталь-бы?

— Да, онъ станетъ на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ наклоненъ чувствовать великодушіе вашего братца. Позвольте-же откомендоваться вполне: моя семья, мои двѣ дочери и мой сынъ,—мой пометъ-съ. Умру я, кто-то ихъ возлюбитъ-съ? А пока живу я, кто-то меня, скверненькаго, кромѣ нихъ возлюбитъ? Великое это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ моемъ родѣ-съ. Ибо надобно чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ могъ кто-нибудь возлюбить-съ...

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте, наконецъ, паясничать, какой-нибудь дуракъ придетъ, а вы срамите! воскликнула неожиданно дѣвушка у окна, обращаясь къ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повремените немного, Варвара Николаевна, позвольте выдержать направленіе, крикнулъ ей отецъ хотя и повелительнымъ тономъ, но однако весьма одобри-

тельно смотря на нее.—Это ужь у насъ таковой характеръ-сь, повернулся онъ опять къ Алешѣ.

«И ничего во всей природѣ  
Благословить онъ не хотѣлъ».

То есть надо-бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хотѣла-сь. Но теперь позвольте васъ представить и моей супругѣ: вотъ-сь Арина Петровна, дама безъ ногъ-сь, лѣтъ сорова трехъ, ноги ходять да немножко-сь. Изъ простыхъ-сь. Арина Петровна, разглядѣте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. Встаньте, Алексѣй Ѳедоровичъ,—онъ взялъ его за руку и съ силой, которой даже нельзя было ожидать отъ него, вдругъ его приподнялъ:—вы дамѣ представляетесь, надо встать-сь. Не тотъ-сь Карамазовъ, маменька, который... гм! и такъ далѣе, а братъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Позвольте, Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте вашу ручку предварительно поцаловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже поцаловаль у супруги ручку. Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ сценѣ спиной, надменно вопросительное лицо супруги вдругъ выразило необыкновенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговорила она.

— Карамазовъ, маменька, Карамазовъ (мы изъ простыхъ-сь), подшепнулъ онъ снова.

— Ну Карамазовъ или какъ тамъ, а я всегда Черномазовъ... Садитесь-же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ? Дама безъ ногъ, онъ говоритъ, ноги-то есть, да распухли какъ ведра, а сама я высохла. Прежде-то я куда была толстая, а теперь вонъ словно иглу проглотила...

Она вдругъ разрыдалась, слезы брызнули ручьемъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька, маменька, голубчикъ, полно, полно! Не одинокая ты. Всѣ-то тебя любятъ, всѣ обожаютъ!

и онъ началъ опять цаловать у нея обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея лицу своими ладонями; схвативъ же салфетку, началъ вдругъ обтирать съ лица ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него и у самого за-сверкали слезы.—Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ? какъ-то вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой на бѣдную слабоумную.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа! крикнуть вдругъ мальчишѣ, привставъ на своей постелькѣ и горящимъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, паясничать, ваши выверты глупые показывать, которые ни къ чему никогда не ведутъ!.. совсѣмъ уже озлившись, крикнула все изъ того угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выходить, Варвара Николаевна, и я васъ стремительно удовлетворю. Ну-съ, шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я вотъ картузь возьму—и пойдете-съ. Надо вамъ одно серьезное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ сидящая дѣвица—это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ я вамъ ее представить,—ангелъ Божій во плоти... къ смертнымъ слетѣвшій... если можете только это понять...

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой его сводить, продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

— А это вотъ что теперь на меня ножкой топаетъ и паяцомъ меня давеча обличила, — это тоже ангелъ Божій во плоти-съ, и справедливо меня обозвала-съ. Пойдете-же, Алексѣй Ѳедоровичъ, покончить надо-съ...

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ комнаты прямо на улицу.

## На чистомъ воздухѣ.

— Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня и впрямь не свѣжо; во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, шагкомъ. Очень-бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣло... замѣтилъ Алеша,—и только не знаю какъ мнѣ начать.

— Какъ не знать, что у васъ до меня дѣло-съ? Безъ дѣла-то вы-бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ только жаловаться на мальчижа приходили-съ? Такъ вѣдь это невѣроятно-съ. А кстати, о мальчижѣ-съ: я вамъ тамъ всего изъяснить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ опишу-съ. Видители, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю назадъ,—я про бороденку мою говорю-съ; это вѣдь бороденку мою мочалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-съ, тянетъ меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Федоровичъ за мою бороденку, за ничто-съ, забуянилъ, а я подвернулся, вытянулъ изъ трактира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы выходятъ, а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ-съ,—бросился ко мнѣ: „Папа, кричитъ, папа!“ Хватается за меня, обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему обидчику: „Пустите, пустите,

это папа мой, папа, простите его“, — такъ вѣдь и кричить: „простите“; рученками-то тоже его схватилъ, да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цалуетъ-сь... Помню я въ ту минуту какое у него было личико-сь, не забылъ-сь и не забуду-сь!..

— Клявусь, воскликнулъ Алеша, — братъ вамъ самымъ искреннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразить раскаяніе, хотя-бы даже на колѣняхъ на той самой площади... Я заставлю его, иначе онъ мнѣ не братъ!

— Ага, такъ это еще въ прожектѣ находится. Не прямо отъ него, а отъ благородства лишь вашего сердца исходитъ пылаго-сь. Такъ-бы и сказали-сь. Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ и о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благородствѣ вашего братца досказать, ибо онъ его тогда выразилъ-сь. Кончилъ онъ это меня за мочалку тащить, пустилъ на волю-сь: „Ты, говоритъ, офицеръ и я офицеръ, если можешь найди секунданта, порядочнаго человѣка, то присылай — дамъ удовлетвореніе, хотя-бы ты и мерзавецъ!“ Вотъ что сказалъ-сь. Во истину рыцарскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная фамиліальная картина на вѣѣи у Илюши въ памяти душевной отпечатлѣлась. Нѣтъ, ужъ гдѣ намъ дворянами оставаться-сь. Да и посудите сами-сь, изволили сами быть сейчасъ у меня въ хоромахъ, — что видѣли-сь? Три дамы сидятъ-сь, одна безъ ногъ слабоумная, другая безъ ногъ горбатая, а третья съ ногами, да слишкомъ ужъ умная, курсистка-сь, въ Петербургъ снова рвется, тамъ на берегахъ Невы права женщины русской отыскивать. Про Илюшу не говорю-сь, всего девять лѣтъ-сь, одинъ какъ перстъ, ибо умри я — и что со всѣми этими нѣдрами станется, я только про это одно васъ спрошу-сь? А если такъ, то вызови я его на дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ-же и убьетъ, ну что-же тогда? Съ ними-то тогда со всѣми что станется-сь? Еще хуже того если

онъ не убьетъ-сь, а лишь только меня искалѣчить: работать нельзя, а ротъ-то всетаки остается, кто-жь его накормить тогда, мой ротъ, и кто-жь ихъ-то всѣхъ тогда накормить-сь? Аль Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать ежедневно? Такъ вотъ что оно для меня значить-сь на дуэль-то его вызвать-сь, глупое это слово-сь и больше ничего-сь.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди площади вамъ въ ноги поклонится, — вскричалъ опять Алеша съ загорѣвшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-капитанъ, — но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется удовлетворенія за личную обиду мою съ обидчика получить-сь? А тутъ вдругъ Аграфена Александровна призываетъ меня и кричитъ: „Думать не смѣй! Если въ судъ его позовешь, такъ подведу такъ, что всему свѣту публично обнаружится, что билъ онъ тебя за твое-же мошенничество, тогда самого тебя подъ судъ упекутъ“. А Господь одинъ видитъ отъ кого мошенничество-то это вышло-сь, и по чьему приказу я какъ мелкая сошка тутъ дѣйствовалъ-сь, — не по ея-ли самой распоряженію, да Федора Павловича? „А къ тому-же, прибавляетъ, на вѣки тебя прогоню, и ничего ты у меня впредь не заработаешь. Купцу моему тоже скажу (она его такъ и называетъ, старика-то: купецъ мой), такъ и тотъ тебя сгонитъ“. Вотъ и думаю, если ужъ и купецъ меня сгонитъ, то чтò тогда, у кого заработаю? Вѣдь они только двое мнѣ и остались, такъ какъ батюшка вашъ Федоръ Павловичъ не только мнѣ довѣрялъ пересталъ, по одной посторонней причинѣ-сь, но еще самъ, заручившись моими росписками, въ судъ меня тащить хочетъ. Вслѣдствіе сего я и притихъ-сь и вы нѣдра видѣли-сь. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ пальчикъ давеча укусилъ, Илюша-то? Въ хоромехъ-то я при немъ войти въ сію подробность не рѣшился.



— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. Онъ мнѣ какъ Карамазову за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно теперь. Но если-бы вы видѣли какъ онъ съ товарищами школьниками камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его убить, они дѣти, глупы, камень летитъ и можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову, такъ въ грудь-съ повыше сердца-съ сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, пришелъ плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣхъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику, Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ...

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чиновникъ здѣшній, еще, можетъ быть, хлопоты выйдутъ-съ...

— Я-бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алеша, — нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу пока онъ уймется... и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

— Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ, — именно гнѣвъ-съ. Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всего не знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. Дѣло въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ стали его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный: порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостны. Начали они его дразнить, воспрянулъ въ Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, слабый сынъ, — тотъ бы смирился, отца своего застыдилъ, а этотъ одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину-съ, за правду-съ. Ибо, что онъ тогда вынесъ, какъ вашему братцу руки цаловалъ и кричалъ ему: „Простите папочку, простите папочку“ — то это только Богъ одинъ знаетъ да я-съ. И вотъ такъ-то дѣтки наши — то есть не ваши, а

наши-съ, дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ еще въ девять лѣтъ отъ роду узнають-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту самую минуту на площади-то-съ, какъ руви-то его цаловаль, въ ту самую минуту всю истину произошелъ-съ. Въ тотъ самый день онъ у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю ночь бредилъ. Весь тотъ день мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ даже, только замѣтилъ я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла, а все больше къ окну припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто-бы уроки учить, а я вижу, что не уроки у него на умѣ. На другой день я выпилъ-съ и многого не помню-съ, грѣшный человекъ, съ горя-съ. Маменька тоже тутъ плакать начала-съ,—маменьку-то я очень люблю-съ,—ну, съ горя и влюбнулъ, на послѣднія-съ. Вы, сударь, не презирайте меня: въ Россіи пьяные люди у насъ самые добрые. Самые добрые люди у насъ и самые пьяные. Лежу это я и Илюшу въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно день мальчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ; „Мочалва, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира тащили, а подлѣ бѣжалъ и прощенія просилъ“. На третій это день пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю, лица на немъ нѣтъ, поблѣднѣлъ. Чтò ты, говоришь? Молчишь. Ну, въ хоромахъ-то нечего было разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы участіе примуть—дѣвицы-то къ тому-же узнали, даже еще въ первый день. Варвара-то Николаевна уже стала ворчать: „Шуты, паяцы, развѣ можетъ у васъ чтò разумное быть“.—Такъ точно, говорю, Варвара Николаевна, развѣ можетъ у насъ чтò разумное быть? Тѣмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ въ вечеру я и вывелъ мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ, каждый вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому съ вами теперь идемъ, отъ самой нашей калитки

до вонъ того камня большущаго, который вонъ тамъ на дорогѣ сиротой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ городской начинается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ мы съ Илюшей, ручья его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у него ручья, пальчики тоненькіе, холодненькіе,—грудкой вѣдь онъ у меня страдаетъ.—„Папа, говоритъ, папа!“—Чтò, говорю ему—глазенки вижу у него сверкають.—„Папа, какъ опъ тебя тогда, папа!“—Чтò дѣлать, Илюша, говорю.—„Не мирись съ нимъ, папа, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять рублей за это далъ“.—Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ отъ него не возьму теперь ни за чтò. Такъ онъ и затрясся весь, схватилъ мою руку въ свои обѣ ручки, опять цалуется.—„Папа, говоритъ, папа, вызови его на дуэль, въ школѣ дразнять, что ты трусь и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьмешь“.—На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и излагаю ему вкратцѣ все то, чтò и вамъ на сей счетъ сейчасъ изложилъ. Выслушалъ онъ:—„Папа, говоритъ, папа, всетаки не мирись: я выросту, я вызову его самъ и убью его!“ Глазенки-то сверкають и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно-жь было ему слово правды сказать: грѣшно, говорю я ему, убивать, хотя-бы и на поединкѣ.—„Папа, говоритъ, папа, я его повалю, какъ большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: могъ-бы тебя сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!“—Видите, видите, сударь, какой процессивъ въ головкѣ-то его произошелъ въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ именно мщеніи съ саблей думалъ и ночью, должно быть, объ этомъ бредилъ-съ. Только сталъ онъ изъ школы приходитъ больно битый, это третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше ужъ въ школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ всего класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызы-

ваетъ, самъ озлился, сердце въ немъ зажглось, — испугался я тогда за него. Опять ходимъ гуляемъ. — „Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь богатые всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ? — Да, говорю, Илюша, нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе богатаго. — „Папа, говоритъ, я разбогатѣю, я въ офицеры пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградить, я приѣду и тогда никто не посмѣетъ“... Потомъ помолчалъ да и говоритъ, — губенки-то у него все по прежнему вздрагиваютъ. — „Папа, говоритъ, какой это нехорошій городъ нашъ, папа!“ — Да, говорю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ. — „Папа, переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говоритъ, городъ, гдѣ про насъ и не знаютъ.“ — Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ, Илюша, — вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю отвлечь его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, какъ мы въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да телѣжку. Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами сбоку пойдёмъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду, потому, лошадку свою побережь надо, не всѣмъ-же садиться, такъ и отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя лошадка будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужъ извѣстно, что русскій мальчикъ такъ и родится вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго; слава Богу, думаю, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечеромъ было, а вчера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ въ эту школу пошелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ. Вечеромъ взялъ я его за ручку, вывелъ гулять, молчить, не говорить. Вѣтерокъ тогда начался, солнце затмилось, осенью повѣяло, да и смеркалось ужъ, — идемъ, обоимъ намъ грустно. — Ну, мальчикъ, какъ-же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то соберемся, — думаю, на вчерашній-то разговоръ навести. Молчить. Только пальчики его слышу въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю, плохо, новое есть. Дошли мы вотъ, какъ теперь, до этого самаго

камня, сѣлъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи запущены, гудятъ и трещать, змѣевъ тридцать видно. Вѣдь нынѣ змѣинный сезонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора-бы и намъ змѣекъ проплогоднѣй запустить. Починю-ка я его, гдѣ онъ у тебя тамъ спрятанъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сторону, стоитъ ко мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, понесло пескомъ... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ мнѣ обѣими рученками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, да какъ вдругъ прорвутся, если горе большое придетъ, такъ вѣдь не то что слезы потекутъ-съ, а брызнуть словно ручьи-съ. Теплыми-то брызгами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ все лицо. Зарыдалъ, какъ въ судорогѣ затрясся, прижимаетъ меня къ себѣ, я сижу на камнѣ. — „Папочка, вскрикиваетъ, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ!“ Зарыдалъ тутъ и я-съ, сидимъ и сотрясаемся обнявшись. — „Папочка, говоритъ, папочка!“ — Илюша, говорю ему, Илюшечка! Никто-то насъ тогда не видалъ-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуляръ занесетъ-съ. Поблагодарите вашего брата, Алексѣй Ѳедоровичъ. Нѣтъ-съ, я моего мальчишка для вашего удовлетворенія не высѣку-съ!

Кончилъ онъ опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродливымъ вывертомъ. Алеша почувствовалъ, однако, что ему ужъ онъ довѣряетъ и что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ этотъ человекъ не сталъ-бы такъ „разговаривать“ и не сообщилъ-бы ему того, что сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило Алешу, у котораго душа дрожала отъ слезъ.

— Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчикомъ! воскликнулъ онъ. — Если-бы вы это устроили...

— Точно такъ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте, продолжалъ восклицать Алеша, — слушайте!

Я имѣю къ вамъ порученіе: этотъ самый мой братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и свою невѣсту, благороднѣйшую дѣвушку, и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, я даже долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду, и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ... давеча... снести вамъ это вспоможеніе отъ нея... но только отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отнюдь нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь, а отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ-же человекомъ... Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ него такую-же обиду (по силѣ обиды),— какъ и вы отъ него! Это значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры, зная, что вы такъ нуждаетесь. Никто-то объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетенъ не можетъ произойти... вотъ эти двѣсти рублей и, влянись,—вы должны принять ихъ, иначе... иначе, стало быть, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть же и на свѣтѣ братья.. У васъ благородная душа... вы должны это понять, должны!

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевныя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большаго камня, у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, казалось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ, но сначала какъ-бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго ему и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Помощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже и во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло въ лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти

рублей! Батюшки! Да я ужъ четыре года не видалъ такихъ денегъ, -- Господи! И говоритъ, что сестра. . и вправду это, вправду?

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда! вскричалъ Алеша. Штабсъ-капитанъ покраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь если я и приму, то вѣдь не буду-же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлецомъ? Нѣтъ-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ, торопился онъ поминутно, дотрогиваясь до Алеши обѣими руками, — вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что „сестра“ посылаетъ, а внутри-то, про себя-то, — не почувствуете ко мнѣ презрѣнія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что нѣтъ! И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она!

— Слушайте Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, вѣдь ужъ теперь минута такая пришла-съ, что надо выслушать, ибо вы даже и понять не можете, что могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей, продолжалъ бѣднякъ, приходя постепенно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ-бы сбить съ толку, говорилъ-же чрезвычайно спѣша и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего высказать. — Кромѣ того, что это честно приобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой „сестры-съ“, знаете-ли вы, что я маменьку и Ниночку, — горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить теперь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: „Не понимаю, говоритъ, ничего“, а, однако-жь, минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода

стбитъ тридцать копѣекъ, а кувшиновъ-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да рецептъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. А Нивочку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ-жѣ намъ было сочинить такое лѣчение-сь у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и безъ воды-сь? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ, я вамъ это еще и не говорилъ, по ночамъ ноетъ у нея вся правая половина, мучается, и, вѣрите-ли, ангелъ Божій, врѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы что попало, что добудется; такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что собакѣ только можно вывинуть: „Не стою я, дескать, этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижусь“. Вотъ что ея взглядъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тягостно: „Не стюю я этого, не стюю, недостойная я калѣва, бесполезная“, — а еще-бы она не стоила-сь, когда она всѣхъ насъ своею ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея тихаго слова, у насъ былъ-бы адъ-сь, даже Варю и ту смягчила. А Варвару-то Николаевну тоже не осуждайте-сь, тоже ангелъ она, тоже обиженная. Прибыла она въ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили и не на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-сь. Да и нельзя воротиться-то, потому, на насъ какъ ваторжная работаетъ, вѣдь мы ее какъ влячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходить, чинить, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька капризная-сь, а маменька слезливая-сь, а маменька сумасшедшая-сь!.. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-сь, понимаете-ли вы, Алексѣй Федоровичъ,



лѣченіе милыхъ существъ предпринять могу-сь, курсиству въ Петербургъ направлю-сь, говядины куплю-сь, діату новую заведу-сь. Господи, да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастья и что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте, схватился опять за новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ капитанъ и опять затараторилъ изступленною скороговоркой, — да знаете-ли вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечту осуществимъ: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненькую, онъ просилъ непременно чтобы вороненькую, да и отправимся, какъ третьяго дня расписывали. У меня въ К—ской губерніи адвокатъ есть знакомый-сь, съ дѣтства пріятель-сь, передавали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ мнѣ у себя на конторѣ мѣсто писмоводителя будто-бы дастъ-сь, такъ вѣдь это его знаетъ, можетъ, и дастъ... Ну, такъ посадить-бы маменьку, посадить-бы Ниночку, Илюшечку править посажу, а я-бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ-бы и повезъ-сь... Господи, да если-бы только одинъ долларъ пропацій здѣсь получить, такъ, можетъ, достанетъ даже и на это-сь!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша, — Катерина Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и, знаете-ли, у меня тоже есть деньги, возьмите сколько вамъ надо, какъ отъ брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите... (Вы разбогатѣете, разбогатѣете!). И знаете, что никогда вы ничего лучше даже и придумать не въ состояніи какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ ваше спасеніе, а главное, для вашего мальчишка, — и знаете, поскорѣе-бы, до зимы-бы, до холодовъ, и написали-бы намъ оттуда, и остались-бы мы братьями... Нѣтъ, это не мечта!

Алеша хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ остано-

вился: тотъ стоялъ вытянувъ шею, вытянувъ губы, съ изстуженнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ, и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-то выговорить; звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами, было какъ-то странно.

— Чего вы! вздрогнулъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Алексѣй Федоровичъ... я... вы... бормоталъ и срывался штабсъ-капитанъ, странно и дико смотря на него въ упоръ съ видомъ рѣшившагося полетѣть съ горы, и въ тоже время губами какъ-бы и улыбаясь,— я-съ... вы-съ... А не хотите-ли я вамъ одинъ фокусикъ сейчасъ покажу-съ! вдругъ прошепталъ онъ быстрымъ, твердымъ шепотомъ, рѣчь уже не срывалась болѣе.

— Какой фокусикъ?

— Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой, все шепталъ штабсъ-капитанъ; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ прищурился, онъ не отрываясь все смотрѣлъ на Алешу, точно приковался къ нему.

— Да что съ вами, какой фокусъ? прокричалъ тотъ ужъ совсѣмъ въ испугѣ.

— А вотъ какой, глядите! взвизгнулъ вдругъ штабсъ-капитанъ.

И, показавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время, въ продолженіи всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смаялъ и врѣпко зажалъ въ кулакѣ правой руки.

— Видѣли-съ, видѣли-съ! взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный и изстуженный, и вдругъ, поднявъ вверхъ кулакъ, со всего розмаху бросилъ обѣ сматыя кредитки на песокъ,—видѣли-съ? взвизгнулъ онъ опять показывая на нихъ пальцемъ,—ну, такъ вотъ-же-съ!..

И вдругъ поднавъ правую ногу, онъ съ дикою злобой бросился ихъ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каждымъ ударомъ ноги.

— Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вдругъ онъ отскочилъ назадъ и выпрямился предъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой неизъяснимую гордость.

— Доложите пославшимъ васъ, что мочалва чести своей не продаетъ-съ! вскричалъ онъ, простирая на воздухъ руку. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ сдѣлалъ Алешѣ ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ, онъ въ послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ разъ безъ искривленнаго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричалъ онъ:

— А что-жь-бы я моему мальчику-то сказалъ, если-бъ у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ? и, проговоривъ это, бросился бѣжать, на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеша глядѣлъ ему вслѣдъ съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ до самаго послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомбаетъ и швырнетъ кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и зналъ Алеша, что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не захотѣлъ, онъ зналъ почему? Когда-же тотъ исчезъ изъ виду, Алеша поднялъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплюснуты и вдавлены въ песокъ, и совершенно цѣлы и даже захрустѣли, какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея порученія.

---

## Коля Красоткинъ.

Ноябрь въ началѣ. Сталъ морозъ градусовъ въ одиннадцатъ, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухаго снѣгу, и вѣтеръ „сухой и острый“ подымаетъ его и мететь по свучнымъ улицамъ нашего городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и сваружи, и снутри домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ давно померъ. Вдова посвятила всю себя воспитанію сына Коли, и хоть любила его безъ памяти, но ужь, конечно, перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ заболѣетъ, простудится, напалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч., и проч. Когда-же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли, школьниковъ, и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и ва-

чали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сыночекъ. Но мальчикъ съумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, „ужасно сильный“, какъ пронеслась и скоро утвердилось молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предприимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдерживать себя самого, а въ отношеніяхъ въ началству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и замѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И, однако, онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать „экстрафеферу“, шикнуть, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ отношеніи подчиненная, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее „мало любитъ“. Ей непрерывно казалось, что Коля къ ней „безчувственъ“, и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ-бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно, — таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ только „телячьихъ нѣжностей“, какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался шкафъ,

въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ вмѣсто того чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастъ. Впрочемъ, въ послѣднее время хотя мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости испугавшія мать не на шутку,—отчаянныя, головорѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сыномъ отправились погостить на недѣлку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги. Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но наплись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству,—всего молодого народа, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или изъ безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ

котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ, вонечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но, однако-же, каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали передъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ „маленькаго“, что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхъ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги въ кустахъ. Наконецъ, загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. „Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!“ закричали Колѣ изъ вустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскочилъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава „отчаяннаго“ за нимъ укрѣпилась на вѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ прогимназію и достигло до

ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ не бывшее вовсе.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая переменѣна. Когда Анна Ѳедоровна (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сына, то чуть не сошла съума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серьезно Коля, далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ повлялся на колѣнкахъ предъ образомъ и повлялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Красоткина, причемъ „мужественный“ Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчишкѣ отъ „чувствъ“, и мать, и сынъ во весь тотъ день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотрясаясь. На другой день Коля проснулся по прежнему „безчувственнымъ“, однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе.

Въ морозное и сиверкое ноябрьское утро, Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непременно надо было идти со двора „по одному весьма важному дѣлу“, а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его.

Служанка самой г-жи Красоткиной, баба Агаея, ушла на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ, на время, хранителемъ и караульщикомъ „пузырей“, то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одишенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому-же была собака Перезвонъ, которой повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой „безъ движеній“, и который именно, поэтому каждый разъ, какъ



входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но увы, призывнаго свиста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что смущало Колю, то единственно „пузыри“.

Пузырей онъ очень любилъ и уже снесъ имъ какую-то дѣтскую книжку. Настя, старшая дѣвочка, восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ, Костя, очень любилъ слушать, когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ-бы ихъ занять интереснѣе, то есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты, или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ прежде и не брезгалъ дѣлать, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было-бы позорно играть въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для „пузырей“, потому что ихъ любить, а въ чувствахъ его нието не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали-же его оба „пузыря“. Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѣя, на которую можно-бы было оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ черезъ сѣни, отворялъ дверь въ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ „пузырей“, которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая, что вотъ онъ войдетъ и сдѣлаетъ что-нибудь прекрасное и забавное. Но Коля

былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ, пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если черезъ десять минутъ „проклятая“ Агаѣя не воротится, то онъ уйдетъ со двора, ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ „пузырей“ слово, что они безъ него не струсятъ, не напалятъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, не смотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобъ онъ по „такому холоду“, выходя со двора, всегда надѣвалъ валочки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя черезъ переднюю и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ и даже испустилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредить дисциплинѣ, и хоть минуту, а выдержалъ его еще подъ лавкой, и, уже отворивъ только дверь въ сѣни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ „пузырямъ“. Оба по прежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ, — и вы должны мнѣ помочь: Агаѣя, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ-же необходимо со двора. Отпустите вы меня али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осклабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они, впрочемъ, еще не понимали вполнѣ чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на шкапъ, не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я-бы вамъ зато могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтоевъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то поважите! Смотри, на колескахъ,—прокатилъ онъ игрушку по столу, — и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стѣдуетъ навести,—и Красоткинъ растолковалъ куда положить порохъ, куда ввѣстить дробинку, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и рассказалъ, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ просящею улыбкою.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь.

— Вотъ, только не было-бы гдѣ огня, а то такъ и взорветъ и васъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившемъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась дробь.

— А дробь не горить? — освѣдомился онъ.

— Дробь не горить.

— Подарите мнѣ немножко дробы, проговорилъ онъ умоляющимъ голоскомъ.

— Дробы немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ-же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ — пока я приду. И такъ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха.

— Заплачемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непременно заплачемъ! подхватила пугливую скороговоркой и Настя.

— Охъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попросилъ Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Ісі, Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та представлять все что знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняжку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрывомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, брссалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія, какъ мертвал. Во время этой послѣдней шутки отворилась дверь и Агаея, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показавшись на порогѣ, возвратясь съ базара съ кулькомъ накупленной провизіи въ руеѣ.

Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаея, представленія не прерывалъ и, выдержавъ Перезвона определенное время мертвымъ, наконецъ-то счистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песь! проговорила назидательно Агаея.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красотеинъ.

— Женскій полъ, ишь, пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Чтѣ тебѣ что я опоздала, значить такъ надо, коли опоздала, бормотала Агаея, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ, а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, вставая съ дивана, Красотеинъ, — можешь ты мнѣ поплястись всѣмъ, чтѣ есть святаго въ этомъ мѣрѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ плястись стану? засмѣялась Агаея, — и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе какъ поплявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

— Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ, — эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно-бы воротиться надо. Сверхъ того, дастъ вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь имъ, Агаея?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ

сердцемъ. А ты, бабуся, — вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя мимо Агаеви, — надѣюсь, не станешь имъ врать обычныя ваши бабьи глупости. Ісі, Перезвонъ!

— И ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Агаеви. — Смѣшной! Выпороть самого-то, вотъ что, за такія слова.

Но Коля уже не слышалъ. Наконецъ-то онъ могъ уйти. Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и, проговоривъ: „морозъ!“ направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку къ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ кармашка свистульку и свистнулъ изъ всей силы, какъ-бы подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты, изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румявенькій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ очевидно выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые видали камнями черезъ канаву въ Илюшу, и который рассказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ. — Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка.

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя-ли-бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ,—вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая-же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ,—нельзя-ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ быть, и повѣрить?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю-же. Но Перезвонъ его не утѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь чтò: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшить Илюшу, только врядъ-ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю, у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышетъ—дышетъ, нехорошо онъ дышетъ. Намедни попросилъ, чтобъ его поводили, обули его въ сапожки, пошелъ было, да и валится. „Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что это у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было не ловко ходить“. Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять богаты, у нихъ много денегъ.

— Я отрицаю медицину. Безполезное учрежденіе. Я, впрочемъ, все это изслѣдую. Что это у васъ тамъ за сентиментальности, однако, завелись? Вы тамъ всѣмъ классомъ, кажется, пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходитъ туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Карамазова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ за преступленіе, а у него столько времени на сентиментальничанье съ мальчиками?

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья. Самъ-же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться! Смѣшное выраженіе.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ идти? воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду самъ по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почему ты знаешь, я, можетъ, вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вотсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазовымъ. И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ колъ умереть Илюша. Онъ видитъ, что Илюша умретъ. А самъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не прибавилъ. Спросить и замолчить. А отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный человекъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ виновать, что избилъ его тогда.

— А всетаки Карамазовъ для меня загадка. Я могъ-бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ, я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолкъ; Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется, благоговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и



не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. Теперь же былъ ужасно заинтересованъ, потому что Коля объяснилъ, что идетъ „самъ по себѣ“, и была тутъ, стало быть, непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что Коля вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли по базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много пріѣзжихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія бабы торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и проч. Такіе воскресные сѣзды наивно называются у насъ въ городкѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году. Перезвонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь безпрестанно направо и налево гдѣ нибудь что-нибудь понюхать.

Коля указалъ на рослаго мужика въ тулупѣ, съ добродушною фізіономіей, который у своего воза хлопывалъ отъ холода ладонями въ рукавицахъ. Длинная русая борода его вся заиндевѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! громко и задирчиво крикнулъ Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно промолвилъ въ отвѣтъ мужикъ.

— Не задирай его, замѣтилъ Смуровъ.

— Ничего, не осердится, онъ хорошій. Прощай, Матвѣй.

— Прощай.

— А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

— Не зналъ; я наугадъ сказалъ.

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ небось?

— Въ школьникахъ.

— Чтѣ-жь тебя порютъ?

— Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

— Не безъ того!

— Эхъ, жисть! вздохнулъ мужикъ отъ всего сердца.

— Прощай, Матвѣй.

— Прощай. Парнишка ты милый, вотъ что.

Мальчики пошли дальше.

— Это хорошій мужикъ, заговорилъ Коля Смурову.—Я люблю поговорить съ народомъ и всегда радъ отдать ему справедливость.

— Зачѣмъ ты ему совралъ, что у насъ сѣкутъ? спросилъ Смуровъ.

— Надо-же было его утѣшить!

— Чѣмъ это?

— Видишь, Смуровъ, не люблю я когда переспрашиваютъ, если не понимаютъ съ перваго слова. Иного и растолковать нельзя. По мысли мужика, школьника порютъ и должны пороть: что, дескать, за школьникъ, если его не порютъ? И вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ, вѣдь онъ этимъ огорчится. А, впрочемъ, ты этого не понимаешь.

— Только не задирай, пожалуйста, а то опять выйдетъ исторія, какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься.

— Не смѣйся, Коля, ей Бѣгу боюсь. Отецъ ужасно разсердится. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ. Здравствуй, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговыхъ подъ навѣсомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила торговка, далеко еще не старая женщина.

— Это хорошо, что Марья, прощай.

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лоткахъ рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ-подъ аркады городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того, ни съ сего, одинъ раздраженный человѣкъ въ родѣ купеческаго прикащика, и не нашъ торговецъ, а изъ пріѣзжихъ, въ длиннополомъ синемъ кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ темнорусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ

лицомъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тогчася принялся грозить Колѣ вулакомъ.

— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно, — я тебя знаю!

Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ припомнить, когда онъ съ этимъ человѣкомъ могъ имѣть какую-нибудь схватку. Но мало-ли у него было схватокъ на улицахъ, всѣхъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! наладилъ, какъ дуракъ, мѣщанинъ.

— Тебѣ-же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!

— Чего озорничаетъ? закричалъ мѣщанинъ. — Ты опять озорничать? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озорничая, произвесь Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Такъ, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не твое.

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ удивленіемъ, хотя все также горячася, уставился на Колю парень. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдругъ спросилъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ, опѣшилъ немного парень.

— Сабанѣва знаешь? еще настойчивѣе и еще строже продолжалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣва? Нѣтъ, не знаю.

— Ну, и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдругъ Коля и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своею дорогой, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, который Сабанѣва даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣва? опомнился парень, весь опять заволновавшись.— Это онъ чего такого говорилъ? повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря на нихъ.

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣва? все неистово повторялъ парень, махая правою рукой.

— А это, надоть быть, Сабанѣва, который у Кузьмичевыхъ служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна баба.

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми-чева? переговорила другая баба,— да какой онъ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Трифономъ Никитичемъ называлъ, стало, не онъ.

— Это, вишь, не Трифонъ и не Сабанѣвъ, это Чишовъ, подхватила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серьезно слушавшая,— Алексѣй Иванычемъ звать его. Чишовъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Это такъ и есть что Чишовъ, настойчиво подтвердила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на другую.

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ зачѣмъ, люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи:— „Сабанѣва знаешь?“ А чортъ его знаетъ, какой онъ есть таковъ Сабанѣвъ?

— Безтолковый ты человекъ, говорятъ тѣ не Сабанѣвъ, а Чишовъ, Алексѣй Ивановичъ Чишовъ, вотъ кто! внушительно крикнула ему одна торговка.

— Какой Чишовъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядъ мнѣ твоего Чишова, люди добрые, а?

— А я почему знаю на кой тѣ лядъ Чишова.

— А кто тебя знаетъ, на что онъ тебѣ, подхватила другая, — самъ долженъ знать, на что его тебѣ надо, коли галдишь. Вѣдь онъ тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человекъ. Аль вправду не знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортъ его дери Чижова, съ тобой вмѣстѣ! Отволочу его, вотъ что! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуравъ ты вотъ что!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку отволочу, вотъ что! Давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагаль уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричащую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ все еще опасался какъ-бы не пасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣва? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почему я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера крику будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣть себѣ, говорятъ: „Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза“, но и русская фізіономія выдаетъ себя. Ну, не написано-ль у этого на лицѣ, что онъ дуравъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его, Коля, пойдѣмъ мимо.

— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхаль. Эй! здравствуй, мужикъ!

Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже, должно быть, выпившій, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бородой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь! не торопливо проговорилъ онъ въ отвѣтъ.

— А коль шучу? засмѣялся Коля.

— А шугишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно чтобъ пошутить.

— Виновать, братъ, пошутилъ.

— Ну и Богъ тѣ прости.

— Ты-то прощаешь-ли?

— Очень прощаю. Ступай.

— Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.

— Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно отвѣтилъ мужикъ.

— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.

— Вѣрно говорю.

— А пожалуй, что и такъ.

— То-то, братъ.

— Прощай, мужикъ.

— Прощай.

— Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смурову послѣ нѣкотораго молчанія. — Почему-же я зналъ, что нарвусь на умника. Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половина двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь до жилища штабсъ-капитана Снѣгирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ, — войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А что-же на морозѣ знакомиться?

— Это ужъ я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо сюда на морозъ, деспотически отрѣзалъ Коля (что ужасно любилъ дѣлать съ этими „маленькими“), и Смуровъ побѣждалъ исполнять приказаніе.

## Жучка.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ забору и сталъ ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно уже хотѣлось встрѣтиться. Онъ много наслышался о немъ отъ мальчиковъ, но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презрительно равнодушный видъ когда ему о немъ говорили, даже „критиковалъ“ Алешу, выслушивая то, что о немъ ему передавали. Но про себя очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ выслушанныхъ имъ разсказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ; за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши было какое-то совсѣмъ радостное лицо. „Неужели такъ радъ мнѣ?“ съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно спи-тый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ случаѣ радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и много слышалъ, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того-бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы заповѣдали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непременно умретъ.

— Что вы!

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Колѣ.—Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось-бы всѣмъ Жучку, слышалъ все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я, главное, съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ онъ.—Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ приготовительный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный классъ: мальчишки, дѣтвора. Илюшу тотчасъ-же начали задирать. Я двумя классами выше и, разумѣется, смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они-то его пуще. Главное, у него тогда было платьишко сверное, штанишки на верхъ лѣзутъ, а сапоги каши просятъ. Они его и за это. Унижаютъ. Нѣтъ, этого ужъ я не люблю, тотчасъ-же заступился и экстрафѣферу



задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ, вы знаете-ли это, Карамазовъ?— похвастался Коля.— Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и теперь на шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня задержали. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что гордый, но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. Примѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякаихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И въ тому-же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски,— преданъ рабски, а вдругъ засвербаютъ глазенки и не хочетъ даже соглашаться со мной, спорить, на стѣну лѣзетъ. И вотъ, чтобъ его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣженѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду вышколить характеръ, выровнять, создать человѣка.. ну и тамъ... вы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, то есть звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ,—взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть въ него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, гдѣ ее просто не кормили, а она-то

весь день на вѣтеръ лаеъ. Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжить и все визжить, и исчезла,—такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ—плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается. „Бѣжить и визжить, бѣжить и визжить“—только это и повторяетъ, поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызения совѣсти. Я принялъ серьезно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его прошколить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился, что въ такомъ негодованіи, какого, можетъ, и не было у меня вовсе: „Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлець, я, конечно, не разглашу, но пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной пришелъ и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду-ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя на вѣки, какъ подлеца“. Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда-же почувствовалъ, что, можетъ быть, слишкомъ строго отнесся, по чтò дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя, посылаю еъ нему Смурова и чрезъ него передаю, что я съ нимъ больше „не говорю“, то есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но чтò-же вы думаете: выслушалъ отъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: „Передай, закричалъ онъ,—отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!“ „А, думаю, вольный душонокъ завелся, его надо выкурить“, и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ тутъ происходитъ этотъ случай съ его отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ

образомъ уже предварительно приготовлень былъ къ страшному раздраженію. Мальчишки, видя, что я его оставилъ, навинулись на него, дразнять: „мочалка, мочалка“. Вотъ тутъ-то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалью, потому что его, кажется, очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросился на всѣхъ на дворѣ когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И, бланусь, я не помню, чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ тогда очень, очень стало жалко его, и еще мигъ, и я-бы бросился его защищать. Но онъ вдругъ встрѣтилъ мой взглядъ: чтó ему показалось — не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ-бы говоря взглядомъ: „Не хочешь-ли, молъ, еще, за всю мою дружбу, таеъ я къ твоимъ услугамъ“. Но онъ другой разъ не пырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ голосъ и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и прибазалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ только когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина. Потомъ, слышу, въ тотъ-же день бросался камнями и вамъ палець укусилъ, — но, понимаете, въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну чтó дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особья цѣли. Ну, вотъ и вся эта исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша — что я не зналъ, вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то-бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите-ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я

и не зналъ, какъ вы ему дороги! И неужели, неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу розыскивали. Вѣрите-ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ ужъ повторялъ: „Это оттого я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ“: не собьешь его съ этой мысли! И если-бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, онъ-бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой-же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то есть что именно я отыщу? — съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля, — почему именно на меня рассчитывали, а не на другаго?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще, кажется, вышло...

— Еще скажите, Карамазовъ: что такое этотъ отецъ? Я его знаю, но что онъ такое по вашему опредѣленію: шутъ, паяцъ?

— Ахъ, нѣтъ, есть люди глубоко чувствующіе, но какъ-то придавленные. Шутство у нихъ въ родѣ злобной ироніи на тѣхъ, которымъ въ глаза они не смѣютъ сказать правды отъ долговременной унижительной робости предъ ними. У него все теперь, все на землѣ совокупилось въ Илюшѣ, и умри Илюша, онъ или съ ума сойдетъ съ горя, или лишитъ себя жизни. Я почти убѣжденъ въ этомъ, когда теперь на него смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ, я вижу, вы знаете человѣка, прибавилъ проникновенно Коля.

— А я какъ увидаль васъ съ собакой, такъ и подумаль, что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ быть, мы ее и отыщемъ, а эта — это Перезвонъ. Я впущу ее теперь въ комнату и, можетъ быть, развеселю Илюшу побольше, чѣмъ медеянскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже мой, что-жъ я васъ держу! — вскричалъ вдругъ стремительно Коля. — Вы въ одномъ скюртучкѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю!

— Не безпокойтесь, правда, холодно, но я не простудливъ. Пойдемте однако-же. Кстати: какъ ваше имя, я знаю, что Коля, а дальше.

— Николай, Николай Ивановъ Красоткинъ, или, какъ говорятъ по казенному, сынъ Красоткинъ, — чему-то засмѣялся Коля, но вдругъ прибавилъ:

— Я, разумѣется, ненавижу мое имя Николай.

— Почему-же?

— Тривіально, казенно...

— Вамъ тринадцатый годъ? спросилъ Алеша.

— То есть четырнадцатый, черезъ двѣ недѣли четырнадцатъ, весьма скоро. Признаюсь предъ вами заранѣе въ одной слабости, Карамазовъ, это ужъ такъ предъ вами, для перваго знакомства, чтобы вы сразу увидѣли всю мою натуру: я ненавижу, когда меня спрашиваютъ про мои года, болѣе чѣмъ ненавижу... и, наконецъ... про меня, напимѣръ, есть клевета, что я на прошлой недѣлѣ съ приготовительными въ разбойники игралъ. То что я игралъ — это дѣйствительность, но что я для себя игралъ, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣшительно клевета. Я имѣю основанія думать, что до васъ это дошло, но я не для себя игралъ, а для дѣтвора игралъ, потому что они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у насъ всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетень, увѣряю васъ.

— А хоть-бы и для своего удовольствія играли что-жь тутъ такого?

— Ну для себя... Не станете-же вы въ лошадки играть?

— А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша: — въ театрѣ, на примѣръ, ѣздятъ-же взрослые, а въ театрѣ тоже представляютъ приключенія всякихъ героевъ, иногда даже съ разбойниками и съ войной, — такъ развѣ это не то-же самое, въ своемъ, разумѣется, родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ рекреационное время, или тамъ въ разбойники, — это вѣдь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства въ юной душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе чѣмъ представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ театрѣ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Но это только естественно.

— Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально смотрѣлъ на него Коля. — Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на этотъ счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно кой-чему поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ, заключилъ Коля.

— А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

Коля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что съ нимъ онъ въ высшей степени на ровной ногѣ и что тотъ говоритъ съ нимъ какъ „съ самымъ большимъ“.

— Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже одно театральное представленіе, нервно засмѣялся онъ, — я съ тѣмъ и пришелъ.

— Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ

пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: „иси, Перезвонъ, кушъ и умри!“ — видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, посмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, свисну! „иси Перезвонъ!“ и вы увидите, онъ тотчасъ-же влетитъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужь я распоряжусь и вы увидите фортель...

---

## У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало семейство извѣстнаго намъ отставнаго штабсъ-капитана Снѣгирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши.

Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы-же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ трепеталъ надъ нимъ, пересталъ даже совсѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умереть его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ, бывало, его по комнатѣ подъ руку и уложить опять въ постельку,—вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголокъ, и, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то залихватымъ, сотрясающимся плачемъ, давая свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно у Илюшечки.

Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ нибудь развлекать и утѣшать своего дорогаго маль-



чика, рассказывалъ ему сказки, смѣшныя анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣчать, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ или кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ коверкался и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и старался не показывать, что ему это неприятно, но съ болью сердца сознавалъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда, неотвязно, вспоминалъ о „мочалѣѣ“ и о томъ „страшномъ днѣ“. Ниночка, безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже не любила, когда отецъ коверкался (что-же до Варвары Николаевны, то она давнѣе уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), зато полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердца смѣялась, когда ея супругъ начнетъ, бывало, что-нибудь представлять или выдѣлывать какіе-нибудь смѣшныя жесты. Этимъ только ее и можно было утѣшить, во все-же остальное время она непрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ ее забыли, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и проч., и проч. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ-бы вся перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на Илюшу и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, притихла и, если принималась плавать, то тихо, чтобы не слышали. Штабсъ-капитанъ съ горькимъ педоумѣніемъ замѣтилъ эту въ ней перемѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились и только сердили ее, но потомъ веселые крики и рассказы дѣтей стали развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, что перестанъ ходить эти мальчуганы, она-бы затосковала ужасно. Когда дѣти что рассказывали или начинали играть, она смѣялась и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себѣ и цаловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до штабсъ-капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, приходившихъ веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала

восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанет теперь тосковать и, может быть, отъ того скорѣе выздоровѣть. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго времени, не сомнѣвался, не смотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ маленькихъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживалъ, готовъ былъ ихъ на себѣ возить, и даже впрямь началъ было возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были оставлены. Въ то самое мгновеніе, когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больного и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка, можетъ быть, только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной, Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою, блѣдненькою, высушеною ручкой: даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все же не было, все же это не Жучка, а вотъ если-бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда-бы было полное счастье!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, мальчики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ капитанъ стремительно бросился на встрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйста... дорогой гость! залепеталъ онъ ему, — Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ...

Но Красоткинъ, на скоро подавъ ему руку, мигомъ выказалъ и чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ-же и прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ супругѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была ужасно какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчишки заслонили собою постельку Илюши и не дають ей поглядѣть на новую собачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею ножкой, а затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ дамѣ, таковой-же поклонъ. Эготъ вѣжливый поступокъ произвелъ на больную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка, громко произнесла она, разводя руками, — а то чтò прочіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ-же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это такъ? хотя и ласково, но опасаясь немного за „мамочку“, пролепеталъ штабсъ-капитанъ.

— А такъ и вѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ другому верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и вѣдетъ, сидя верхомъ. Какой-же это гость?

— Да кто-же, кто-же, мамочка, такъ вѣзжалъ, кто-же?

— Да вотъ этотъ мальчишъ на этомъ мальчишѣ сегодня вѣхалъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной видимо поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кровати и пристально-пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горячіе въ

лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такіа худенькіа ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышетъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и, почти совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну чтò, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣлся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ связать слова. Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею ладонью по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо, — не то ободряя его, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять помолчали.

— Что это у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шепотомъ, задыхаясь.

— Черный носъ, значить изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главнѣе было въ томъ, что онъ все еще изъ всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ „маленькій“, и все еще не могъ побороть. — Подростеть, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю.

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ толпы.

— Извѣстно, медеянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка, раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-капитанъ, — я нарочно отыскалъ такого, самага-самага злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ полу ростомъ... При-

сядьте-съ, вотъ здѣсь на кровати у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданный... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хотъ, можетъ быть, и приготовилъ дорогой съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь, Перезвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой, — оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ, — помнишь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перевернулось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и вивнулъ было Колѣ укрядкой, чтобъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ-же... Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка — фью! Пропала твоя Жучка.

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда-нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ, самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.— У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непременно посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привелъ... такая-же лохматая, какъ и та... Вы позвольте, сударыня, позвать сю-

да мою собаку? обратился онъ вдругъ къ г-жѣ Снѣгиревой въ какомъ-то совсѣмъ ужъ непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнулъ Илюша. Укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы-бы-съ... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣны, на которомъ было присѣлъ, — вы-бы-съ... въ другое-бы время-съ... пролепеталъ онъ, но Коля неудержимо настаивая и слѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: „Смуровъ, отвори двери!“ и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистулку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо передъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто нивѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и, какъ-бы замирая, смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастья голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ, счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ примѣты какъ ты мнѣ рассказаль. Я его по этимъ примѣтамъ и розыскалъ. Тогда-же розыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья! — пояснялъ онъ, быстро обращиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ, — она была у Федотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значитъ, не проглотила. Если-бы проглотила,

такъ ужь, конечно-бы, померла, вѣдь ужь конечно! Значить, успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплонула. Выплонула, а языкъ себѣ все-таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка, гораздо нѣжнѣе! восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша-же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвъ какъ полотно. И если-бы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больнаго мальчика, то ни за чтò бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, лишь одинъ Алеша. Чтò-же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ-бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ блаженнымъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался, горестно воскликнулъ Смуровъ.—Ай да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдеть Жучку, вотъ и нашель.

— Вотъ и нашель! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ, Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосовъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали аплодировать.

— Да стойте, стойте, силится всѣхъ перекричать Красоткинъ:—я вамъ расскажу какъ это было, штука въ томъ, какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его розыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ-же спря-

таль, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привести къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго. „Вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какого нибудь кусочка говядины, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете, — говядины, кусочекъ, ну, пеужели-же у васъ нѣтъ?”

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля-же, чтобы не терять драгоценнаго времени, отчаянно спѣша, кривнулъ Перезвону: „Умри!“ И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось, что умеръ Перезвонъ, „маменькѣ“. Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подыметъ, ни за что, побѣдносно и справедливо гордясь, прокричалъ Коля, — хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочить! Ісі, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? — торопливо и дѣловито осведомился Коля, принимая кусокъ, — нѣтъ, не горяча, а то собаки не любятъ горячаго. Смотрите-же всѣ, Илюшечка, смотри, да смотри же, смотри, старикъ, что-же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотреть!



Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собагѣ, положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велить хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пилы! кривнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ за того только, чтобъ обучить собаку, все время не приходили! воспользовались съ невольнымъ уворомъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ.

— Перезвонъ! Перезвонъ!—защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочитъ. Ісі, Перезвонъ!—стукнулъ ладонью по постели Коля, и Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ. Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: „Ахъ, какъ-бы и мнѣ ее посмотрѣть!“ Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужъ самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ-бы, когда пройдетъ эффектъ, произведенный Пере-

звономъ, но теперь поспѣшилъ, презирая всякую выдержку: „ужь и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!“ Самъ ужь онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ папина шкапа: *Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ-же и выстрѣлить, „если это только не обезпокоитъ дамъ“. „Маменька“ немедленно попросила, чтобы ей дали поближе посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колескахъ ей ужасно понравилась и оно принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывший военный человекъ, самъ распорядился зарядомъ, всыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь-же попросилъ отложить до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. „Маменька“ вздрогнула было, но тотчасъ-же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, повторилъ онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше мнѣ! вдругъ точно маленькая начала просить „маменька“. Лицо ея изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не подарятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мамочка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка твоя, твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему подарили, но она все равно что твоя. Илюшечка всегда тебѣ дастъ поиграть, она у васъ пусть будетъ общая, общая..

— Нѣтъ, не хочу чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣмъ моя была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь уже совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ, возьми себѣ! кривнуль вдругъ Илюша.—Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обратился онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ-бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому дарить.

— Совершенно возможно! тотчасъ-же согласился Красоткинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и передалъ ее съ самымъ вѣжливымъ поклономъ „маменькѣ“. Та даже расплакалась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любить! умиленно воскликнула она и немедленно опять принялась катать пушечку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцалую, подскочилъ къ ней супругъ и тотчасъ-же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человекъ, такъ вотъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благородная дама, указывая на Красоткина.

— А пороку я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно буду носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ составъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шесть березоваго угля, все вмѣстѣ сто-

лочь, влить воды, смѣшать въ мякоть и протереть черезъ барабанную шкуру—вогъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а только папа говорить, что это не настоящій порохъ, отозвался Илюша.

— Какъ не настоящій? повраснѣлъ Коля,—у насъ горить. Я, впрочемъ, не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что настоящій порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ-съ.

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной банкѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая сажка осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть черезъ шкуру... А, впрочемъ, вы лучше знаете, я не знаю... А Булкина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ,—отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кроватью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говорить, можетъ. Да и высѣвъ его тутъ-же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого не пускаютъ. Смурова тоже не пускаютъ, у всѣхъ прославился,—говорять, что я „отчаянный“, презрительно усмѣхнулся Коля.—Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Докторъ пріѣхалъ! — воскликнула вдругъ все время молчавшая Ниночка.

Дѣйствительно, къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая госпожѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все утро доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать его. „Маменька“ подобралась и напустила на себя важности. Алеша подо-

шелъ къ Илюшѣ и сталъ оправлять ему подушку. Ничья изъ своихъ кресель, съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ оправляетъ постельку. Мальчишки торопливо стали прощаться, нѣкоторые изъ нихъ побѣщались зайти вечеромъ. Коля крикнулъ Перезвона, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ попыхахъ Коля Илюшѣ, — я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уѣдетъ докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но ужъ докторъ входилъ — важная фигура въ медвѣжьей шубѣ съ длинными темными бакенбардами и съ глянцовито выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ остановился, какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что онъ не туда зашелъ: „Что это? Гдѣ я?“ пробормоталъ онъ, не скидая съ плечъ шубы и не снимая котиковою фуражки съ котиковымъ-же козырькомъ съ своей головы. Толпа бѣдность комнаты, развѣшанное въ углу на веревкѣ бѣлье, сбили его съ толку. Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, — бормоталъ онъ подобострастно, — вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ во мнѣ-съ..!

— Снѣ-ги-ревъ? — произнесъ важно и громко докторъ. — Господинъ Снѣгиревъ — это вы?

— Это я-съ.

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сбросилъ съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ важный орденъ на шеѣ. Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ фуражку.

— Гдѣ-же пациентъ? — спросилъ онъ громко и настоятельно.

## И л ю ш а.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу и съ фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брезгливое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мелькомъ окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на Алешу и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета, привезшая доктора, подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-капитанъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и согнувшись, почти извиняясь предъ нимъ, остановилъ его для послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взглядъ испуганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство... неужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь всплеснулъ руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбой смотря на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго слова доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и привычно внушительнымъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство... и скоро это, скоро?

— При-го-товъ тесь ко всему, отчеканилъ, ударяя по каждому слогу, докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготовился было шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганно остановилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ, — ваше превосходительство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ничего теперь не спасетъ?..

— Не отъ меня теперь за-ви-силь, нетерпѣливо проговорилъ докторъ, — и однако-же, гм, — приостановился онъ вдругъ, — если-бъ вы, напримѣръ, могли... направить... вашего паціента... сейчасъ и ни мало не медля (слова „сейчасъ и ни мало не медля“ докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, такъ что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ву-зы, то... вслѣдствіе новыхъ благо-прі-ятныхъ вли-ма-ти-ческихъ условій... могло-бы, можетъ быть, про-и-зойдти...

— Въ Сиравузы! — вскричалъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы ничего еще не понимая.

— Сиравузы — это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громко Коля, для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію! Батюшка, ваше превосходительство, потерялся штабсъ-капитанъ, да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ обѣими руками вругомъ, указывая на свою обстановку, — а маменька-то, а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство ваше на Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а супругу... продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея ревматизмовъ... немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ, въ лѣчебницу доктора пси-хі-атра Ле-пель-летье, я бы могъ дать къ нему записку, и тогда... могло-бы, можетъ быть, произойти...

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнулъ вдругъ опять руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя бревенчатыя стѣны сѣней.

— А, это ужъ не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ, — я лишь сказалъ то, что могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о послѣднихъ средствахъ, а остальное... въ сожалѣнію моему...

— Не безпокойтесь, лѣварь, моя собака васъ не

укусить, громко отрубалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ доктора на Перезвона, ставшаго на порогъ. Гнѣвная нотка прозвенѣла въ голосъ Коли. Слово-же „лѣварь“ вмѣсто докторъ онъ сказалъ нарочно и, какъ самъ объявилъ потомъ, „для оскорбленія сказалъ“.

— Чтò та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уставившись на Колю.— Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, будто спрашивалъ у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣварь, не безпокойтесь о моей личности, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ чтò такое Перезвонъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣварь, увидимся въ Сиракузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не обращайтесь вниманія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша.— Коля, молчите! — крикнулъ онъ Красоткину.— Не надо обращать вниманія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь, надо выс-сѣчь! затопалъ было ногами слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣварь, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй, что и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голосомъ, поблѣднѣвъ и сверкнувъ глазами.— Ісі, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ вами разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣварь, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ привязывать Николаю Красоткину, это вотъ эготъ человекъ (Коля указалъ на Алешу); ему повинуюсь, прощайте!



Онъ сорвался съ мѣста и, отворивъ дверь, быстро прошелъ въ комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ было еще секундъ пять, какъ-бы въ столбнякъ, смотря на Алешу, потомъ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ въ каретъ, громко повторяя: „Этта, этта, этта, я не знаю, что этта!“ Штабсъ-капитанъ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату вслѣдъ за Колей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши. Илюша держалъ его за руку и звалъ папу. Черезъ минуту воротился и штабсъ-капитанъ.

— Папа, папа, поди сюда... мы... пролететь было Илюша въ чрезвычайномъ возбужденіи, но, видимо не въ силахъ продолжать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки впередъ и крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ, и Колю и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись. Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся отъ безмолвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько простоналъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... будешь здоровъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было штабсъ-капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю, что тебѣ новый докторъ про меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша и опять крѣпко, изо всей силы, прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ, спрятавъ на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты хорошаго мальчиwa, другаго... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хорошаго, назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь, точно осердившись, крикнулъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, продолжалъ Илюша, — ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ

что, папа, похорони ты меня у нашего большого камня, въ которому мы съ тобой гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, вечеромъ... И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣлся, всѣ трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своемъ вреслѣ и Ниночка, и вдругъ, увидавъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она. Красоткинъ вдругъ высвободился изъ объятий Илюши:

— Прощай старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, проговорилъ онъ скороговоркой.— Какъ жаль, что я ее не предувѣдомилъ! Очень будетъ беспокоиться... Но послѣ обѣда я тотчасъ къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ расскажу, столько расскажу. И Перезвона приведу, а теперь съ собой уведу, потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать будетъ; до свиданья!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но въ сѣняхъ онъ-таки заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашелъ его Алеша.

— Коля, вы должны непременно сдержать слово и придти, а то онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ Алеша.

— Непременно! О, какъ я вляну себя, что не приходилъ раньше, плача и уже не конфузясь что плачетъ, пробормоталъ Коля. Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты штабсъ-капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его было изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ передъ обоими молодыми людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

— Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другаго мальчика! прошепталъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами,— аще забуду тебе, Іерусалиме, да прильпнетъ...

Онъ не договорилъ, какъ-бы захлебнувшись, и опустился въ безсиліи предъ деревянною лавкой на

волѣни. Стиснувъ обоими кулаками свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвизгивая, изо всей силы вѣпясь, однако, чтобы не услышали его взвизговъ въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

— Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

— Вечеромъ непременно буду.

— Чтò онъ это такое про Иерусалимъ... Это чтò еще такое?

— Это изъ Библии: „Аще забуду тебе, Иерусалиме“,—то есть если забуду все, чтò есть самага у меня драгоцѣннаго, если промѣняю на чтò, то да поразить...

— Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі, Перезвонъ! совсѣмъ уже свирѣпо провричалъ онъ собаѣ, и большими, скорыми шагами зашагалъ домой.

---

## Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

Алеша опоздалъ. Его ждали и даже ужь рѣшились безъ него нести хорошенькій, разубранный цвѣтами, гробикъ въ церковь. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Алеша еще у воротъ дома былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей Илюшиныхъ. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались, что онъ, наконецъ, пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человекъ двѣнадцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ плечо. „Папа плакать будетъ, будьте съ папой“, — завѣщалъ имъ Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ былъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Карамазовъ! воскликнулъ онъ, протягивая Алешѣ руку. — Здѣсь ужасно. Право, тяжело смотрѣть. Свѣгиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно, что онъ ничего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ...

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глаза, Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились и, странно, отъ трупа почти не было запаха. Выраженіе лица было серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные на-крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора.

Въ руки ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ снаружи и внутри цвѣтами. Когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ, съ пучкомъ цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими снова своего дорогаго мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшаго Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую, помѣшанную жену свою, свою „мамочку“, которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе на своего мертваго мальчика. Ниночку-же дѣти приподняли съ ея стуломъ и придвинули вплоть къ гробу. Она сидѣла прижавшись къ нему своею головой и тоже, должно быть, тихо плакала. Лицо Снѣгирева имѣло видъ оживленный, но какъ-бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырвавшихся словахъ его было что-то полоумное. „Батюшка, милый батюшка!“ восклицалъ онъ поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ, говорить ему ласкаючи: „батюшка, милый батюшка!“

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки, вотъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная „мамочка“. Или ужъ ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ захотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и заметалась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскликнулъ Снѣгиревъ.—Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего твоего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтовъ! подняла вдругъ свое смоченное слезами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ. Она его не любила. Она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей подарилъ, вдругъ въ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминавіи о томъ, какъ Илюша усту-

пилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною вучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снѣгиревъ, — у камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ. Не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронить у камня; но вступились Алеша, Красотвинъ, квартирная хозяйка, сестра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что выдумалъ, у камня поганого хоронить, точно-бы давленника, строго проговорила старуха-хозяйка. — Тамъ въ оградѣ земли со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будутъ. Изъ церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и словесно читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно-бы надъ могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ, наконецъ, руками: „Несите, дескать, куда хотите!“ Дѣти подняли гробъ, но, пронося мимо матери, остановились предъ ней на минутку и опустили его, чтобъ она могла съ Илюшей проститься. Но, увидавъ вдругъ это дорогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла лишь съ нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начала истерически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой взадъ и впередъ.

— Мама, окрести его, благослови его, подалуй его, провричала ей Ниночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась своею головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго горя лицомъ, вдругъ стала бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ понесли дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ устамъ покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выходя изъ дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ прось-

бой присмотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже. Старуха, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далеко, шаговъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій, морозило, но немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снѣгиревъ суетливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старенькомъ, коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою головою и со старою, широкополою, мягкою шляпою въ рукахъ. Онъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протягивалъ руку, чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшалъ несущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ-бы хоть тутъ пристроиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и бросился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка Богъ знаетъ что зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчики тотчасъ напомнили ему, что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что она у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ кармана и, удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ тотчасъ Алешѣ; — лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и вдругъ приказалъ: „Папочка, когда засыплють мою могилку, покроши на ней корочку хлѣбца, чтобъ воробушки прилетали, я услышу что они прилетѣли и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ лежу“.

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, — надо чаще носить.

— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посреди ея гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно простояли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бѣдная, много иконъ стояло совсѣмъ

безъ овладовъ, но въ такихъ церквахъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снѣгиревъ какъ-бы нѣсколько попритихъ, хотя временами все-таки прорывалась въ немъ та-же бессознательная и какъ-бы сбитая съ толку озабоченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, вѣнчикъ; то когда упала одна свѣчка изъ под-свѣчника, вдругъ бросился вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. Затѣмъ уже успокоился и сталъ смиренно у изголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола онъ вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ него Алешѣ, что апостола *не такъ* прочитали, но мысли своей, однако, не разъяснилъ. За херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и, опустившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, приступили къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умиленное, потрясающее надгробное пѣніе пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь съезжился и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая голосъ, а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда-же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не давая накрыть Илюшечку, и началъ часто, жадно, не отрываясь, цѣловать въ уста своего мертвого мальчика. Его, наконецъ, уговорили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ стремительно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько цвѣтговъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея осяѣнила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уже не сопротивлялся, когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Она была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви. Послѣ обычнаго обряда могильщика гробъ опустили. Снѣгиревъ до того нагнулъ, съ своими цвѣточками въ рукахъ, надъ открытою могилой, что мальчики, въ испугѣ, уцѣпились за



его пальто и стали тянуть его назадъ. Но онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо, что совершается. Когда стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрасывая по могилкѣ кусочки: „Вотъ и прилетайте, птички, вотъ и прилетайте, воробушки!“ — бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ ему неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому поддержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точно ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять, и, поглядѣвъ на могилку и какъ-бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки поброшены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спойно повернулся и побрелъ домой. Шагъ его, однако, становился все чаще и уторопленнѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеша отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему, чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ онъ какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: „не хочу шляпу, не хочу шляпу!“ Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до одинаго плакали, а пуще всѣхъ Коля. На половинѣ дороги Свѣгиревъ внезапно остановился, постоялъ съ долминуты какъ-бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поворотивъ назадъ къ церкви, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигомъ догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, какъ въ безсиліи, какъ сраженный, палъ на снѣгъ и біясь, вопія и рыдая, началъ выкрикивать: „Батюшка, Илюшечка, милый ба-

тюшка!“ Алеша и Коля стали поднимать его, упрасивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человекъ обязанъ переносить, — бормоталъ Коля.

— Знаете, Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ, чтобъ никто не услышалъ. Мнѣ очень грустно и если-бъ только можно было его воскресить, то я-бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ, и я тоже, сказалъ Алеша.

Снѣгирева увели.

Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ: Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша посмотрѣлъ и дѣлая картина того, что Снѣгиревъ рассказывалъ когда-то объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, восклицалъ: „Папочка, папочка, какъ онъ унижилъ тебя!“ — разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ-бы сотряслось въ его душѣ. Онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось-бы вамъ сказать здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него пристальные, ожидающіе взгляды.

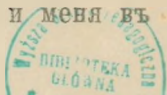
— Господа, мы скоро разстанемся. Скоро я здѣшній городъ покину, можетъ быть, очень надолго. Вотъ мы и разстанемся, господа. Согласимся-же здѣсь, у Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать — во первыхъ, Илюшечку, а во вторыхъ, другъ о другѣ. И что-бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя-бы мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались, — все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы хоронили бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, помните, тамъ, у мостика-то? — а потомъ такъ

всѣ его полюбили. Онъ былъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И такъ, во первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя-бы мы были заняты самыми важными дѣлами, достигли почестей или впали-бы въ какое великое несчастье,—все равно не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей въ бѣдному мальчику, можетъ быть, лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Голубчики мои,—дайте я васъ такъ назову—голубчиками, потому что вы всѣ очень похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ птичекъ, теперь въ эту минуту какъ я смотрю на ваши добрыя, милыя лица,—милыя мои дѣточки, можетъ быть, вы не поймете что я вамъ скажу, потому что я говорю часто очень непонятно, но вы все таки запомните и потомъ когда-нибудь согласитесь съ моими словами. Знайте-же, что ничего нѣтъ выше и сильнѣе, и здоровѣе и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое-нибудь такое прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человекъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда-нибудь намъ во спасеніе. Можетъ быть, мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми, которые говорятъ „Хочу по страдать за всѣхъ людей“,—и надъ этими людьми, можетъ быть, злобно издѣваться будемъ. А все таки

какъ ни будемъ мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ у этого камня, то самый жестокой изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, всетаки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ, какъ онъ былъ добръ и хорошъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ быть, именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержитъ и онъ одумается и скажетъ: „Да я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ“. Пусть усмѣхнется про себя, это ничего, человѣкъ часто смѣется надъ добрымъ и хорошимъ; это лишь отъ легкомыслія; но увѣряю васъ, господа, что какъ усмѣхнется, такъ тотчасъ же въ сердцѣ скажетъ: „Нѣтъ, это я дурно сдѣлалъ, что усмѣхнулся, потому что надъ этимъ нельзя смѣяться!“

— Это непременно такъ будетъ, Карамазовъ, я васъ понимаю, Карамазовъ! воскликнулъ, свернувъ глазами, Коля. Мальчики заволновались и тоже хотѣли что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

— Это я говорю на тотъ страхъ, что мы дурными сдѣлаемся, продолжалъ Алеша,—по зачѣмъ намъ и дѣлаться дурными, не правда-ли, господа? Будемъ, во первыхъ, и прежде всего, добры, потомъ честны, а потомъ—не будемъ никогда забывать другъ объ другѣ. Это я опять-таки повторяю. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчасъ, смотритъ, припомню, хоть-бы и чрезъ тридцать лѣтъ. Господа, милые мои господа, будемъ всѣ великодушны и смѣлы, какъ Илюшечка, умны, смѣлы и великодушны, какъ Коля (но который будетъ гораздо умнѣе когда подростетъ). Всѣ вы, господа, милы мнѣ отнынѣ, всѣхъ васъ заключу въ мое сердце, а васъ прошу заключить и меня въ



45

16.10.73

040659

And then  
runners

A.H.

WYŻSZA SZKOŁA  
PEDAGOGICZNA W KIELCACH  
BIBLIOTEKA

98989

Biblioteka WSP Kielce



0161341